

Буря Мечей

ТОМ 2

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН
ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЧАРЛЬЗА ВЕССА

18+

Джордж Рэймонд Ричард Мартин

Буря мечей. Том 2

Серия «Иллюстрированная
классика. XX век (АСТ)»

Серия «Песнь Льда и Огня
(Иллюстрированная)», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48762328

Буря мечей. Том II: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115563-6, 978-5-17-115231-4

Аннотация

Сотрясается в борьбе Железный Трон Семи Королевств. Предают друг друга недавние союзники, злейшими врагами становятся добрые друзья.

В неприступном замке плетет сети изощренного заговора могущественная служительница Рглора, Владыки Света... В далеких, холодных землях собирает силы юный король Севера Робб из дома Старк... Новые и новые воины сходятся под знаменами Дейенерис Бурерожденной, повелительницы последних оставшихся в мире драконов... Но ныне в разгорающийся пожар сражений вступают еще и Иные – армия живых мертвецов, коих не остановить ни властью оружия, ни властью магии.

Буря мечей грядет в Семи Королевствах – и многих сметет она... Перед вами – третья часть саги Джорджа Мартина с уникальными иллюстрациями американского художника Чарльза Весса.

Содержание

Дейенерис	9
Арья	47
Джейме	70
Кейтилин	100
Сэмвел	129
Арья	146
Джон	164
Кейтилин	182
Арья	211
Кейтилин	222
Арья	244
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Джордж Р.Р. Мартин
Буря мечей. Том II

Mainstream

представляет

уникальное иллюстрированное издание

легендарного эпоса Джорджа Р.Р. Мартина

«ПЕСНЬ ЛЬДА И ПЛАМЕНИ»:

«Игра престолов» (илл. Теда Нэсмита)

«Битва королей» (илл. Ричарда Хескокса)

«Буря мечей» (илл. Чарльза Весса)

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Буря
Мелкий

George R.R. Martin

A Storm of Swords. Volume Two

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Andrew Nurnberg

Иллюстрации публикуются с разрешения автора и литературных агентств Varor International, Inc. и Nova Littera

Издательство признательно Назиму Абдимомунову, Артуру Шафикову и сайту 7kingdoms.ru за помощь, оказанную при подготовке настоящего издания

Copyright © George R.R. Martin, 2000

All artwork Copyright © Charles Vess, 2006. All Rights Reserved

© Н. И. Виленская, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Дейенерис

Ее дотракийские разведчики доложили ей, как обстоит дело, но Дени захотела посмотреть сама. Вместе с сиром Джорахом они проехали через буковый лес и поднялись на невысокую песчаниковую гряду.

– Они довольно близко, – предупредил Мормонт.

Дени остановила кобылу и посмотрела через поле туда, где стояло, преграждая ей путь, юнкайское войско. Белобородый научил ее быстро определять численность врага.

– Пять тысяч, – сказала она.

– Да, около того. На флангах у них наемники – копейщики и конные лучники с мечами и топорами для ближнего боя, – указывая пальцем объяснял сир Джорах. – Младшие Сыновья на левом крыле, Вороны-Буревестники на правом. В том и другом отряде человек по пятьсот. Видите знамена?

Юнкайская гарпия держала в когтях кнут и железный

ошейник вместо цепи, но наемники, кроме знамен города, которому служили, имели и собственные: на правом изображались четыре вороны между перекрещенных молний, на левом – сломанный меч.

– Центр занимают сами юнкайцы, – заметила Дени. Их офицеры на расстоянии ничем не отличались от астапорских: те же высокие яркие шлемы и плащи, расшитые блестящими медными дисками. – Их войско состоит из рабов?

– Большой частью. Но с Безупречными им не сравниться. Юнкай известен рабами для утех, а не воинами.

– По-твоему, мы сможем их побить?

– С легкостью, – ответил сир Джорах.

– Но без крови все равно не обойдется. – Кровь обильно оросила кирпичи Астапора в день, когда город пал, но ее людям в этом потоке принадлежала разве что капля. – Мы можем выиграть сражение, но это еще не значит, что мы возьмем город.

– Риск есть всегда, кхалиси. Беспечность астапорцев сыграла с ними дурную шутку, но Юнкай предупрежден.

Дени поразмыслила. Войско рабовладельцев казалось ей небольшим по сравнению с ее собственным, но у них имелась наемная кавалерия. Дени проехала слишком много лиг вместе с дотракийцами, чтобы не проникнуться здоровым уважением к коннице и к тому, что та способна сделать с пехотой. «Безупречные, возможно, и выдержат конную атаку, а вот вольноотпущенников перебьют».

– Рабовладельцы любят поговорить, – сказала она. – Сообщите им, что я приму их нынче вечером в моем шатре. Капитанов наемных отрядов тоже пригласи, но поодиночке: Ворон-Буревестников в середине дня, Младших Сыновей двумя часами позже.

– Слушаюсь, – ответил сир Джорах. – Но если они не придут...

– Они придут. Им будет любопытно посмотреть на драконов и послушать, что я им скажу, а умные люди увидят в этом случай оценить мою силу. – Дени повернула свою серебристую кобылу назад. – Я буду ждать их в своем шатре.

Под свинцовым небом и порывистым ветром она направилась обратно к своему войску. Глубокий ров вокруг лагеря выкопали уже наполовину, и Безупречные рубили в лесу ветки, чтобы сделать из них острые колья. Евнухи не лягут спать в неукрепленном лагере, объяснил ей Серый Червь. Он наблюдал за работами, и Дени остановилась переговорить с ним.

– Юнкай препоясал чресла для битвы, – сказала она.

– Это хорошо, ваша милость. Ваши слуги жаждут крови.

Когда Дени приказала Безупречным избрать офицеров из своих рядов, Серый Червь стал верховным командиром, получив подавляющее большинство голосов. Она приставила к нему сира Джораха для обучения навыкам командного мастерства, и рыцарь докладывал ей, что молодой евнух суров, но честен, схватывает все быстро, не знает усталости и до-

тошно вникает во всякую мелочь.

– Мудрые господа выставили против нас армию рабов.

– Юнкайских рабов учат пути семи вздохов и шестнадцати поз удовольствия, ваша милость, а Безупречных – пути трех копий. Ваш Серый Червь надеется показать вам, что это такое.

Одним из первых распоряжений Дени после падения Астапора стала отмена присвоения Безупречным новых кличек каждый день. Многие из рожденных свободными вернулись к именам, полученным при рождении, если, конечно, еще помнили их. Другие нарекали себя в честь богов, героев, разных видов оружия, драгоценных камней и даже цветов, так что некоторые имена для солдат, на слух Дени, звучали несколько странно. Серый Червь остался Серым Червем. Когда она спросила его, почему, он ответил: «Это счастливое имя. То, которое дали вашему слуге при рождении, проклято – под ним его взяли в рабство. А Серым Червем он назывался в тот день, когда Дейенерис Бурерожденная его освободила».

– Если битва состоится, Серый Червь должен будет показать не только доблесть, но и мудрость, – сказала ему Дени. – Щадите всех рабов, которые побегут или бросят оружие. Чем меньше их будет убито, тем больше потом присоединятся к нам.

– Серый Червь запомнит.

– Я знаю. В середине дня приходи в мой шатер. Я хочу,

чтобы ты был там с другими офицерами, когда я буду говорить с капитанами наемников. – И Дени поскакала к лагерю.

За линией укреплений, над которыми трудились Безупречные, ровными рядами выстроились палатки, посреди которых возвышался ее собственный золотистый шатер. Рядом с этим станом располагался другой, впятеро больше первого, беспорядочный, без рвов, палаток, часовых и коновязей. Те, кто имел лошадей или мулов, спали рядом с ними, боясь, что их украдут. Козы, овцы и голодные собаки бродили свободно между ордами женщин, детей и стариков. Дени оставила Астапор во власти совета бывших рабов, которых возглавили лекарь, ученый и жрец – люди мудрые и справедливые. Но десятки тысяч человек все равно предпочли последовать за ней в Юнкай, лишь бы не оставаться в Астапоре. «Я отдала им город, но большинство побоялись принять этот дар».

Ее собственная армия казалась мелкой кучкой по сравнению с разношерстным войском вольноотпущенников, но последние приносили больше хлопот, чем пользы. Едва ли один человек из ста имел осла, верблюда или вола; почти все они вооружились тем, что взяли в арсеналах своих хозяев, но только каждый десятый годился для боя, и никто из них не обучался владеть оружием. Земли, через которые они шли, эта орда объедала дочиста, будто одетая в сандалии саранча. Но Дени не могла бросить их, как советовали ей сир Джорах и ее кровные всадники. «Я объявила им, что они свободны,

и не могу теперь сказать, что они не вольны идти за мной». Глядя на дымы от их костров, Дени подавила вздох. Ее пешее войско состоит как из лучших, так и из худших в мире солдат.

Арстан Белобородый стоял у входа в ее шатер, а Силач Бельвас сидел, поджав ноги, на траве и ел фиги из миски. Обязанность охранять ее в походе лежала на них. Чхого, Агго и Ракхаро она сделала не только своими кровными всадниками, но и своими ко, и они нужны были ей, чтобы командовать дотракийцами. Кхаласар у нее крошечный: всего тридцать с лишком конных воинов, почти все из которых – мальчишки, еще не заплетающие волос, или согбенные старцы. Но другой конницы у нее нет, и ей без них не обойтись. Пусть Безупречные лучшие в мире пехотинцы, как утверждает сир Джорах – она нуждается также в разведчиках и передовых разъездах.

– Юнкай хочет воевать, – сказала Дени Белобородому, войдя с ним в шатер. Ирри и Чхику устлали пол коврами, Миссандея зажгла ароматные курения, чтобы освежить пыльный воздух. Дрогон и Рейегаль спали на подушках, свившись в клубок, Визерион уселся на край пустой ванны. – На каком языке говорят юнкайцы, Миссандея, – на валирийском?

– Да, ваша милость. Их наречие отличается от астапорского, но понять его можно. Здешние рабовладельцы именуют себя «мудрыми господами».

– Мудрые? – Дени села на подушки, и Визерион, расправив белые с золотом крылья, спорхнул к ней. – Посмотрим, насколько они мудры, – сказала она, почесывая чешуйчатую голову дракона между рожками.

Час спустя вернулся сир Джорах с тремя капитанами Ворон-Буревестников. Они носили черные перья на своих начищенных шлемах и утверждали, что равны по рангу. Дени пригляделась к ним, пока Ирри и Чхику разливали вино. Прендаль на Гхезн – плотный гискарец с широким лицом и темными седеющими волосами; Саллор Смелый – белокожий квартиец с зубчатым шрамом на щеке; Даарио Нахарис выглядит щеголевато даже для тирошийца. Борода у него расчесана натрое и выкрашена в синий цвет, такие же синие кудри падают на плечи, и глаза тоже синие. Остроконечные усы сверкают позолотой. Одет он в желтое разных оттенков, на воротнике и манжетах пенится мирийское кружево цвета сливочного масла, дублет расшит медными бляхами в виде одуванчиков, доходящие до бедер сапоги украшены золотым тиснением. За пояс из золоченых колец заткнуты перчатки из мягкой желтой замши и ногти, покрытые синим лаком, видны во всей красе.

От имени наемников говорил, однако, не он, а Прендаль на Гхезн.

– Хорошо бы вам увести свой сброд куда подальше, – сказал он. – Астапор вы взяли обманом, но Юнкай так легко не сдастся.

– Пятьсот Ворон против десяти тысяч моих Безупречных, – сказала Дени. – Я еще юна и ничего не смыслю в военном деле, но мне кажется, что перевес на моей стороне.

– Вороны-Буревестники будут в поле не одни.

– Вороны-Буревестники улетают с поля при первых раскатах грома. Не лучше ли им улететь прямо сейчас? Наемники, как я слышала, славятся своим вероломством. Какой вам будет прок оставаться верными, когда Младшие Сыновья перейдут на мою сторону.

– Этого не случится, – настаивал Прендаль. – А если и случится, то Младшие Сыновья для нас ничто. Мы полагаемся на стойких солдат Юнкая.

– На мальчиков для утех, которым дали копья? – Дени повернула голову, и два колокольчика в ее косе тихо звякнули. – Когда битва начнется, не просите пощады – но если вы перейдете ко мне теперь, то сохраните золото, которое уплатил вам Юнкай, получите свою долю добычи, а после, когда я взойду на свой трон, будете награждены еще щедрее. На стороне мудрых господ вас ждет только смерть. Думаете, юнкайцы откроют вам ворота, когда мои Безупречные будут убивать вас под стенами города?

– Женщина, ты регочешь как ослица, и смысла в твоих словах не больше.

– *Женщина?* – усмехнулась Дени. – Ты хотел оскорбить меня этим? Я бы тоже сострила по поводу твоего пола, если бы тебя можно было принять за мужчину. – Она смотрела наемнику прямо в глаза. – Я Дейенерис Бурерожденная из дома Таргариенов, Неопалимая Матерь Драконов, кхалиси всадников Дрого и королева Семи Королевств Вестероса.

– Ты шлюха табунщика, и больше ничего, – сказал Прендаль. – Когда мы вас разобьем, я повяжу тебя со своим жеребцом.

Силач Бельвас обнажил свой арахх.

– Бельвас отдаст маленькой королеве его поганый язык, если она захочет.

– Нет, Бельвас. Я обещала этим людям, что их не тронут. – Она улыбнулась. – Скажите: Вороны-Буревестники – рабы или свободные люди?

– Мы – братство вольных людей, – заявил Саллор.

– Тогда ступайте и перескажите своим братьям мои слова. – Дени поднялась с места. – Быть может, некоторые из них предпочтут смерти золото и славу. Я хочу получить ваш ответ завтра.

Капитаны наемников тоже встали – все разом.

– Мы отвечаем «нет», – сказал Прендаль. Двое других последовали за ним, но Даарио Нахарис, выходя, оглянулся и учтиво склонил голову в знак прощания.

Двумя часами позже прибыл командир Младших Сыновей – один. Это был высоченный браавосиец со светло-зелеными глазами и пышной золотисто-рыжей бородищей, ниспадавшей чуть ли не до пояса. Звали его Мерио, но он именовал себя Титановым Бастардом.

Он выпил свое вино одним духом, вытер рот и осклабился, глядя на Дени.

– Помнится, в браавосском веселом доме я трахал бабу,

как две капли воды похожую на тебя. Или это ты и была?

– Вряд ли. Я не сомневаюсь, что запомнила бы столь великолепного мужчину.

– Это верно. Титанова Бастарда ни одна женщина забыть не может. – Меро протянул Чхику пустую чашу. – Раздевайся и садись ко мне на колени. Если я останусь тобой доволен, то, возможно, приведу к тебе Младших Сыновей.

– Если ты приведешь ко мне Младших Сыновей, я, так и быть, тебя не кастрирую.

– Девочка, – засмеялся браавосиец, – одна женщина уже пыталась кастрировать меня – зубами. Теперь она осталась без зубов, а мой меч все так же толст и длинен. Хочешь покажу?

– Не надо. Когда мои евнухи его отрежут, я налюбуюсь им всласть. – Дени отпила глоток вина. – Я еще юна и ничего не смыслю в военном деле, поэтому объясни мне: как вы намерены победить десять тысяч Безупречных, имея всего пятьсот человек? При всей моей неопытности мне кажется, что перевес на моей стороне.

– Младшие Сыновья побеждали и с худшим перевесом.

– Когда Младшие Сыновья встречаются с таким перевесом, они бегут. Например, в Квохоре, при столкновении с тремя тысячами Безупречных. Ты будешь это отрицать?

– Это было давным-давно, до того, как во главе Младших Сыновей стал Титанов Бастард.

– Значит, свое мужество они черпают от тебя? – Дени по-

вернулась к сирю Джораху: – Когда битва начнется, его надо убить первым делом.

– Охотно, ваша милость, – улыбнулся рыцарь-изгнанник.

– Впрочем, вы можете обратиться в бегство еще раз, – сказала Дени наемнику. – Задерживать вас мы не станем. Заберите юнкайское золото и уходите.

– Если бы ты видела Браавосского Титана, глупая девочка, то знала бы, что хвоста у него нет и поджимать ему нечего.

– Тогда оставайтесь и переходите ко мне.

– За тебя стоит сразиться, это верно. Я бы даже позволил тебе поцеловать мой меч, будь моя воля. Но я взял с юнкайцев деньги и дал им свое слово.

– Деньги можно вернуть. Я заплачу тебе столько же и еще больше. Мне предстоит завоевать еще много городов, а через полмира отсюда меня ждет целое королевство. Служите мне верно, и Младшим Сыновьям больше не придется искать себе новую службу.

Меро подергал свою пышную рыжую бороду.

– Столько же и еще больше и поцелуй в придачу, а? Или со столь великолепным мужчиной одним поцелуем дело не обойдется?

– Возможно.

– Думаю, мне понравится вкус твоего язычка.

Дени чувствовала гнев сира Джораха. «Моему черному медведю этот разговор о поцелуях явно не по душе».

– Подумай о том, что я сказала сегодня. Завтра я хочу получить твой ответ.

– Ладно, – усмехнулся Титанов Бастард. – А нельзя ли мне отнести моим капитанам кувшинчик этого отменного вина?

– Хоть бочку. Это вино из подвалов добрых господ Астапора – у меня его несколько повозок.

– Тогда дай мне повозку в знак твоих добрых намерений.

– Велика же твоя жажда.

– Я и сам велик, и у меня много братьев. Титанов Бастард в одиночку не пьет, кхалиси.

– Хорошо, пусть будет повозка, если ты обещаешь выпить за мое здоровье.

– По рукам! – громыхнул он. – Мы выпьем за тебя трижды и принесем тебе ответ, когда взойдет солнце.

Когда он вышел, Арстан Белобородый сказал:

– У этого человека даже в Вестеросе дурная слава. Пусть его манеры вас не обманывают, ваша милость. Ночью он трижды выпьет за ваше здоровье, а наутро вас изнасилует.

– Старик в кои-то веки прав, – сказал сир Джорах. – Младшие Сыновья – отряд старый и довольно доблестный, но при Мери они опустились чуть ли не до Бравых Ребят. Для своих хозяев он опасен не менее, чем для врагов. Потому он и оказался здесь – в Вольных городах не хотят больше брать его на службу.

– Меня заботит не его репутация, а пятьсот человек его конницы. Ну а Вороны-Буревестники – на них какая-нибудь

надежда есть?

– Нет, – напрямик ответил сир Джорах. – Этот Прендаль – гискарец, и у него, надо полагать, была родня в Астапоре.

– Жаль. Пожалуй, драться все-таки придется. Подождем и послушаем, что нам скажут юнкайцы.

Посланники Юнкая прибыли на закате: пятьдесят человек на великолепных вороных конях и один на большом белом верблюде. Их шлемы были сделаны вдвое выше голов, чтобы не помять замысловатые сооружения из намасленных волос. Свои полотняные юбки и рубахи они красили в густо-желтый цвет и расшивали плащи медными дисками.

Человек на белом верблюде назвался Гразданом мо Эразом. Худощавый и жесткий, он часто сверкал белозубой улыбкой – как Кразнис до того, как Дрогон сжег ему лицо. Волосы у него были уложены в торчащий надо лбом рог, токар обшит золотым мирийским кружевом.

– Древен и славен Юнкай, царь городов, – сказал он, когда Дени пригласила его в свой шатер. – Стены наши крепки, вельможи горды и свирепы, а простой народ не знает страха. В нас течет кровь древнего Гиса, империи, которая уже состарилась, когда Валирия еще пицала в пеленках. Вы поступили мудро, назначив переговоры, кхалиси. Здесь вам легкой победы не одержать.

– Все к лучшему – моим Безупречным не терпится подраться. – Дени взглянула на Серого Червя, и он утвердительно кивнул.

Граздан выразительно пожал плечами.

– Если вы хотите крови, она прольется. Мне сказали, что вы освободили своих евнухов, но Безупречным свобода нужна как телеге пятое колесо. – Граздан улыбнулся Серому Червю, но лицо евнуха осталось каменным. – Тех, кто выживет, мы опять возьмем в рабство и используем, чтобы отбить Астапор у черни. Вас мы тоже сделаем рабыней, не сомневайтесь. В Лиссе и Тироше есть веселые дома, где мужчины дорого заплатят за удовольствие переспать с последней из Таргариенов.

– Я рада, что вы знаете, кто я, – мягко заметила Дени.

– Да, я хорошо изучил дикий, бессмысленный запад. Это моя гордость. – Граздан примирительно развел руками. – Но разве нам необходимо говорить в столь резких тонах? С Астапором вы обошлись жестоко, но юнкайцы готовы вам это простить. Мы с вашей милостью не ссорились. Зачем вам терять свои силы у наших мощных стен, когда вам нужен каждый человек, чтобы отвоевать отцовский трон в далеком Вестеросе? Юнкай искренне желает вам удачи в этом деле. И я, чтобы доказать правдивость своих слов, привез вам подарок. – Он хлопнул в ладоши, и двое из его свиты внесли тяжелый кедровый сундук, окованный бронзой и золотом. Сундук поставили к ногам Дени. – Пятьдесят тысяч золотых марок, – небрежно бросил Граздан. – Мудрые господа Юнкая дарят их вам в знак своей дружбы. Дареное золото лучше добычи, взятой в обмен на кровь, не так ли? Я говорю тебе,

Дейенерис Таргариен: бери этот сундук и уходи.

Дени откинула крышку своей маленькой, обутой в туфлю ногой. Сундук, как и сказал посол, доверху наполняли золотые монеты. Дени зачерпнула пригоршню и пропустила сквозь пальцы. Монеты сыпались, ярко сверкая, почти все свежей чеканки, со ступенчатой пирамидой на одной стороне и гарпией Гиса на другой.

– Красиво. Сколько же таких сундуков я найду в вашем городе, когда возьму его?

– Нисколько, ибо этого никогда не случится, – хмыкнул Граздан.

– Я сделаю вам ответный подарок. – Дени захлопнула крышку. – Три дня. На третье утро из города должны выйти ваши рабы. Все до единого. Каждый из них, будь то мужчина, женщина или ребенок, должен быть вооружен и иметь при себе столько еды, одежды, денег и товаров, сколько сможет унести. Все это они должны отобрать сами из имущества своих хозяев как плату за годы своего служения. Когда все рабы выйдут, вы откроете свои ворота и позволите моим Безупречным обыскать город с целью убедиться, что невольников в нем не осталось. Если вы сделаете, как я говорю, Юнкай не будет ни сожжен, ни разграблен, и вашим жителям не причинят вреда. Мудрые господа получают желанный мир и докажут, что их мудрость не пустое слово. Что вы на это скажете?

– Скажу, что вы не в своем уме.

– Неужели? – Дени пожала плечами и скомандовала: – Дракарис.

Услышав это слово, Рейегаль зашипел и пустил дым, Визерион щелкнул зубами, а Дрогон изрыгнул черно-алое пламя. Шелковый токар Граздана тут же воспламенился. Посол, вскочив, опрокинул сундук, и золотые марки рассыпались по ковру. Бранясь, он пытался сбить огонь рукой, пока Белобородый не окатил его водой из кувшина.

– Вы клялись, что не тронете нас! – воскликнул Граздан.

– Все юнкайцы так скулят из-за обгоревшего токара? Я куплю тебе новый... если вы пришлете мне своих рабов через три дня. В противном случае Дрогон поцелует тебя погорячее. – Дени сморщила нос. – Ты обмарался. Забирай свое золото и уходи, да позаботься, чтобы мудрые господа услышали мои слова.

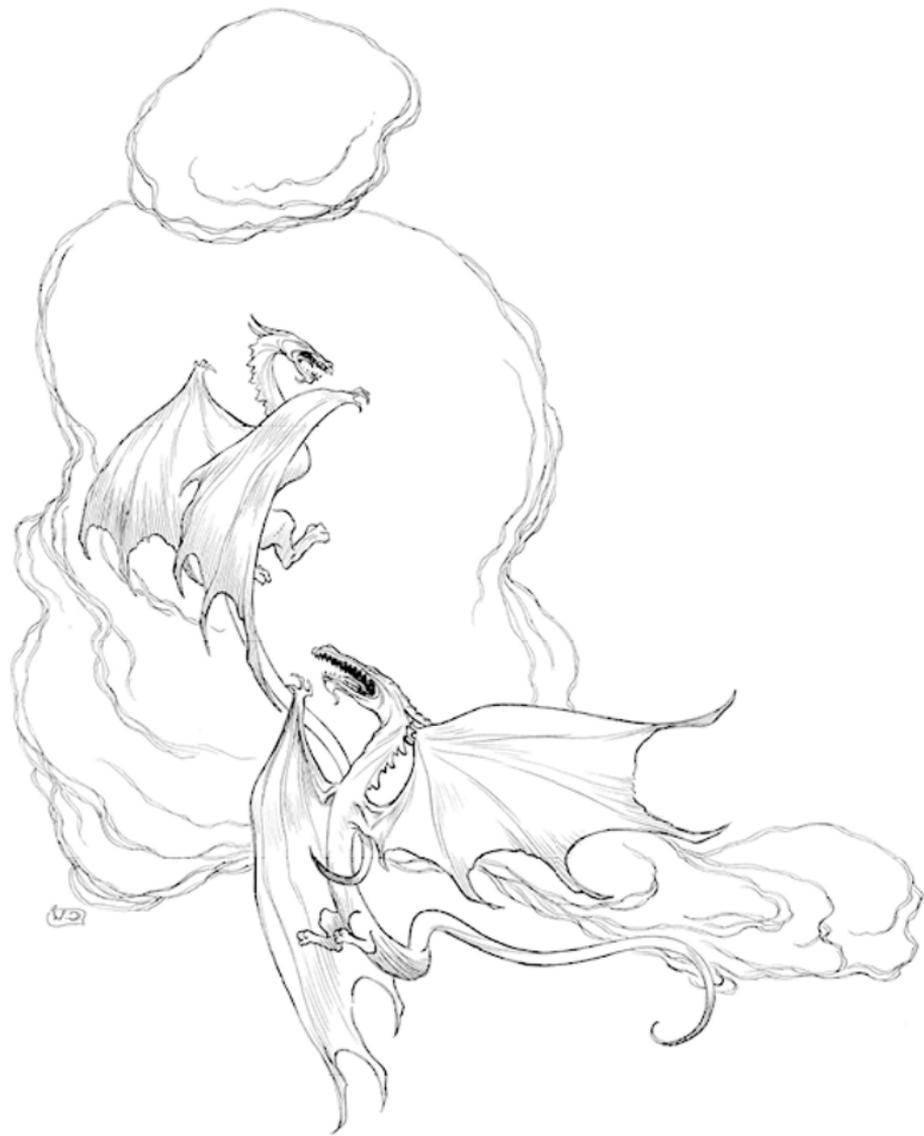
Граздан мо Эраз погрозил ей пальцем.

– Ты пожалеешь, что насмеялась надо мной, шлюха. Твои ящерики тебя не спасут, вот увидишь. Если они приблизятся к Юнкаю хотя бы на лигу, мы наполним воздух стрелами. Думаешь, это так уж трудно – убить дракона?

– Труднее, чем рабовладельца. Три дня, Граздан. Скажи им об этом. К концу третьего дня я войду в Юнкай, откроете вы ворота или нет.

Когда юнкайцы покинули лагерь, уже совсем стемнело. Ночь обещала быть ненастной, без луны и звезд, и с запада дул холодный сырой ветер. «Славная темная ночь», – поду-

мала Дени. Вокруг нее, на холмах и в поле, мелкими оранжевыми звездами светились костры.

– Сир Джорах, – сказала она, – позови моих кровных всад-

ников. – Дени ждала их на груди подушек, окруженная своими драконами. Когда все собрались, она сказала: – Через час после полуночи можно начинать.

– Что начинать, кхалиси? – спросил Ракхаро.

– Атаку.

– Но вы сказали наемникам... – нахмурился сир Джорах.

– ...что буду ждать их ответа завтра. Относительно ночи я ничего не обещала. Вороны-Буревестники будут спорить над моим предложением, а Младшие Сыновья напьются вина, которое я дала Меро, юнкайцы полагают, что у них в запасе три дня. Мы нападём на них под покровом этой темной ночи.

– Они вышлют разведчиков наблюдать за нами.

– В такой тьме разведчики не увидят ничего, кроме сотен горящих костров.

– Я с ними разделяюсь, кхалиси, – сказал Чхого. – Это не наездники, это рабы на конях.

– Правильно, – согласилась Дени. – Я думаю предпринять атаку с трех сторон. Твои Безупречные, Серый Червь, ударят на них справа и слева, а мои ко вобьют клин своей конницей в середину. Солдаты-рабы нипочем не выстоят против конных дотракийцев. Но я, конечно, еще юна и ничего не смыслю в военном деле, – улыбнулась она. – Что скажете вы, милорды?

– Я скажу, что вы сестра Рейегара Таргариена, – с грустной кривой улыбкой сказал сир Джорах.

– И к тому же королева, – добавил Арстан.

У них ушел час на то, чтобы обсудить каждую мелочь. «Теперь начинается самое опасное», – подумала Дени, когда ее капитаны отправились к своим войскам. Ей оставалось только молиться, чтобы ночной мрак скрыл их приготовления от врага.

Около полуночи ее испугал сир Джорах, ворвавшийся в шатер мимо Силача Бельваса.

– Безупречные схватили одного из наемников, который пытался проникнуть в лагерь.

– Лазутчик? – Это испугало ее еще больше. Если схватили одного, сколько могло проскользнуть незамеченными?

– Он утверждает, что принес вам дары. Это тот желтый болван с синими волосами.

«Даарио Нахарис».

– Хорошо, я выслушаю его.

Рыцарь-изгнанник ввел наемника, и Дени подумалось, что двух столь несхожих людей еще не бывало на свете. У тирошийца кожа светлая, у сира Джораха смуглая, один гибок, другой кряжист, у Даарио буйные кудри и нет растительности на теле, Мормонт лысеет, зато тело у него волосатое. И ее рыцарь одевается просто, а наряд другого посрамил бы даже павлина; впрочем, для ночного визита он накинул на свое желтое одеяние плотный черный плащ. На плече он нес тяжелый холщовый мешок.

– Кхалиси, – сказал он, – я принес вам дары и добрые ве-

сти. Вороны-Буревестники ваши. – Когда он улыбнулся, во рту у него сверкнул золотой зуб. – Как и Даарио Нахарис!

Дени колебалась. Если тирошиец пришел сюда шпионить, это заявление может быть всего лишь отчаянной попыткой спасти свою голову.

– Что скажут на это Прендаль на Гхезн и Саллор?

– Да ничего. – Даарио перевернул свой мешок, и на ковер выкатились головы Прендаля на Гхезна и Саллора Смелого. – Мои дары королеве драконов.

Визерион, учуяв кровь, сочащуюся из шеи Прендаля, дохнул огнем прямо в лицо мертвеца, дочерна опалив его бледные щеки. От запаха жареного мяса Дрогон с Рейегалем тоже закопошились.

Дени затошнило.

– Это ты сделал? – спросила она.

– И никто другой. – Если Даарио Нахарис и побаивался ее драконов, то хорошо это скрывал. Можно было подумать, что перед ним котята, играющие с мышью.

– Но почему?

– Потому что вы прекрасны. – Кисти его рук говорили о силе, а твердые голубые глаза и большой загнутый нос наводили на мысли о великолепной хищной птице. – Прендаль говорил слишком много и сказал слишком мало. – Его наряд при всей своей роскоши был поношен, на сапогах проступала соль, лак на ногтях облупился, кружева пострадали от пота, подол плаща обтрепался. – А Саллор только и знал в

носу ковырять, точно у него сопли золотые. – Он стоял, опустив скрещенные руки на рукояти двух клинков: кривой до-тракийский аракс на левом бедре, мирийский стилет на правом. Рукояти представляли собой золотые женские фигуры, нагие и соблазнительные.

– Хорошо ли ты владеешь этими красивыми клинками? – спросила его Дени.

– Прендаль и Саллор подтвердили бы, что это так, если бы мертвые могли говорить. Я не считаю день прожитым, если не полюбился с женщиной, не убил врага и не поел как следует... а дням, прожитым мною, нет счета, как звездам на небе. Из смертоубийства я сделал искусство, и не один акробат или огненный плясун со слезами молил богов даровать ему половину моего проворства и хотя бы четверть моей грации. Я мог бы назвать вам имена всех, кого убил, но прежде чем я закончу, ваши драконы вырастут большими, как замки, стены Юнкая рассыплются в желтую пыль, а зима пройдет и настанет снова.

Дени засмеялась – ей понравилась лихость Даарио Нахариса.

– Обнажи свой меч и поклянись, что будешь служить мне.

Аракх Даарио в мгновение ока вылетел из ножен. Его клятва верности вышла столь же чрезмерной, как и все остальное в его виде и поведении – он пал ниц к ее ногам и произнес:

– Мой меч принадлежит вам. Моя жизнь принадлежит

вам. Мое сердце принадлежит вам. Моя кровь, и мое тело, и мои песни – все принадлежит вам. Я буду жить и умру по вашему приказу, прекрасная королева.

– Тогда живи – и сразись за меня этой ночью.

– Это неразумно, моя королева. – Сир Джорах устремил на Даарио холодный, тяжелый взгляд. – Лучше оставить его здесь под стражей, пока битва не будет выиграна.

Дени подумала немного и покачала головой.

– Если он отдаст нам Ворон-Буревестников, внезапность атаки обеспечена.

– Но если он нас предаст, с внезапностью можно проститься.

Дени снова посмотрела на Даарио, и он улыбнулся ей так, что она вспыхнула и отвернулась.

– Он не предаст.

– Откуда вы знаете?

Она указала на куски горелого мяса, пожираемые драконами.

– Я назвала бы это доказательством его искренности. Даарио Нахарис, пусть твои Вороны будут готовы ударить на юнкайцев сзади, когда мы начнем атаку. Сумеешь ты благополучно добраться назад?

– Если меня остановят, я скажу, что ходил в разведку и ничего не видел. – Тирошиец поклонился и вышел, но сир Джорах задержался.

– Ваша милость, – сказал он прямо в лоб, – это ошибка.

Мы ничего не знаем об этом человеке...

– Мы знаем, что он отменный боец.

– Отменный болтун, вы хотели сказать.

– Он привел нам Ворон-Буревестников. – «И глаза у него голубые».

– Пятьсот наемников, чья верность более чем сомнительна.

– В такие времена всякая верность сомнительна, – заметила Дени. «И мне предстоит пережить еще две измены: одну ради золота, другую ради любви».

– Дейенерис, я втрое старше вас и знаю, как способны лгать люди, – сказал сир Джорах. – Доверия достойны очень немногие, и Даарио Нахарис к ним не принадлежит. У него даже борода крашенная, а не настоящая.

Это разгневало Дени.

– А у тебя, стало быть, настоящая – ты это хочешь сказать?

И ты единственный человек, достойный моего доверия?

– Я этого не говорил, – деревянным голосом сказал Джорах.

– Ты это каждый день говоришь. Пиат Прей – лжец, Ксаро – интриган, Бельвас – хвостун, Арстан – наемный убийца... ты принимаешь меня за невинную девочку, которая не понимает, что стоит за словами мужчин?

– Ваша милость...

– Лучшего друга, чем ты, у меня никогда не было, – повысив голос, говорила она, – и Визерис никогда не был мне

таким хорошим братом, как ты. Ты мой первый королевский гвардеец, командующий моей армией, самый ценный из моих советников, моя незаменимая правая рука. Я высоко тебя ценю и уважаю, ты мне дорог... но я не хочу тебя, Джорах Мормонт, и мне надоели твои попытки устранить от меня всех прочих мужчин, чтобы я могла полагаться только на тебя одного. Тебе это все равно не удастся, а меня не заставит тебя полюбить.

В начале ее речи Мормонт побагровел, а в конце побледнел снова и стал точно каменный.

– Как прикажет моя королева, – холодно молвил он.

Дени пылала жаром за них обоих.

– Она приказывает тебе отправиться к твоим Безупречным, сир. Тебе предстоит выиграть битву.

Он ушел, и Дени бросилась на подушки рядом с драконами. Она не хотела быть резкой с сиром Джорахом, но его бесконечные подозрения пробудили наконец дракона и в ней.

«Ничего, он простит меня, – сказала она себе. – Ведь я его королева». Она невольно задумалась о том, права ли была относительно Даарио, и ей вдруг стало очень одиноко. Мирри Маз Дуур пообещала ей, что она никогда не родит живого ребенка. «Дом Таргариенов исчезнет вместе со мной». Эта мысль опечалила ее.

– Вы мои дети, – сказала она драконам, – мои свирепые детки. Арстан говорит, что драконы живут дольше людей, и вы меня переживете.

Дрогон изогнул шею и куснул ее за руку. Зубы у него очень острые, но он ни разу не поранил ее, играя. Дени засмеялась и стала катать его туда-сюда, а он зарычал и начал хлестать хвостом. «Он заметно вырос, а завтра станет еще больше. Они все теперь растут быстро, и когда они подрастут, у меня появятся крылья». Верхом на драконе она сможет сама вести своих людей в бой, как вела в Астапоре, но пока они еще слишком малы, чтобы выдержать ее вес.

Минула полночь, и на лагерь опустилась тишина. Дени оставалась в шатре со служанками, Арстан и Бельвас несли караул. «Ждать – самое трудное». Дени, сидя без дела во время боя, идущего помимо нее, снова почувствовала себя ребенком.

Время ползло черепашим шагом. Чхико помассировала ей плечи, но Дени все равно была слишком взволнованна, чтобы спать. Миссандея предложила спеть ей колыбельную Мирного Народа, но Дени отказалась и велела девочке привести Арстана.

Когда вошел старик, она завернулась в шкуру храккара, чей запах до сих пор напоминал ей о Дрого.

– Я не могу спать, когда люди умирают за меня, Белобородый, – сказала она. – Расскажи мне еще что-нибудь о моем брате Рейегаре. Мне понравилась история, которую ты рассказал на корабле – как он решил, что должен стать воином.

– Я рад, что это доставило удовольствие вашей милости.

– Визерис говорил, что наш брат одержал победы на многих турнирах.

Арстан почтительно склонил свою белую голову.

– Не мне оспаривать слова его милости...

– Но тем не менее это не так? – резко осведомилась Дени. – Говори, я приказываю.

– Мастерство принца Рейегара не вызывало сомнений, но он редко выходил на ристалище. Звон мечей никогда не внушал ему такой любви, как Роберту или Джейме Ланнистеру. Для него это была только обязанность, задача, которую мир ставил перед ним. Он делал это хорошо, как и все, за что брался, – такова его натура. Но радости ему это не доставляло. Люди говорили, что свою арфу он любит больше, чем копье.

– Но ведь некоторые турниры он все-таки выиграл? – спросила разочарованная Дени.

– В юности его высочество блистательно выступил на турнире в Штормовом Пределе, где выбил из седла лорда Стеффона Баратеона, лорда Джейсона Миллистера, Красного Змея Дорнийского и таинственного рыцаря, который оказался бесславным Саймоном Тойном, предводителем разбойников из Королевского леса. А в поединке с сиром Эртуром Дейном он сломал двенадцать копий.

– И стал победителем?

– Нет, ваше высочество. Эта честь выпала другому рыцарю Королевской Гвардии, который выбил принца Рейегара

из седла в последнем поединке.

Об этом Дени слышать не хотелось.

– Но какие турниры все-таки выиграл мой брат?

– Он выиграл самый главный из них, ваша милость, – с

заминкой ответил Арстан.

– Который?

– Турнир, который лорд Уэнт устроил в Харренхолле близ Божьего Ока, в год ложной весны. То было знаменательное событие. Помимо единоборства, там состоялась схватка между семью рыцарскими дружинами, на старый лад, состязались лучники, метатели топоров и певцы, были скачки, лицедейское представление и множество пиров и увеселений. Лорд Уэнт был столь же щедр, как и богат. Высокие награды, назначенные им, привели на турнир сотни бойцов. Даже ваш царственный отец прибыл в Харренхолл, хотя давно уже не покидал Красного Замка. Знатнейшие лорды и сильнейшие рыцари съехались на этот турнир со всех Семи Королевств, и принц Драконьего Камня превзошел их всех.

– Но ведь именно на этом турнире он короновал Лианну Старк королевой любви и красоты? Там была принцесса Элия, его жена, однако он отдал корону девице Старк, которую после украл у ее жениха. Как он мог? Неужели он был так несчастлив со своей дорнийкой?

– Не мне рассуждать о том, что было на сердце у принца, ваша милость. Принцесса Элия была достойной и любезной дамой, хотя и не могла похвалиться крепким здоровьем.

Дени поплотнее запахнулась в львиную шкуру.

– Визерис сказал как-то, что всему виной я, потому что родилась слишком поздно. – Дени в свое время горячо спорила с братом и осмелилась даже сказать, что Визерис сам

виноват, поскольку не родился девочкой. Он жестоко избил ее за такую дерзость. – Если бы я родилась вовремя, сказал он, Рейегар женился бы на мне, а не на Элии, и все бы сложилось по-другому. Будь Рейегар счастлив со своей женой, Старк ему бы не понадобилась.

– Возможно, и так, ваша милость, – Белобородый помедлил, – но мне всегда казалось, что Рейегар не создан для счастья.

– Послушать тебя, жизнь у него была очень унылая.

– Не то что унылая, но... принцу была свойственна меланхолия, чувство... – старик снова замаялся.

– Продолжай, – потребовала она. – Какое чувство?

– Чувство обреченности. Он был рожден в горе, моя королева, и эта тень висела над ним всю жизнь.

Визерис рассказывал о рождении Рейегара только однажды – возможно, потому, что эта история казалась ему слишком грустной.

– Тень Летнего Замка?

– Да. Однако не было места, которое он любил больше, чем Летний Замок. Он навещал его время от времени, совсем один, если не считать его арфы. Даже рыцарей Королевской Гвардии он не брал туда с собой. Он любил спать в разрушенном чертоге, под луной и звездами, и каждый раз возвращался оттуда с новой песней. Когда он играл на своей высокой арфе с серебряными струнами и пел о сумерках, слезах и гибели королей, слушателям казалось, что он поет

о себе самом и о тех, кого любит.

– А узурпатор? Он тоже любил грустные песни?

– Роберт? – усмехнулся Арстан. – Роберт любил смешные песни, чем похабнее, тем лучше. Сам он пел, только когда бывал пьян: «Бочонок эля», «Погребок», «Медведь и прекрасная дева»...

На этом месте драконы подняли головы и дружно взревели.

– Кони! – Дени вскочила на ноги, вцепившись в львиную шкуру. Силач Бельвас снаружи заорал что-то, послышались другие голоса и лошадиный топот. – Ирри, ступай посмотри...

Полотнище у входа распахнулось, и вошел сир Джорах, пыльный и забрызганный кровью, но невредимый. Опустившись перед Дени на одно колено, он сказал:

– Ваша милость, я извещаю вас о победе. Вороны-Буревестники перешли к нам, рабы обратились в бегство, а Младшие Сыновья слишком перепились, чтобы драться, как вы и говорили. Враг потерял двести человек убитыми, большей частью юнкайцев. Рабы побросали копья, наемники сдались. Мы взяли несколько тысяч пленных.

– А наши потери?

– И дюжины не наберется.

Лишь теперь Дени позволила себе улыбнуться.

– Встань, мой славный храбрый медведь. Взяты ли Граздан и Титанов Бастард?

– Граздан отправился в город, чтобы сообщить ваши условия, – сказал сир Джорах и встал. – Мери, узнав, что Вороны перешли к нам, бежал. Я послал за ним погоню – далеко ему не уйти.

– Хорошо. Оставьте жизнь всем, кто присягнет мне на верность, будь то наемники или рабы. Если достаточное количество Младших Сыновей захочет перейти к нам, оставим их отряд в целости.

На следующий день они прошли последние три лиги, оставшиеся до Юнкая. Если бы не желтый кирпич, вместо красного, город мог бы показаться вторым Астапором: те же осыпающиеся стены, высокие ступенчатые пирамиды и огромная гарпия над воротами. На стенах и башнях толпились люди с арбалетами и пращами. Сир Джорах и Серый Червь построили войско, Ирри с Чхику поставили Дени шатер, и она стала ждать.

Утром третьего дня городские ворота растворились, и оттуда потянулась вереница рабов. Дени на своей Серебрянке выехала им навстречу. Маленькая Миссандея оповещала всех проходящих, что своей свободой они обязаны Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королеве Семи Королевств Вестероса и Матери Драконов.

– *Миса!* – воскликнул темнокожий мужчина, несший на плече маленькую девочку, и девочка повторила своим тонким голоском: – *Миса! Миса!*

– Что они говорят? – спросила Дени у Миссандеи.

– На старом, неиспорченном гискарском это означает «мать!».».

Дени со щемящим чувством вспомнила, что своих детей у нее никогда не будет. Она подняла дрожащую руку и, должно быть, улыбнулась, потому что мужчина улыбнулся ей в ответ и снова крикнул:

– Миса! – Другие подхватили его крик. Люди улыбались ей, протягивали к ней руки, становились перед ней на колени. Одни кричали «маэла», другие «аэлалла», «катей» или «тато», но все эти слова значили одно и то же. «Мать. Они зовут меня матерью».

Крик ширился и рос. Кобыла Дени, испугавшись его, попыталась, затрясла головой и замахала серебристым хвостом. Казалось, что даже желтые стены Юнкая заколебались от этого рева. Все больше рабов выходило из ворот, примыкая к общему хору. Целые толпы, спотыкаясь, бежали к Дени, чтобы прикоснуться к ее руке, погладить ее лошадь, поцеловать ей ноги. Ее бедные кровные всадники не могли отогнать их всех, и даже Силач Бельвас испуганно мычал.

Сир Джорах хотел увести ее прочь, но Дени вспомнила видение, которое явилось ей в Доме Бессмертных.

– Они не причинят мне вреда, – сказала она. – Они мои дети, Джорах. – Она со смехом тронула каблуками Серебрянку и поехала им навстречу, а колокольчики в ее косе звенели, восхваляя победу. Дени перешла на рысь, потом поскакала галопом. Коса стлалась позади, и освобожденные рабы рас-

ступались перед ней.

– Матерь, – восклицали они сотней, тысячью, десятью тысячами глоток. – Матерь, – выпевали они, касаясь ее ног, пока она пролетала мимо. – Матерь, Матерь, Матерь!

Арья

Увидев вдали высокий холм, позолоченный полуденным солнцем, Арья сразу его узнала. Они снова вернулись к Высокому Сердцу. К закату они поднялись наверх и разбили лагерь там, где с ними ничего не могло приключиться. Арья обошла пни от чардрев с оруженосцем лорда Берика, Недом, и они постояли на одном, глядя, как меркнет на западе последний свет дня. На севере бушевала буря, но дождь не задевал Высокого Сердца, зато ветер здесь дул такой, что Арье казалось, будто кто-то стоит сзади и тянет ее за плащ. Но когда она обернулась, там никого не оказалось.

«Привидения, – вспомнила она. – На Высоком Сердце нечисто».

Они развели большой костер, и Торос, сидя около него, смотрел в пламя так, словно на свете больше ничего не существовало.

– Что он делает? – спросила Арья у Неда.

– Иногда он видит в пламени разные вещи. Прошрое, будущее и то, что происходит далеко отсюда.

Арья прищурилась, силясь разглядеть то, что видел красный жрец, но у нее только заслезились глаза, и она быстро отвернулась. Джендри, тоже наблюдавший за Торосом, внезапно спросил его:

– Это правда, что ты видишь там будущее?

Торос со вздохом отвернулся от костра.

– Не сейчас. И не здесь. Но иногда Владыка Света посылает мне видения.

Джендри этому явно не поверил.

– Мой мастер говорил, что ты пьяница и мошенник и что не бывало на свете священника хуже тебя.

– Какие недобрые слова, – усмехнулся Торос. – Верные, но недобрые. Кто он был, твой мастер? Я тебя, часом, не знаю?

– Я служил в подмастерьях у мастера-оружейника Тобхо Мотта, на Стальной улице. Ты покупал у него свои мечи.

– Точно. Он драл с меня за них двойную цену, а потом ругал меня за то, что я их поджигаю. – Торос засмеялся. – Твой мастер правильно говорил. Святостью я не отличался. Я был младшим из восьми братьев, вот отец и отдал меня в Красный Храм – сам бы я это поприще ни за что не выбрал. Я читал молитвы и произносил заклинания, а заодно возглавлял набеги на кухню, и порой в моей постели обнаруживали девушек, не знаю уж, как эти озорницы туда попадали.

Впрочем, я имел дар к языкам, а когда смотрел в пламя, то время от времени кое-что видел. Но от меня все равно было больше хлопот, чем пользы, и в конце концов меня отправили в Королевскую Гавань, нести свет Владыки одержимому семерыми лжебогами Вестеросу. Король Эйерис так любил огонь, что предположительно мог перейти в истинную веру. К сожалению, его пироманты оказались лучшими фокусниками, чем я.

А вот король Роберт меня полюбил. В первый раз, когда я вступил в общую схватку на турнире с горящим мечом, конь Кивана Ланнистера взвился на дыбы и сбросил его. Его милость так смеялся, что я думал, он лопнет. – Торос улыбнулся, вспомнив об этом. – Но с мечами, конечно, так обращаться нельзя, тут твой мастер опять-таки прав.

– Огонь пожирает. – Лорд Берик подошел к ним сзади, что-то в его голосе сразу заставило Тороса умолкнуть. – Он пожирает и когда-нибудь сожжет все дотла, не оставив *ничего*.

Жрец тронул лорда-молнию за руку.

– Берик, друг мой, что ты говоришь?

– Ничего такого, чего бы не говорил раньше. Шесть раз, Торос. Шесть раз – это чересчур. – Лорд Берик отвернулся и отошел.

Ночью ветер выл почти по-волчьи, и настоящие волки где-то к западу от холма давали ему уроки. Нотч, Энгай и Меррит из Лунного города несли караул. Нед, Джендри и мно-

гие другие уже крепко спали, когда Арья заметила маленькую бледную фигурку позади лошадей. Тонкие белые волосы развевались на ветру, рука опиралась на кривую клюку. Росту в старушке было не более трех футов, и глаза ее при свете костра горели красным огнем, как у волка Джона. «Он ведь тоже призрак». Арья подкралась поближе, чтобы лучше видеть.

Лорд Берик, Торос и Лим сидели у костра. Маленькая женщина, непрошенная, уселась рядом, щуря на них красные, как угли, глаза.

– Вижу, Уголь и Лимон снова оказывают мне честь. И его милость Король Мертвецов.

– Я просил тебя не называть меня этим зловещим именем.

– Верно, просил, но теперь от тебя разит свежей смертью, милорд. – Во рту у старухи остался всего один зуб. – Дайте мне вина, не то уйду. Мои старые кости болят, когда дует ветер, а здесь наверху ветры дуют постоянно.

– Даю серебряного оленя за ваши сны, миледи, – церемонно произнес лорд Берик. – И еще одного, если скажете что-нибудь новое.

– Серебряного оленя не зажаришь и верхом на нем не поскачешь. За сны я возьму мех с вином, а за новости вот этот верзила в желтом плаще меня поцелует. – Старушка хихикнула. – Да как следует – в губы и с языком. Ох, давно же это было, давно. Его губы, должно быть, вкуса лимона, мои же – праха. Уж очень я стара.

– Вот-вот – слишком стара для вина и поцелуев, – согласился Лим. – От меня ты не получишь ничего, кроме шлепка мечом, бабка.

– Волосы у меня лезут пучками, и никто не целовал меня уже тысячу лет. Тяжело это – быть такой старой. Ладно, тогда я возьму песню за свои новости. Песню Тома-Семерки.

– Ты получишь свою песню, – пообещал лорд Берик и сам вручил ей мех с вином.

Маленькая женщина припала к нему, и вино потекло у нее по подбородку. Потом она опустила мех, вытерла рот сморщенной рукой и сказала:

– Кислое вино за горькие вести – в самый раз будет. Король умер. Довольно с вас этого?

У Арьи сердце подкатило к горлу.

– Который из них, старуха? – спросил Лим.

– Мокрый. Король-кракен. Я видела во сне, что он умрет, он и умер, и железные спруты теперь накинудись друг на дружку. Лорд Хостер Талли тоже умер. Но это вы уже знаете, верно? Козел сидит один в чертоге королей и трясется от лихорадки, а большая собака идет на него. – Старушка снова надолго припала к меху, выжимая вино себе в рот.

«Большая собака». Кого она имела в виду – Пса или же его брата, Скачущую Гору? Арья не знала. У них обоих в гербе три черные собаки на желтом поле. Половина тех, о чьей смерти Арья молится, – это люди Грегора Клигана: Полливер, Дансен, Рафф-Красавчик, Щекотун, не говоря уж о са-

мом сире Грегоре. «Хорошо бы лорд Берик их всех повесил».

– Мне снился волк, воющий под дождем, но никто не внимал его горю, – снова заговорила старушка. – Снился шум, от которого у меня чуть голова не лопнула: барабаны, рог, волынки и вопли, но печальнее всего был звон маленьких колокольчиков... Снилась дева на пиру с пурпурными змеями в волосах: с их клыков капал яд. А после та же дева убила свирепого великана в замке, построенном из снега. – Тут старушка повернула голову и уставилась прямо на Арию, улыбаясь ей. – От меня не спрячешься, дитя. Поди-ка сюда, живо.

Холодные пальцы прошлись по шее Арьи. «Страх ранит

глубже, чем меч», – напомнила она себе и осторожно приблизилась к костру, готовая удрать в любой миг.

Маленькая женщина оглядела ее тускло-красными глазами.

– Я вижу тебя, – прошептала она. – Вижу тебя, волчонок. Кровавое дитя. Я думала, это от лорда пахнет смертью... – И старушка вдруг разрыдалась, сотрясаясь всем своим маленьким телом. – Жестоко было приходиться на мой холм, жестоко! Я сыта горем Летнего Замка, твоего мне не надо. Прочь, темное сердце. *Прочь!*

В ее голосе звучал такой страх, что Арья попятилась, гадая, не сошла ли старуха с ума.

– Не пугай ребенка, – упрекнул женщину Торос. – Она никому еще не причинила вреда.

Лим потрогал свой сломанный нос.

– Не будь в этом так уверен.

– Она уедет отсюда утром, вместе с нами, – заверил старушку лорд Берик. – Мы возьмем ее к матери в Риверран.

– Нет, – сказала карлица. – Реки теперь держит Черная Рыба. Если вам нужна мать, ищите ее в Близнецах. Там будет свадьба. – Старушка хихикнула снова. – Посмотри в свой костер, розовый жрец, и ты сам все увидишь. Только не сейчас – здесь тебе ничего не откроется. Это место все еще принадлежит старым богам... они существуют здесь, как и я, сморщенные и хилые, но еще живые. Они не любят огня. Дуб вспоминает, как он был желудем, желудю снится, как он

станет дубом, а пень живет в них обоих. Они помнят, как Первые Люди пришли сюда с огнем в кулаках. – Она допила вино четырьмя длинными глотками, отшвырнула в сторону мех и наставила клюку на лорда Берика. – А теперь плати. Я хочу обещанную песню.

Лим разбудил спящего под шкурами Тома и привел зевающего певца к костру вместе с арфой.

– Ту же, что прежде? – спросил Том.

– Да. Песню моей Дженни. А разве есть другие?

Он запел, а карлица стала раскачиваться взад-вперед, повторяя про себя слова и плача. Торос крепко взял Арию за руку и увел ее, сказав:

– Пусть спокойно насладится своей песней. Это все, что у нее осталось.

«У меня и в мыслях не было сделать ей что-то дурное», – подумала Ария.

– Что это она сказала про Близнецов? Моя мать в Риверране, разве нет?

– Во всяком случае, была. – Торос задумчиво потер подбородок. – Старуха упомянула о свадьбе. Ладно, там увидим. Лорд Берик найдет ее, где бы она ни была.

Вскоре после этого небеса разверзлись. Сверкнула молния, прокатился гром и хлынул проливной дождь. Карлица исчезла столь же внезапно, как и появилась, а разбойники принялись строить шалаши из веток.

Дождь лил всю ночь, и утром Нед, Лим и Уотти-Мельник

встали простуженные. Уотти не удержал в себе завтрак, Неда бил озноб, и кожа у него стала влажная и холодная. Нотч сказал лорду Берику, что в половине дня езды к северу есть заброшенная деревня, где они найдут лучшее укрытие, чтобы переждать непогоду. Поэтому все снова расселись по коням и поехали вниз с холма.

Дождь шел не переставая. Они ехали через леса, поля и переправлялись через раздувшиеся ручьи, где бурная вода доходила лошадям до брюха. Арья подняла капюшон плаща и съежилась. Она промокла и вся дрожала, но решила не поддаваться простуде. Мадж и Меррит скоро раскашлялись не хуже Уотти, а бедный Нед становился несчастнее с каждой милей.

– Когда я надеваю шлем, дождь лупит по нему, и у меня от этого голова болит, – жаловался он. – А если его снять, волосы липнут к лицу и лезут в рот.

– Если волосы тебе так докучают, возьми нож и побрей свою дурную башку, – посоветовал ему Джендри.

Арья заметила, что он не любит Неда. Сама она находила оруженосца немного робким, но добрым мальчуганом, и он пришелся ей по душе. Она всегда слышала, что дорнийцы малы ростом, что они смуглые, черноволосые и черноглазые, но у Неда глаза большие и густо-синие, почти лиловые, а волосы светлые, скорее пепельные, чем медовые.

– Давно ты в оруженосцах у лорда Берика? – спросила она, чтобы отвлечь Неда от его страданий.

– Он взял меня в пажи, когда обручился с моей теткой. – Нед закашлялся. – Тогда мне было семь, а когда сравнялось десять, он сделал меня оруженосцем. Я однажды взял награду, наскაკивая на кольца с копьем.

– Я копьем владеть не училась, но могла бы побить тебя на мечах. Ты уже убил кого-нибудь?

– Мне ведь только двенадцать, – опешил Нед.

«Я убила конюшонка, когда мне было восемь», – чуть не сказала Арья, но воздержалась.

– Но ведь ты бывал в битвах.

– Бывал, – без особой гордости подтвердил Нед. – У Шутовского брода. Когда лорд Берик упал в реку, я втащил его на берег и стал над ним с мечом, но сражаться мне не пришлось. Из него торчало сломанное копьё, и нас никто не трогал. А когда мы построились заново, Зеленый Герген помог мне поднять милорда на коня.

После конюшонка в Королевской Гавани был часовой, которому Арья перерезала глотку в Харренхолле, и люди сира Амори в той крепости у озера. Она не знала, считать ли Виза, Чизвика и тех, кто погиб из-за Ласкиного супа, но ей вдруг стало очень грустно.

– Моего отца тоже звали Недом.

– Знаю. Я видел его на турнире десницы. Хотел даже подойти и поговорить с ним, но не нашел, что сказать. – Неда трясло под его промокшим бледно-лиловым плащом. – А ты была на турнире? Твою сестру я видел. Сир Лорас Тирелл

подарил ей розу.

– Она мне рассказывала. – Арье казалось, что это было очень давно. – А ее подруга Джейни Пуль влюбилась в твоего лорда Берика.

– Он дал обещание моей тетке. Но это было давно, – замялся Нед, – до того, как он...

«...умер?» – мысленно закончила она, когда Нед, смутившись, замолчал. Копыта их коней чмокали по грязи.

– Миледи, – сказал наконец Нед, – у тебя ведь есть побоч-

ный брат, Джон Сноу?

– Он на Стене, в Ночном Дозоре. – «Может быть, мне следует отправиться на Стену вместо Риверрана. Джон не будет переживать, что я кого-то убила и что волосы у меня нечесанные». – Джон похож на меня, хоть он и бастард. Он ерошил мне волосы и называл маленькой сестричкой. – По Джону Арья скучала больше всего, и ей от одного его имени стало грустно. – А ты его откуда знаешь?

– Он мой молочный брат.

– Брат? – Арья не поняла. – Ты же дорниец – как вы с Джоном можете быть братьями?

– Я сказал «молочный брат». Когда я родился, у моей леди-матери не было молока, и меня выкормила Вилла.

– Какая еще Вилла? – растерялась Арья.

– Мать Джона Сноу. Он тебе разве не рассказывал? Она служила у нас много лет, еще до моего рождения.

– Джон не знал, кто его мать. Даже имени ее не знал. А это правда она? – спросила Арья, подозревая, что Нед над ней насмехается. – Если ты врешь, я дам тебе по носу.

– Его мать – Вилла, моя кормилица, – с серьезным видом подтвердил Нед. – Клянусь честью моего дома.

– Так ты знатного рода? – Глупый вопрос: конечно, знатного, раз он оруженосец. – Кто же ты?

– Миледи... – смутился Нед. – Я Эдрик Дейн... лорд Звездапада.

– Сплошные лорды да леди, – застонал позади Джендри.

Арья сорвала с подвернувшейся ветки яблоко-дичок и запустила в него, целя в глупую бычью башку. – Ой! – Джендри схватился за глаз. – Больно. Разве леди кидаются яблоками?

– Смотря какие. – Арья уже раскаивалась, что подбила ему глаз. – Извините, милорд... я не знала.

– Это моя вина, миледи, – с изысканной вежливостью ответил Нед.

«Стало быть, у Джона есть мать, которую зовут Вилла». Надо запомнить и сказать ему, когда они снова увидятся. Назовет ли он ее опять «маленькой сестричкой»? «Я уже не маленький ребенок – придется ему придумать что-то другое». Может быть, в Риверране она напишет Джону о том, что сказал ей Нед Дейн.

– Был еще Эртур Дейн, – вспомнила она. – Его называли Мечом Зари.

– Сир Эртур был младшим братом моего отца, а леди Эшара – моей тетей. Только я ее не застал. Она бросилась в море с Белокаменного Меча, когда меня еще на свете не было.

– Зачем она это сделала? – поразились Арья.

Нед замялся – может быть, он боялся, что она и в него чем-нибудь бросит.

– А разве твой лорд-отец о ней ничего не рассказывал? О леди Эшаре Дейн из Звездопада?

– Нет. Он ее знал?

– Еще до того, как Роберт стал королем. Она встретилась

с твоим отцом и его братьями в Харренхолле, в год ложной весны.

– А-а. – Арье это ни о чем не говорило. – Но зачем она все-таки бросилась в море?

– От несчастной любви.

Санса на этом месте вздохнула бы и уронила слезу, но Арье это показалось глупостью. Неду она, однако, этого не сказала – ведь речь шла о его родной тетке.

– А кого она любила?

– Может быть, мне не следует... – заколебался Нед.

– *Расскажи!*

– Тетя Аллирия говорит, что леди Эшара и твой отец влюбились друг в друга в Харренхолле.

– Неправда. Он любил мою леди-мать.

– Я уверен, что любил, миледи, но...

– Ее одну.

– А бастарда своего он, видимо, в капусте нашел, – ввернул сзади Джендри.

Арья пожалела, что у нее под рукой нет другого яблока.

– Мой отец был человек чести, – сердито выпалила она. –

И мы, между прочим, не с тобой разговариваем. Отправляйся лучше в Каменную Септу и позвони в колокола той своей девицы.

Джендри пропустил совет мимо ушей.

– Твой отец своего хотя бы вырастил, не то что мой. Я даже имени его не знаю. Небось какой-нибудь забулдыга из

тех, что мать приводила домой из кабака. Когда она злилась на меня, то говорила: «Будь твой отец тут, он бы шкуру с тебя спустил». Только всего я о нем и слышал. – Джендри плюнул. – Если б он сейчас здесь оказался, я бы сам с него шкуру спустил. Только он, поди, уже помер, и твой тоже помер, так какая разница, с кем он спал?

Арье, однако, была разница – она и сама не знала, почему. Нед попытался извиниться за то, что ее огорчил, но она, не слушая его, ударила лошадь каблуками и ускакала от них обоих. В нескольких ярдах впереди ехал Энгай-Лучник, и она, поравнявшись с ним, спросила:

– Правда, что все дорнийцы вруны?

– Тем и славятся, – ухмыльнулся Энгай. – Они, правда, говорят то же самое про нас, марочников, – вот и разберись тут. А в чем дело-то? Нед хороший парнишка...

– Он врун и дурак. – Арья съехала с дороги, перескочила через гнилое дерево и расплескала ручей, не обращая внимания на оклики разбойников. «Они тоже врут, все до единого». Не убежать ли? Но их слишком много, и они хорошо знают эти места. Зачем бежать, если тебя все равно поймают?

В конце концов ее догнал Харвин.

– Куда это вы, миледи? Не отбивайтесь от нас. Здесь водятся волки и твари, пострашнее их.

– Я не боюсь. Ваш Нед плетет всякое...

– Да, он мне сказал. О леди Эшаре Дейн. Это старая исто-

рия. Я слышал ее в Винтерфелле, когда был не старше вас. – Он взял лошадь Арьи за уздечку и повернул назад. – Не знаю, есть ли в ней какая-то правда – а хоть бы и была, что из этого? Когда Нед встретил эту дорнийскую леди, его брат Брандон был еще жив, и леди Кейтилин была его невестой, так что чести вашего отца это ничуть не пятнает. Нигде кровь не кипит так, как на турнирах – может, какие слова и были сказаны шепотком в шатре ночной порой, кто знает? Слова, поцелуи или что посерьезнее – какой от этого вред? Настала весна, как думали люди в тот год, и оба они были свободны от обещаний.

– Но ведь она убила себя, – неуверенно произнесла Арья. – Нед говорит, она бросилась в море с башни.

– Верно, бросилась, – подтвердил Харвин, – но это она, думаю, с горя. Она ведь потеряла брата, Меч Зари. – Он покачал головой. – Лучше оставить это дело в покое, миледи. Все они уже умерли. Пусть почивают с миром... и прошу вас, не заговаривайте об этом со своей матерью, когда мы приедем в Риверран.

Деревня оказалась там, где и говорил Нотч, и они укрылись в конюшне из серого камня. У нее сохранилась только половина крыши – как раз наполовину больше, чем у прочих домов в деревне. «Какая же это деревня – одни обгорелые камни и старые кости».

– Здешних жителей убили Ланнистеры? – спросила Арья Энгай, помогая ему вытирать лошадей.

– Нет. Погляди, какой толстый мох на этих камнях. Их уже давно никто не трогал. А из той вон стены выросло дерево, видишь? Это место предали огню давным-давно.

– Кто же тогда это сделал? – спросил Джендри.

– Хостер Талли. – Нотч, тощий, сгорбленный и седоголовый, родился в этих краях. – Это была деревня лорда Гудбрука. Когда Риверран стал на сторону Роберта, Гудбрук остался верен королю, и лорд Талли обрушился на него огнем и мечом. После Трезубца сын Гудбрука примирился с Робертом и лордом Хостером, но мертвых это не воскресило.

Настала тишина. Джендри странно посмотрел на Арию и принялся чистить своего коня. Снаружи хлестал дождь.

– Надо развести костер, – заявил Торос. – Ночь темна и полна ужасов. А еще дождлива.

Джек-Счастливец порубил на дрова одно из стойл, Нотч с Мерритом собрали солому на растопку. Торос сам высек искру, а Лим раздул огонь своим желтым плащом. Скоро в конюшне стало почти жарко. Торос сел, поджав ноги, перед костром и стал пожирать пламя глазами, как на Высоком Сердце. Ария не сводила с него глаз. Порой его губы шевелились и ей казалось, что он произносит «Риверран». Лим, кашляя, расхаживал туда-сюда, и его сопровождала длинная тень. Том-Семерка снял сапоги и растер ноги.

– Я, должно быть, спятил, если возвращаюсь в Риверран, – пожаловался он. – Талли никогда не приносили удачи старому Тому. Лиза, к примеру, отправила меня по горной до-

роге, где лунный народ отнял у меня все: золото, коня и одежду. Рыцари в Долине до сих пор вспоминают, как я пришел к Кровавым Воротам с одной только арфой, чтобы срам прикрыть. Они заставили меня спеть «В чем мать родила» и «Король, упавший духом», а уж потом открыли. Меня утешило только то, что трое из них померли со смеху. С тех пор я в Гнезде не бывал, а «Короля, упавшего духом» не соглашусь спеть и за все золото Утеса Кастерли...

– *Ланнистеры*, – молвил Торос. – Багрянец и золото. – Он вскочил на ноги и подошел к лорду Берику, и Лим с Томом тут же присоединились к ним. Арья не разбирала, о чем они говорят, но певец то и дело поглядывал на нее, а Лим один раз со злости стукнул кулаком по стене. На этом месте лорд Берик поманил Арию к себе. Ей этого совсем не хотелось, но Харвин подтолкнул ее сзади. Она ступила два шага и остановилась, охваченная страхом.

– Да, милорд? – Она застыла в ожидании того, что скажет ей лорд Берик.

– Скажи ей, – велел лорд-молния Торосу.

Красный жрец присел перед Арьей на корточки.

– Миледи, Владыка Света показал мне Риверран. Замок предстал как остров в море пламени, и огненные языки имели вид львов с длинными багровыми когтями. О, как они ревели! Целое море Ланнистеров, миледи. Скоро Риверран подвергнется нападению.

Арье показалось, что ее двинули в живот.

– *Нем!*

– Милая, пламя не лжет. Порой я разгадываю смысл его картин неверно, по слепоте и глупости своей, но, думаю, не в этот раз. Ланнистеры скоро возьмут Риверран в осаду.

– Робб их побьет, – упрямо сказала Арья. – Он всегда их бил и теперь побьет.

– Твоего брата может не оказаться в замке, и матери тоже, – ответил Торос. – Их я в пламени не видел. Старуха говорила о свадьбе в Близнецах... у нее есть свои пути узнавать такие вещи. Чардрева нашептывают их ей на ухо во сне. Если она говорит, что твоя мать отправилась в Близнецы...

– Если б вы меня не схватили, я уже была бы дома, – с горечью заявила Арья Тому и Лиму.

Лорд Берик не обратил внимания на ее гнев.

– Миледи, – усталым голосом спросил он, – знаешь ли ты в лицо брата своего деда? Сира Бриндена Талли, прозванного Черной Рыбой? И знает ли он тебя?

Арья обреченно помотала головой. Мать говорила ей о сире Бриндене, но если она и встречалась с ним, то слишком маленькой, чтобы его запомнить.

– Вряд ли Черная Рыба даст много за девочку, которую не знает с виду, – сказал Том. – Талли народ въедливый и подозрительный – он подумает, что мы подсовываем ему поддельный товар.

– Девочка и Харвин убедят его, что мы не лжем, – возразил ему Лим. – Риверран к нам ближе. Отвезем ее туда,

возьмем золото и наконец-то сбудем ее с рук.

– А если львы уже в замке? – сказал Том. – Они только и ждут, чтобы повесить милорда в клетке на верхушке Утеса Кастерли.

– Я не намерен попасть им в лапы, – сказал лорд Берик. Он не добавил «живым», но все и так это поняли, даже Арья. – Однако вслепую здесь действовать нельзя. Мне нужно знать положение армий – и волчьей, и львиной. Шарна должна знать об этом кое-что, а мейстер лорда Вэнса – еще больше. Мы сейчас недалеко от Желудей. Леди Смолвуд примет нас к себе ненадолго, а мы тем временем разошлем разведчиков...

Его слова стучали в ушах Арьи как барабан, и она вдруг почувствовала, что больше не может этого выносить. Ей хотелось в Риверран, а не в Желуди; ей хотелось к матери и брату Роббу, а не к леди Смолвуд или к дяде, которого она никогда в глаза не видела. Она резко повернулась и бросилась к двери, а когда Харвин попытался схватить ее за руку, она прошмыгнула мимо него, ловкая, как змея.

Дождь еще шел, и вдали на западе сверкала молния. Арья бежала изо всех сил, сама не зная куда – только бы остаться одной, подальше от их голосов, от пустых слов и обещаний. «Я всего лишь хотела попасть в Риверран». Сама виновата: не надо было брать с собой Джендри и Пирожка, убегая из Харренхолла. Одной ей было бы лучше. Одну бы ее разбойники никогда не поймали, и она уже встретилась бы с Роббом и матерью. «Они никогда не были моей стаей. Будь они

ею, они бы нипочем меня не бросили». Арья прошлепала по грязной луже. Кто-то звал ее по имени, Харвин или Джендри, но гром, прокатившийся по холмам сразу же после молнии, заглушил крик. «Лорд-молния, – сердито подумала Арья. – Может, он и бессмертный, зато большой лжец».

Где-то слева от нее заржала лошадь. Арья и на пятьдесят ярдов не ушла от конюшни, но уже промокла до нитки. Она завернула за угол разрушенного дома, надеясь, что замшелые стены защитят ее от дождя, и чуть не налетела на одного из часовых. Рука в кольчужной перчатке схватила ее за плечо.

– Больно, – сказала она, вырываясь. – Пусти, я сейчас вернусь. Я...

– Вернешься? – Сандор Клиган засмеялся, словно железом скребли по камню. – Дудки, волчонок. Теперь ты моя. – Он поднял ее одной рукой и потащил, брыкающуюся, к своему коню. Холодный дождь, хлеща их обоих, уносил прочь ее крики, и в голове у нее снова и снова звучал его вопрос: «Знаешь, что собаки делают с волками?»

Джейме

Лихорадка упорно не желала проходить, но культя зажи-вала хорошо, и Квиберн объявил, что рука вне опасности. Джейме не терпелось уехать, оставив за собой Харренхолл, Кровавых Скоморохов и Бриенну Тарт. В Красном Замке его ждет настоящая женщина.

– Я посылаю с вами Квиберна, чтобы он ухаживал за вами по пути в Королевскую Гавань, – сказал Русе Болтон в утро их отъезда. – Он лелеет надежду, что ваш отец в знак благодарности заставит Цитадель вернуть ему цепь.

– Все мы лелеем какие-то надежды. Если он отрастит мне новую руку, отец сделает его великим мейстером.

Эскортом Джейме командовал Уолтон Железные Икры, прямой, грубоватый и твердый, настоящий солдат. Джейме провел с такими всю свою жизнь. Люди вроде Уолтона убивают, когда им приказывает их лорд, насилуют, когда их

кровь разгорячена боем, и грабят, когда представляется случай, но после войны возвращаются по домам, меняют копья на мотыги, женятся на соседских дочках и заводят кучу ребятишек. Эти люди подчиняются безоговорочно, но злобная жестокость Кровавых Скоморохов им не свойственна.

Оба отряда выехали из Харренхолла в то же утро, под серым небом, предвещавшим дождь. Сир Эйенис Фрей отправился тремя днями раньше, следуя на северо-восток к Королевскому тракту, и Болтон намеревался последовать за ним.

– Трезубец вышел из берегов, – сказал он Джейме, – и переправа даже у Рубинового брода будет небезопасна. Прошу вас передать мои наилучшие пожелания вашему отцу.

– Если вы передадите мои Роббу Старку.

– Непременно.

Часть Бравых Ребят собралась во дворе посмотреть, как они уезжают. Джейме направил к ним коня.

– Золло! Как любезно, что ты вышел меня проводить. Пиг, Тимеон, вы будете по мне скучать? А ты, Шагвелл? Ничего смешного не придумал, чтобы скрасить мне дорогу? И Рорж тут! Пришел поцеловать меня на прощание?

– Вали отсюда, калека, – сказал Рорж.

– Если ты настаиваешь. Но не печалься, я еще вернусь. Ланнистеры всегда платят свои долги. – Джейме повернул коня и присоединился к Уолтону с его двумя сотнями солдат.

Лорд Болтон снарядил его как рыцаря вопреки отсутст-ву-

ющей руке, превращавшей воинское облачение в комедию: меч и кинжал на поясе, щит и шлем на луке седла, кольчуга под темно-коричневым камзолом. У Джейме, однако, хватило ума отказаться и от ланнистерского льва, и от чисто-белого щита рыцаря Королевской Гвардии. Он разыскал в оружейной побитый и облупленный старый щит, на котором еще можно было различить большого черного нетопыря дома Лотстонов на серебряном и золотом поле. Лотстоны владели Харренхоллом до Уэнтов и в свое время были могущественным родом, но все они давно уже вымерли, и никто не мог воспрепятствовать Джейме пользоваться их гербом. Теперь он никому не родич, не враг и не гвардеец – короче говоря, он никто.

Они покинули Харренхолл через менее грандиозные восточные ворота и через шесть миль, расставшись с Русе Болтоном и его войском, повернули на юг по озерной дороге. Уолтон намеревался возможно дальше избегать Королевского тракта, предпочитая проселочные дороги и звериные тропы близ Божьего Ока.

– По Королевскому тракту ехать быстрее. – Джейме не терпелось увидеть сестру. Если поторопиться, он, быть может, даже успеет к свадьбе Джоффри.

– Я не хочу неприятностей, – сказал Уолтон. – Одни боги знают, кто может нам встретиться на этом тракте.

– Да кого тебе бояться? У тебя двести солдат.

– У неприятеля может оказаться еще больше. Милорд ве-

лел мне благополучно доставить вас к вашему лорду-отцу – это самое я и собираюсь сделать.

«Я здесь уже проезжал», – подумал Джейме, через несколько миль увидев заброшенную мельницу у озера. Теперь здесь все заросло сорными травами. Он помнил мельникову дочку, которая застенчиво улыбнулась ему, а сам мельник крикнул: «На турнир в другую сторону, сир», – как будто Джейме сам не знал.

Король Эйерис устроил целое представление из принятия Джейме в рыцари его гвардии. Джейме произносил свои обеты перед королевским шатром, преклонив колени на зеленой траве, в белых доспехах, на глазах у половины королевства. Когда сир Герольд Хайтауэр поднял его и накинул белый плащ ему на плечи, толпа издала рев, который Джейме помнил до сих пор. Но в ту же ночь Эйерис стал мрачен и заявил, что семеро гвардейцев ему в Харренхолле не нужны. Джейме было велено вернуться в Королевскую Гавань и охранять королеву с маленьким принцем Визерисом, оставшихся дома. Белый Бык предложил взять эту обязанность на себя, чтобы Джейме мог принять участие в турнире лорда Уэнта, но Эйерис отказал. «Здесь он славы не завоюет, – сказал король. – Теперь он мой, а не Тайвина, и будет служить, как я сочту нужным. Я король, я и приказываю, а он повинуется».

Тогда Джейме впервые понял, что получил белый плащ не за мастерство в обращении с мечом и копьём и не за по-

двиги, совершенные в битве с Братством Королевского леса. Эйерис выбрал его, чтобы насолить отцу, лишив лорда Тайвина наследника.

Даже теперь, столько лет спустя, это наполняло Джейме горечью. А в тот день, когда он ехал на юг в своем новеньком белом плаще, чтобы стеречь пустой замок, это было и вовсе невыносимо. Он сорвал бы с себя этот плащ, но было уже поздно. Он принес клятву, которую слышало полкоролевства, а в Королевской Гвардии служат пожизненно.

С ним поравнялся Квиберн.

– Рука не беспокоит?

– Меня беспокоит ее отсутствие. – Утром бывало хуже всего. Во сне он всегда был целым, а на рассвете, лежа в полудреме, чувствовал, как шевелятся его пальцы. «Это был дурной сон, – шептала часть его души, до сих пор отказываясь верить, – дурной сон, только и всего». Но потом он открывал глаза.

– Кажется, ночью у вас была гостья, – сказал Квиберн. – Надеюсь, вы получили удовольствие?

Джейме ответил ему холодным взглядом.

– Она не сказала, кто ее послал.

– Лихорадка у вас почти прошла, и я решил, что вам не повредит немного поразмяться, – со скромной улыбкой сказал мейстер. – Пиа весьма искусна, вы не находите? И очень... услужлива.

Что верно, то верно. Она шмыгнула к нему в комнату и

освободилась от одежды так быстро, что Джейме подумал, будто это ему снится.

Возбуждение он испытал только тогда, когда женщина забралась под одеяло и положила его здоровую руку себе на грудь. «Она хорошенькая, ничего не скажешь». «Я была совсем девчонкой, когда вы приехали сюда на турнир лорда Уэнта и король вручил вам белый плащ, – призналась она. – Вы были такой красивый, весь в белом, и все говорили, какой вы храбрый рыцарь. Иногда, бывая с мужчиной, я закрываю глаза и притворяюсь, будто это вы, с вашей гладкой кожей и золотистыми локонами. Вот уж не думала, что взаправду буду вашей».

После этого ему было не так-то легко отослать ее прочь, но Джейме сделал над собой усилие. «У меня уже есть женщина», – напомнил он себе.

– Вы посылаете девиц всем, кому ставите пивок? – спросил он Квиберна.

– Лорд Варго посылает их ко мне куда чаще. Он распорядился, чтобы я осматривал их перед тем, как... достаточно сказать, что однажды ему не повезло в любви, и с тех пор он стал осторожен. Но будьте уверены: Пиа совершенно здорова. Как и ваша девица Тарт.

– Бриенна? – насторожился Джейме.

– Да. Крепкая девушка и все еще невинна. По крайней мере была прошлой ночью, – хихинул Квиберн.

– Он хотел, чтобы вы ее осмотрели?

– Разумеется. Он человек, как бы это сказать, щепетильный.

– Это имеет отношение к выкупу? – спросил Джейме. – Отец требует доказательства ее невинности?

Квиберн пожал плечами.

– А вы разве не слышали? От лорда Сельвина прилетела птица с ответом. Вечерняя Звезда предлагает за дочь триста драконов. Я говорил лорду Варго, что никаких сапфиров на Тарте нет, но он меня не послушал. Он убежден, что Вечерняя Звезда хочет его надуть.

– Триста драконов – хороший выкуп. Даже за рыцаря. Пусть козел берет, что дают.

– Козел теперь лорд Харренхолла, а лорду Харренхолла торговаться неприлично.

Услышанное вызвало у Джейме прилив раздражения, но этого, пожалуй, следовало ожидать. «Ложь какое-то время спасала тебя, женщина, – будь благодарна и за это».

– Если девичество у нее столь же крепкое, как и все остальное, козел сломает себе член, пытаясь войти, – пошутил он. – Нескольких насильников Бриенна уж как-нибудь выдержит, но если она будет сопротивляться чересчур рьяно, Варго может для начала отрубить ей руки и ноги. – «А хоть бы и так – мне-то что? Я сохранил бы собственную руку, если бы она отдала мне меч Клеоса, не упираясь». Он сам чуть не отсек ей ногу тем первым ударом, но потом она задала ему жару. Козел еще не знает, как чудовищно она сильна.

Лучше ему поостеречься, не то она мигом свернет его тощую шею. Вот славно-то будет!

Общество Квиберна утомляло Джейме, и он уехал вперед, в голову колонны. Пухлый маленький северянин по имени Нейдж ехал перед Уолтоном с мирным знаменем, радужным, с семью длинными хвостами. Древко венчала семиконечная звезда.

– Я думал, у вас, северян, мирное знамя другое, – заметил Уолтону Джейме. – Разве Семеро для вас что-то значат?

– Это южные боги, – ответил тот, – но мы нуждаемся в мире с южанами, чтобы благополучно доставить вас на место.

«К моему отцу». Получил ли лорд Тайвин от козла письма с требованием выкупа? И была ли к нему приложена отрубленная рука? «Любопытно, сколько может стоить воин без правой руки. Половину золота Утеса Кастерли? Триста драконов? Или ничего?» Сентиментальностью отец никогда не отличался. Его собственный отец, лорд Титос, как-то бросил в темницу непокорного знаменосца, лорда Тарбека. Военственная леди Тарбек ответила на это пленением трех Ланнистеров, в том числе и юного Стаффорда, с чьей сестрой, своей кузиной, Тайвин был помолвлен. «Верните моего лорда-мужа, не то эти трое ответят за всякий причиненный ему вред», – написала она в Утес Кастерли. Молодой Тайвин предложил отцу удовлетворить ее требование, вернув ей мужа разрубленным на три части. Однако лорд Титос относился к более мягкосердечным львам, и дубоголовый лорд Тар-

бек выиграл еще несколько лет жизни, а Стаффорд женился, завел потомство и процветал, пока не случилась битва у Окскросса. А Тайвин Ланнистер все стоит, несокрушимый, как Утес Кастерли. «Теперь у вас в сыновьях не только карлик, но и калека, милорд. Вам это крепко не понравится...»

Дорога привела их в сожженную деревню, преданную огню около года назад. Хижины стояли обугленные, без крыш, поля заросли сорняками в пояс вышиной. Железные Икры устроил привал, чтобы напоить лошадей. Джейме, ожидая у колодца, вспомнил, что и это место ему знакомо. Здесь была маленькая гостиница, от которой теперь не осталось ничего, кроме фундамента и трубы, и он заходил туда выпить чашу эля. Темноглазая служанка принесла ему сыр и яблоки, но хозяин не взял с него денег, сказав: «Для нас честь принимать у себя рыцаря Королевской Гвардии, сир. Я буду рассказывать об этом своим внукам». Глядя на трубу, торчащую среди сорняков, Джейме думал, дождался ли хозяин своих внуков. «Рассказал ли он им, что сам Цареубийца однажды пил его эль и угощался его сыром и яблоками, или постыдился в этом признаться?» Спросить некого. Те, кто сжег гостиницу, скорее всего убили хозяина вместе с внуками.

Джейме почувствовал, как сжались в кулак его отсутствующие пальцы. Уолтон предложил ему разжечь огонь и перекусить что-нибудь, но он ответил:

– Мне не нравится это место. Поехали дальше.

К вечеру они, оставив озеро в стороне, свернули по про-

селочной дороге в лес, где росли дубы и вязы. Джейме начал чувствовать дергающую боль в культе, но тут Уолтон приказал разбить лагерь. Квиберн, к счастью, взял с собой мех сонного вина. Пока Уолтон расставлял караулы, Джейме растянулся на земле у костра, головой к пню, пристроив к нему свернутую медвежью шкуру. Женщина заставила бы его поест перед сном, чтобы поддержать силы, но он устал больше, чем проголодался. Он закрыл глаза в надежде, что ему приснится Серсея. Лихорадочные сны всегда такие яркие...

Он увидел себя нагим, одиноким и окруженным врагами, среди давящих каменных стен. «Это Утес», – понял он, чувствуя непомерную тяжесть у себя над головой. Он дома. Он дома, и рука при нем.

Он поднял ее и согнул пальцы, ощутив их силу. Он чувствовал себя отлично – как в постели с женщиной или как в бою. «Пять пальцев, все налицо». Увечье ему только приснилось. От облегчения у него закружилась голова. «Рука, моя славная рука». Теперь с ним не может случиться ничего худого.

Вокруг стояло около дюжины высоких темных фигур в капюшонах, скрывающих лица. В руках они держали копья.

– Кто вы? – спросил их Джейме. – И что вам нужно в Утесе Кастерли?

Они, не отвечая, тыкали в него своими копьями, и ему поневоле пришлось спускаться вниз. Он шел по извилистому коридору, спускаясь по узким лестницам из необработанным

го камня. «Мне нужно наверх, – говорил он себе. – Наверх, а не вниз. Так почему же я иду вниз?» Под землей его ждет гибель – он знал это с уверенностью, которая бывает во сне; нечто темное и ужасное, желающее завладеть им. Джейме пытался остановиться, но копыта кололи его, заставляя спускаться все ниже. «Будь у меня меч, мне было бы нечего бояться».

Ступени внезапно оборвались в гулкую тьму. Джейме чувствовал огромность оказавшегося перед ним пространства. Он резко остановился, балансируя на краю провала. Копье кололо его в поясницу, подталкивая в бездну. Он закричал, падая, но падение было коротким. Он плюхнулся на четвереньки в мягкий песок и мелкую воду. Глубоко под Утесом Кастерли есть такие водяные пещеры, но этой он не знал.

– Что это за место? – спросил он.

– Твое место, – ответило ему сто или тысяча голосов – все

Ланнистеры, начиная с Ланна Умного, жившего на заре времен. Но громче всего среди них звучал отцовский голос, а рядом с отцом стояла сестра, бледная и прекрасная, с горящим факелом в руке. Джоффри тоже был там, сын, которого они зачали вместе, а позади – еще много темных фигур с золотыми волосами.

– Сестра, зачем отец привел нас сюда?

– Нас? Это твое место, брат. Твоя тьма. – Ее факел был единственным источником света в этой пещере. И во всем мире. Она повернулась, чтобы уйти.

– Останься со мной, – взмолился Джейме. – Не покидай меня здесь одного. – Но они уже удалялись. – *Не оставляйте меня во тьме!* – Там, внизу, обитало что-то страшное. – Дайте хотя бы меч.

– Я дал тебе меч, – сказал лорд Тайвин.

Меч лежал у ног Джейме, и он нащупал под водой его рукоять. «Теперь мне нечего бояться». Когда он поднял меч, от острия по клинку побежало бледное пламя, остановившись на ладонь от рукояти. Казалось, что сталь горит собственным серебристо-голубым светом, и тьма отступала перед ним. Джейме, согнув колени и насторожив слух, двинулся по кругу, готовый встретить все, что бы ни явилось из мрака. В сапоги по щиколотку налилась обжигающе-холодная вода. «Остерегайся воды, – сказал он себе. – В ее глубине могут скрываться чудовища».

Позади что-то громко плеснуло. Джейме обернулся на

звук... но это была всего лишь Бриенна Тарт. В слабом свете он разглядел, что ее руки закованы в тяжелые цепи.

– Я поклялась охранять тебя, – упрямо сказала женщина. – Я дала клятву. – Нагая, она протянула к Джейме скованные руки. – Прошу вас, сир, будьте так добры...

Стальные звенья распались, как шелк.

– Меч, – умоляюще сказала Бриенна, и меч явился вместе с поясом и ножнами. Она опоясала им свою толстую талию. Свет был так слаб, что Джейме едва ее видел, хотя они стояли в нескольких футах друг от друга. «При таком освещении она могла бы сойти за красавицу, – подумал он, – или за рыцаря». Ее меч тоже загорелся серебристо-голубым светом, и тьма отступила чуть дальше.

– Огонь будет гореть, пока ты жив, – услышал Джейме голос Серсеи. – Когда он погаснет, умрешь и ты.

– *Сестра!* – крикнул он. – Останься со мной. *Останься!* – В ответ послышались тихие удаляющиеся шаги.

Бриенна взмахнула мечом, следя, как дрожит и мерцает серебристое пламя. Горящий меч отразился в черной воде под ее ногами. Высокая и сильная, какой она запомнилась Джейме, Бриенна теперь стала как будто более женственной.

– Кого они держат там внизу, медведя? – Бриенна двигалась медленными осторожными шагами, не опуская меча и настороженно прислушиваясь. Каждый ее шаг сопровождался плеском. – Пещерного льва? Лютоволка? Скажи мне, Джейме. Что живет там, во тьме?

– Рок. – Он знал, что ни медведя, ни льва там нет. – Только рок.

Лицо женщины в серебристом свете мечей было бледным и свирепым.

– Не нравится мне это место.

– Я и сам от него не в восторге. – Вокруг маленького островка света, созданного их мечами, простиралось безбрежное море тьмы. – Я промочил себе ноги.

– Мы можем вернуться тем же путем, которым нас привели сюда. Если ты станешь мне на плечи, то наверняка дотянешься до края обрыва.

«И смогу последовать за Серсеей». Эта мысль возбудила его, и он отвернулся, чтобы Бриенна не заметила.

– Слушай. – Она положила руку ему на плечо, и он вздрогнул от внезапного прикосновения. «Она теплая». – Что-то идет сюда. – Бриенна указала рукой налево. – Вон там.

Он взгляделся во тьму и тоже увидел, что к ним что-то движется, но не мог понять, что это.

– Всадник. Нет, двое. Два всадника, бок о бок.

– Здесь, под Утесом? – Это не имело смысла, но теперь и он разглядел двух всадников на бледных конях, одетых в доспехи, как и наездники. Боевые скакуны медленно вышли из тьмы. «Они двигаются совершенно бесшумно, – понял Джейме, – ни плеска, ни топота, ни лязга стали». Джейме вспомнился Эддард Старк, едущий по длинному тронному залу Эйериса в полной тишине. Вместо уст говорили его гла-

за – глаза лорда, серые, холодные и осуждающие.

– Это ты, Старк? – окликнул Джейме. – Приблизься. Я не боялся тебя живого, не побоюсь и мертвого.

– Вон еще, – тронула его за руку Бриенна.

Да, он тоже видел их. Ему казалось, что они одеты в снеговую броню, и ленты тумана развевались у них за плечами. Забрала их шлемов были опущены, но Джейме не нужно было видеть их лица, чтобы узнать их.

Вот пятеро его братьев. Освелл Уэнт, Джон Дарри, Ливен Мартелл, принц Дорнийский, Герольд Хайтауэр, Белый Бык, сир Эртур Дейн, Меч Зари. А за ними, увенчанный туманом и горем, с длинными струящимися позади волосами, едет Рейегар Таргариен, принц Драконьего Камня и законный наследник Железного Трона.

– Вам меня не испугать, – крикнул Джейме. Они разделились, объезжая его с двух сторон, и он не знал, куда повернуться. – Я буду драться с каждым поодиночке или со всеми разом. Но кто из вас выйдет против женщины? Она злится, когда ее не принимают в расчет.

– Я поклялась охранять его, – сказала Бриенна тени Рейегара. – Я дала священную клятву.

– Все мы давали какие-то клятвы, – с глубокой печалью сказал сир Эртур Дейн.

Тени сошли со своих призрачных коней, беззвучно обнажив длинные мечи.

– Он собирался сжечь город, оставив Роберту только пе-

пел, – сказал Джейме.

– Он был твоим королем, – сказал Дарри.

– Ты поклялся защищать его, – сказал Уэнт.

– И детей тоже, – сказал принц Ливен.

Принц Рейегар переливался холодным светом – то белым, то красным, то темным.

– Я оставил мою жену и детей на твое попечение.

– Я не думал, что им причинят какой-то вред. – Меч Джейме теперь светился не так ярко. – Я был с королем...

– И убил его, – сказал сир Эртур.

– Перерезал ему горло, – сказал принц Ливен.

– Убил короля, за которого клялся умереть, – сказал Белый Бык.

Свет, озарявший его клинок, угасал. Джейме вспомнил слова Серсеи, и ужас охватил его. Меч Бриенны по-прежнему светился, но его угас совсем, и призраки ринулись на него.

– Нет, – крикнул он. – *Heeeeeeeem!*

Сердце бешено колотилось. Содрогаясь, он проснулся и обнаружил себя под звездным ночным небом, посреди лесной рощи. Во рту стоял вкус желчи, он вспотел и весь дрожал от жара и озноба разом. Его правая рука заканчивалась обрубком, в бинтах и кожаной оплетке. Внезапные слезы подступили к глазам. «Я ведь чувствовал ее. Чувствовал силу пальцев и грубую кожу на рукояти меча. Моя рука...»

– Милорд. – Квиберн стоял над ним на коленях, сморщив-

шись от избытка отеческой заботы. – В чем дело? Я услышал, как вы кричите...

Суровый Уолтон возвышался над ними обоими.

– Что случилось? Что за крик?

– Сон, только и всего. – Джейме, не совсем еще опомнившись, оглядел лагерь. – Я был во тьме, но рука ко мне вернулась. – Он взглянул на свой обрубок и ему снова стало плохо. «Да и нет такого места под Утесом», – подумал он. В пустом желудке урчало, голова, которой он прислонялся к пню, разболелась.

Квиберн пощупал ему лоб.

– Лихорадка еще держится.

– Горячий сон. Помогите-ка встать. – Уолтон ухватил его за здоровую руку и поднял на ноги.

– Еще чашу сонного вина? – спросил Квиберн.

– Нет уж. Хватит с меня снов на эту ночь. – Сколько там еще до рассвета? Почему-то он был уверен, что если закроет глаза, то снова вернется в то темное и мокрое место.

– Тогда маковое молоко? И что-нибудь от лихорадки? Вы еще слабы, милорд. Вам нужно поспать, отдохнуть. – «Это мне нужно меньше всего».

Луна освещала пеня, головой к которому лежал Джейме. Пеня густо оброс мхом, и поэтому Джейме только сейчас рассмотрел, что он белый. Это напомнило ему Винтерфелл и сердце-дерево Неда Старка. «Нет, это был не Старк, – подумал он, – совсем не он». Однако, пеня был мертв, как

и Старк, как и все другие, кого он видел. Как и принц Рейegar, сир Эртур и дети. «Как и Эйерис. Эйерис мертвее их всех».

– Вы верите в привидения, мейстер? – спросил Джейме. Лицо Квиберна приняло странное выражение.

– Однажды в Цитадели я вошел в пустую комнату, где стоял пустой стул. Однако я знал, что с него только что встала женщина. Сиденье было примятое и еще теплое, а в комнате пахло ее духами. Если мы оставляем за собой свой запах, выходя из комнаты, то уж, верно, и от наших душ остается что-то, когда мы уходим из жизни? Архимейстеры, впрочем, не одобрили мой образ мыслей. Только Марвин согласился со мной, но он был единственный.

Джейме запустил пальцы в волосы.

– Уолтон, седлай коней. Я хочу вернуться назад.

– Назад? – недоверчиво уставился на него Уолтон.

«Он думает, что я спятил – возможно, так оно и есть».

– Я оставил кое-что в Харренхолле.

– Замок перешел к лорду Варго и его Кровавым Скомо-рохам.

– У тебя вдвое больше людей, чем у него.

– Если я не доставлю вас к отцу, как приказано, лорд Болтон шкуру с меня снимет. Мы едем в Королевскую Гавань.

Прежде Джейме ответил бы на это улыбкой и угрозой, но однурукий никому страха не внушает. Как поступил бы в таком случае его брат? «Тирион уж, верно, придумал бы что-

нибудь».

– Разве лорд Болтон не говорил тебе, что все Ланнистеры лгут?

– Ну и что же? – подозрительно нахмурился Железные Икры.

– Если ты не отвезешь меня назад в Харренхолл, песенка, которую я пропою отцу, может прийтись не по вкусу лорду Дредфорта. Я могу, к примеру, сказать, что это Болтон приказал отрубить мне руку и что сделал это Уолтон Железные Икры.

– Но ведь это неправда, – опешил Уолтон.

– Да, но кому мой отец поверит? – Джейме заставил себя улыбнуться так, как прежде, когда ничто в мире не могло его испугать. – Куда проще будет вернуться назад. После этого мы сразу же двинемся в путь снова, и я пропою в Королевской Гавани такие сладкие слова, что ты ушам своим не поверишь. Тебе отдадут девчонку и увесистый кошелек с золотом в придачу.

Последнее явно пришлось Уолтону по душе.

– Золото? А сколько?

«Он мой», – подумал Джейме.

– Сколько ты хочешь?

К восходу солнца они уже проделали половину дороги до Харренхолла.

Джейме погонял коня куда сильнее, чем вчера, и Уолтону с его северянами волей-неволей приходилось поспевать

за ним. Тем не менее до замка на озере они добрались только к полудню. Под серым, грозящим дождем небом его высоченные стены и пять громадных башен казались черными и зловещими. «Мертвые насквозь», – подумал он. На стенах никого не было, ворота стояли запертые, над барбаканом вяло обвисло на древке единственное знамя. Джейме, и не видя, знал, что на нем изображен черный козел Квохора. Он сложил руки у рта и закричал:

– Эй, вы там! Открывайте ворота, не то я их вышибу!

Квиберн и Уолтон присоединили свои голоса к его призыву, и только тогда над воротами наконец возникла чья-то голова. Потом она исчезла, и вскоре они услышали скрип поднимаемой решетки. Ворота распахнулись, и Джейме пришпорил коня, даже не взглянув на бойницы у себя над головой. Он боялся, что их не впустят в замок, но Бравые Ребята, как видно, все еще считали их своими союзниками. «Дураки».

Внешний двор был пуст, и только длинная конюшня с грифельной крышей проявляла какие-то признаки жизни. Но лошади сейчас занимали Джейме меньше всего. Он остановил коня и огляделся. Откуда-то из-за башни Призраков доносился шум и крики на нескольких чужеземных языках. Уолтон и Квиберн остановились по бокам от него.

– Берите то, за чем приехали, и мы снова отправимся, – сказал Железные Икры. – Я не хочу связываться со Скоморохами.

– Вели своим людям держать руки поближе к мечам, и Скоморохи сами не захотят связываться с вами. Помни: вас двое против одного! – Джейме резко повернулся, услышав вдалеке рев толпы. Голоса, отражаясь эхом от стен, звучали слабо, но яростно, и смех вздымался, как морской прилив. Внезапно он понял, что происходит. «Неужели мы опоздали?» У Джейме все внутри сжалось. Он дал шпоры коню и поскакал под арку каменного моста, вокруг башни Плача, через Двор Расплавленного Камня.

Они бросили ее в медвежью яму.

Король Харрен Черный даже медвежью травлю производил с размахом. Яма, десяти ярдов в поперечнике и пяти глубиной, была выложена камнем, посыпана песком и снабжена шестью ярусами мраморных сидений. Неуклюже соскочив с коня, Джейме увидел, что Бравые Ребята заполняют только четверть мест. Зрелище, на которое они смотрели, так захватило их, что прибытие Джейме заметили только те, кто сидел напротив.

Бриенна была в том же плохо сидящем на ней платье, которое надевала к ужину с Русе Болтоном. Ни щита, ни панциря, ни кольчуги, ни даже вареной кожи – только розовый атлас и мирийское кружево. Козел, должно быть, решил, что представление будет еще занимательнее, если одеть ее в женское платье. Половина этого наряда уже превратилась в клоуна, а из левой руки, где прошли медвежьи когти, шла кровь.

«По крайней мере ей дали меч». Женщина, держа его одной рукой, уходила вбок, стараясь сохранить расстояние между собой и медведем. «Ничего у нее не выйдет – арена слишком мала». Было бы лучше пойти в атаку и положить этому конец. Против хорошей стали ни один медведь не устоит. Но женщина, видимо, боялась приблизиться к зверю. Скоморохи осыпали ее оскорблениями и непристойными советами.

– Нас это не касается, – предупредил Уолтон. – Лорд Болтон сказал, что женщина принадлежит им, и они могут делать с ней, что хотят.

– Ее зовут Бриенна. – Джейме спустился по ступенькам мимо дюжины оторопевших наемников к Варго Хоуту, занимавшему место лорда в первом ряду, и крикнул, перекрывая гам: – Лорд Варго!

Квохорец чуть не выплюнул назад свое вино.

– *Шареубийша?* – Левая сторона его лица была кое-как замотана бинтами, и над ухом сквозь повязку проступала кровь.

– Вытащи ее отсюда.

– Не лежь не в швое дело, *Шареубийша*, ешли не хочешь ходить ш двумя культями. Твоя лошиха мне ухо откушила. Неудивительно, что ее отеч не хочет платить выкуп жа такое шокровище.

Рев заставил Джейме обернуться. В медведе, когда он вставал на задние лапы, было восемь футов. «Как Грегор

Клиган в мохнатой шкуре, – подумал он, – только у этого, пожалуй, мозгов побольше». Хорошо, что у зверя нет громадного меча, которым орудует Гора.

Разинув в рыке пасть, полную огромных желтых зубов, медведь опустил на четвереньки и устремился прямо к Бриенне. «Сейчас самое время, – подумал Джейме. – Бей же! Давай!»

Но она только ткнула в зверя мечом, не причинив ему никакого вреда. Медведь отпрянул и снова двинулся на нее с глухим рычанием. Бриенна отступила влево и снова ткнула его в морду. На этот раз он отвел удар лапой.

«Он остерегается, – понял Джейме. Он уже имел дело с людьми и знает, что копыта и мечи могут больно поранить. – Но надолго это ее не спасет».

– Убей его! – крикнул он, но общий гомон заглушил его голос. Если Бриенна и слышала его, то не подала виду. Она обходила яму по кругу, держась спиной к стене. «Слишком близко. Если медведь прижмет ее к ней...»

Зверь неуклюже, но быстро повернулся к ней, и Бриенна проворно, как кошка, сменила направление. «Такой эта женщина мне и запомнилась». Прыгнув к медведю, она рубанула его мечом по спине. Он взревел и снова стал на дыбы, а Бриенна отступила. «Где же кровь?» Но затем он понял.

– Ты дал ей турнирный меч! – крикнул Джейме Хоуту.
Козел заржал, брызгая вином и слюной.
– Яшное дело!

– Я заплачу твой поганый выкуп. Золотом, сапфирами, чем хочешь. Вытащи ее оттуда.

– Ешли она тебе нужна, иди вожьми ее шам.

Так Джейме и сделал.

Опершись левой рукой на мраморные перила, он перескочил через них и спрыгнул на песок. Медведь повернулся на звук и принялся, настороженно изучая нового пришельца. Джейме стал на одно колено. «Седьмое пекло! Ну, и что теперь делать?»

– Цареубийца! – изумленно воскликнула Бриенна.

– Джейме. – Он швырнул песок медведю в морду, и зверь, молотя по воздуху лапами, бешено взревел.

– Ты что здесь делаешь?

– Дурака валяю. Прячься за меня. – Он стал между Бриенной и медведем.

– Сам прячься. У меня меч.

– *Тупой* меч. Прячься за меня! – Из песка торчало что-то. Джейме схватил это и увидел человеческую челюсть, на которой еще сохранились ошметки зеленоватого мяса, кишашие червями. «Прелестно, – подумал он. – Чьи же это бранные останки?» Медведь начал приближаться. Джейме с размаху запустил костью в медвежью морду, но промахнулся на добрый ярд. «Надо бы и левую руку себе отрубить, все равно от нее никакого проку».

Бриенна попыталась выйти вперед, но он дал ей подножку, и она упала на песок, не выпуская своего бесполезного меча. Джейме сел на нее верхом, не давая встать, а медведь кинулся на них.

Тут послышалось глухое «цвак», и под левым глазом зверя вдруг выросла оперенная стрела. Вторая стрела попала в ногу. Зверь с ревом стал на дыбы. Из его разинутой пасти текла кровь и слюна. Он снова двинулся к Джейме с Бриенной, и на него градом посыпались стрелы из арбалетов. На таком близком расстоянии промахнуться было трудно. Стрелы били, как палицы, но медведь умудрился сделать еще один шаг. «Бедный зверюга – храбрый, но тупой». Джейме отскочил от него в сторону, крича и кидая ногами песок. Медведь повернулся к нему и получил еще две стрелы в спину. Он испустил последний рокочущий рык, сел, вытянулся на окровавленном песке и издох.

Бриенна приподнялась на колени, сжимая в руке меч и тяжело, отрывисто дыша. Стрелки Уолтона перезаряжали свои арбалеты, Кровавые Скоморохи изрыгали брань и угрозы. Рорж и Трехпалый схватились за мечи, Золло развернул свой кнут.

– Вы убили моего медведя! – вопил Варго Хоут.

– И с тобой то же самое будет, если начнешь ерепениться, – посулил ему Уолтон. – Мы забираем женщину с собой.

– Ее зовут Бриенна, – сказал Джейме. – Бриенна, девица Тарт. Надеюсь, ты все еще девица?

Ее широкое неказистое лицо стало пунцовым.

– Да.

– Вот и хорошо, потому что я спасаю только девиц. Ты получишь свой выкуп, – сказал он Хоуту. – За нас обоих.

Ланнистеры платят свои долги. А теперь брось нам веревки и дай вылезти отсюда.

– Хрен вам, – рявкнул Рорж. – Убей их, Хоут, не то пожалеешь, что не убил.

Квохорец колебался. Половина его людей были пьяны, а северяне трезвы как стеклышко, притом их было вдвое больше, и многие стрелки уже перезарядили арбалеты.

– Вытащите их, – велел Хоут. – Я решил проявить милосердие, – сказал он Джейме. – Шкажи об этом швоему лорду-отчу.

– Скажу, милорд, скажу. – «Только вряд ли это пойдет тебе на пользу».

Когда они отъехали на пол-лиги от Харренхолла и оказались за пределами выстрела, Уолтон наконец дал волю своему гневу.

– Ты что, спятил, Цареубийца? Смерти захотел? Кто же это лезет к медведю с голыми руками.

– С одной голой рукой и одной голой культей, – поправил Джейме. – Я надеялся, что ты убьешь зверя до того, как он прикончит меня. Иначе лорд Болтон снял бы с тебя шкурку как с апельсина, ведь так?

Железные Икры обругал его дураком-Ланнистером, пришпорил коня и ускакал вперед.

– Сир Джейме. – Бриенна даже в своем испачканном и разорванном платье больше походила на переодетого мужчину, чем на женщину. – Я благодарна тебе, но... вы ведь

уже далеко успели уехать. Зачем вы вернулись?

На языке у него вертелось с дюжину шуточек, одна другой ехиднее, но Джейме только пожал плечами и сказал:

– Ты явилась мне во сне.

Кейтилин

Со своей молодой королевой Робб прощался трижды. Один раз в богороще под сердце-деревом, перед взорами богов и людей. Второй – у подъемной решетки, где Жиенна проводила его долгим объятием и еще более долгим поцелуем. И наконец, час спустя, уже за Камнегонкой, Жиенна догнала их на взмыленном коне, чтобы еще раз попросить мужа взять ее с собой.

Кейтилин заметила, что Робб этим тронут, но и смущен тоже. День был сырой и ненастный, начинал моросить дождь и Роббу меньше всего хотелось останавливать колонну и утешать обливающуюся слезами молодую жену на глазах у половины своего войска. «Говорит он с ней ласково, – подумала она, глядя на прощающуюся пару, – но ему приходится прятать гнев».

Пока король и королева прощались, Серый Ветер все вре-

мя бегал вокруг них, то и дело отряхиваясь и скаля зубы на дождь. Наконец Робб поцеловал Жиенну в последний раз, отрядил дюжину человек проводить ее обратно в Риверран и снова сел на коня, а лютоволк помчался вперед, как стрела, пущенная из лука.

– Я вижу, у королевы Жиенны любящее сердце, – сказал Лотар Фрей Кейтилин. – В этом она похожа на моих сестер. Бьюсь об заклад, что Рослин теперь пляшет вокруг Блинеццов, распевая: «Леди *Талли*, леди *Рослин Талли*». А завтра она начнет прикладывать к лицу красные и голубые лоскутки, чтобы посмотреть, как ей пойдет свадебный плащ Риверрана. Зато лорд Талли у нас что-то притих. – Лотар, повернувшись в седле, улыбнулся Эдмару. – Хотел бы я знать, что *вы* чувствуете?

– Почти то же, что чувствовал у Каменной Мельницы перед тем, как затрубили боевые рога, – ответил Эдмар, и это было шуткой лишь отчасти.

Лотар добродушно рассмеялся.

– Будем молиться, чтобы ваша свадьба закончилась столь же счастливо, милорд.

И да помилуют нас боги, если этого не случится. Кейтилин пришпорила лошадь, оставив брата в обществе Хромого Лотара.

Это она настояла на том, чтобы Жиенна осталась в Риверране, когда Робб подумывал взять и ее на свадьбу. Лорд Уолдер может счесть отсутствие королевы новым оскорблени-

ем, но ее присутствие уж точно стало бы не просто оскорблением, а солью на его рану. «У лорда Фрея острый язык и долгая память, – предупреждала сына Кейтилин. – Я не сомневаюсь, что у тебя достанет сил снести его упреки ради союза с ним, но ты слишком похож на отца, чтобы смолчать, если он начнет оскорблять Жиенну в лицо».

Робб не мог отрицать разумности этого решения. «И все-таки он сердится на меня, – устало подумала Кейтилин. – Он уже скучает по Жиенне и невольно винит меня за то, что ее нет с ним, хотя и знает, что я дала ему хороший совет».

Из шести Вестерлингов, приехавших с Роббом из Скалы, при нем остался только один, сир Рейнальд, брат Жиенны и личный знаменосец короля. Дяде Жиенны Рольфу Спайсеру Робб поручил доставить юного Мартина Ланнистера в Золотой Зуб – в тот же день, как получил согласие лорда Тайвина на обмен пленными. Это было ловко сделано. Робб избавился от страха за безопасность Мартина, Галбарт Гловер с облегчением узнал, что его брат Роберт уже сел на корабль в Синем Доле, сир Рольф получил почетное поручение... и Серый Ветер снова рядом с королем. «Там, где ему и место».

Леди Вестерлинг осталась в Риверране с детьми – Жиенной, ее младшей сестрой Эленией и маленьким Ролламом, оруженосцем Робба, который горько жаловался на то, что его оставили дома. Но и в этом случае они поступили благоразумно. Прежде в оруженосцах у Робба ходил Оливар Фрей,

и привозить его преемника на свадьбу его сестры было бы во всех отношениях нехорошо. Что до сира Рейнальда, то веселый молодой рыцарь поклялся, что никакое оскорбление со стороны Уолдера Фрея не выведет его из себя. «Будем молиться, чтобы оскорбления были единственным, с чем нам придется иметь дело».

Кейтилин сильно беспокоилась на этот счет. Ее лорд-отец после Трезубца перестал доверять Уолдеру Фрею, и она всегда держала это в уме. Королеве Жиенне будет безопаснее за высокими, надежными стенами Риверрана, под защитой Черной Рыбы. Робб даже наградил его новым титулом – Хранитель Южных Границ. Если кто-то способен удержать Трезубец, то это сир Бринден.

И все же Кейтилин недоставало дяди с его суровым, рубленным лицом, и Роббу будет не хватать его совета. Сир Бринден был причастен к каждой победе, которую одержал ее сын. Вместо него разведчиками и передовыми разъездами командует Галбарт Гловер, хороший человек, надежный и преданный, но не одаренный талантами Черной Рыбы.

Армия Робба за передовыми отрядами Гловера растянулась на несколько миль. Авангард ведет Большой Джон. Кейтилин ехала в главной колонне, состоящей из тяжеловесных боевых коней, несущих на себе одетых в сталь людей. Дальше следовали обозные телеги, груженные провизией, кормом, свадебными подарками и ранеными, не способными идти пешком, под бдительным надзором сира Вендела Ман-

дерли и его рыцарей из Белой Гавани. Следом шли стада овец, коз и тощих коров, а в самом хвосте тащились лагерные потаскушки. Замыкал процессию арьергард Робина Флинта. На целые сотни лиг позади них врага не было, но Робб не желал рисковать.

Три тысячи пятьсот человек в королевском войске. Эти люди проливали кровь в Шепчущем лесу, обагрjali свои мечи в Лагерной битве, у Окскросса, Эшмарка и Скалы, прошли через золотоносные холмы Ланнистерского запада. Лорды Трезубца, не считая скромной свиты, состоящей из друзей Эдмара, остались оборонять речные земли, пока король будет отвоевывать Север. Эдмара впереди ждет невеста, Робба – очередное сражение... «А меня – двое мертвых сыновей, пустая постель и замок, полный призраков». Безрадостное будущее. «Где же ты, Бриенна? Верни мне моих девочек, Бриенна. Привези их назад».

Морось, висевшая в воздухе, к середине дня превратилась в тихий ровный дождь, не переставший и ночью. На следующий день северяне вовсе не увидели солнца – они ехали под свинцовым небом, нахлобучив на головы капюшоны плащей. Дождь размывал дороги, преображал поля в болота, переполнял русла рек и сбивал листву с деревьев. Говорить под его неумолчный стук никому не хотелось, и люди ограничивались самыми необходимыми словами.

– Мы сильнее, чем может показаться, миледи, – сказала Мейдж Мормонт. Кейтилин полюбила леди Мейдж и ее стар-

шую дочь Дейси. Они лучше всех понимали ее поведение в деле Джейме Ланнистера. Высокая гибкая дочь и коренастая мать одевались одинаково, в кожу и кольчуги, с черным медведем Мормонтов на щитах и камзолах. На взгляд Кейтилин, это был странный наряд для леди, но Дейси и леди Мейдж и как воины, и как женщины чувствовали себя куда более уверенно, чем девица Тарт.

– Я была с Молодым Волком в каждом сражении, – весело заметила Дейси, – и он еще ни одного не проиграл.

«Зато проиграл все остальное», – подумала Кейтилин, но вслух этого произносить не следовало. Мужества северянам не занимать, но сейчас они далеко от дома, и главное, что их поддерживает, – это вера в своего молодого короля, которую нужно оберегать любой ценой. «Я должна быть сильной, – твердила себе Кейтилин. – Должна ради Робба. Если я поддамся отчаянию, горе пожрет меня». Все зависит от предстоящей свадьбы. Если Эдмар и Рослин будут счастливы, если «покойный лорд Фрей» умиротворится и вновь предоставит Роббу свое войско... «Но даже тогда, на что нам рассчитывать, пока мы зажаты между Ланнистером и Грейджоем?» Кейтилин не смела задумываться над этим, а вот Робб почти ни о чем другом и не думал. Она видела, как он сидит над картами во время каждой стоянки, придумывая планы отвоения Севера.

У Эдмара были свои заботы.

– Как по-вашему, не могут ведь все дочери лорда Уолдера

быть похожими на него? – спросил он, сидя в своем высоком полосатом шатре с Кейтилин и своими друзьями.

– Они у него все от разных матерей – хоть некоторые да должны быть красивыми, – сказал сир Марк Пайпер. – Только с чего старому негодяю отдавать тебе хорошенькую?

– Ни с чего, – угрюмо признал Эдмар.

Этого Кейтилин вытерпеть не смогла.

– Серсея Ланнистер – красивая женщина, – отрезала она. – Молись лучше, чтобы Рослин оказалась здоровой и крепкой, с хорошей головой и верным сердцем. – Она встала и вышла вон.

Эдмар обиделся и на следующий день не заговаривал с ней вовсе, предпочитая общество Марка Пайпера, Лаймонда Гудбрука, Патрека Маллистера и молодых Вэнсов. «Они-то его не бранят, разве что в шутку, – подумала Кейтилин, когда они пронеслись мимо, не обмолвившись с ней ни словом. – Я всегда была слишком строга с Эдмаром, а горе сделало меня еще более резкой». Она сожалела о высказанных ею упреках. Будто им мало докуки от дождя без ее докучливых слов. Разве это преступление – желать себе красивую жену? Она вспомнила свое собственное детское разочарование при первой встрече с Эддардом Старком. Она воображала, что он будет таким же, как его брат Брендон, только моложе, но оказалась не права. Нед был ниже ростом, не так хорош собой и угрюм. За его учтивыми речами чувствовался холодок, и этим он тоже отличался от Брандона, неистового

и в веселье, и в ярости. Она отдала ему свое девичество, но и тогда в их любви было больше долга, нежели страсти. «И все же в ту первую ночь мы зачали Робба – будущего короля. А после войны, в Винтерфелле, я полюбила мужа по-настоящему, открыв, какое золотое сердце скрывается за угрюмой наружностью Неда. Почему бы и Эдмару не обрести того же в своей Рослин?»

Дорога по воле богов привела их в Шепчущий лес, где Робб одержал свою первую большую победу. Они ехали вдоль извивов ручья по дну этой узкой долины, как люди Джейме Ланнистера в ту судьбоносную ночь. «Тогда было теплее, – вспомнила Кейтилин, – деревья стояли зеленые и ручей не выходил из берегов». Теперь палая листва забивала его русло и валялась кучами на земле, а деревья, скрывшие в ту пору армию Робба, сменили зеленый наряд на тускло-золотые и красные тона, напоминавшие ей ржавчину и засохшую кровь. Только ели и гвардейские сосны продолжали зеленеть, пронзая брюхо облаков своими стройными копьями.

«С той поры умерло многое помимо листвы». В ночь битвы Нед был еще жив в своей темнице под холмом Эйгона, Бран и Рикон жили в безопасности за стенами Винтерфелла. «А Теон Грейджой сражался на стороне Робба и хвастался тем, что чуть не скрестил меч с Цареубийцей. Жаль, что этого не случилось. Сколько зла они могли бы избежать, если бы вместо сыновей лорда Карстарка погиб Теон!»

Проезжая через поле битвы, Кейтилин замечала следы по-

боища: перевернутый шлем, полный дождевой воды, сломанное копьё, конский скелет. Над некоторыми из павших воздвигли каменные курганы, но мародеры успели потревожить их. Среди раскиданных камней виднелись клочки ярких тканей и блеск металла. Из земли на Кейтилин взглянуло чье-то распадающееся лицо, под которым уже сквозил череп.

Это навело ее на мысли о том, где упокоился ее Нед. Молчаливые Сестры увезли его кости на Север в сопровождении Халлиса Моллена и небольшого почетного эскорта. Доехал ли Нед до Винтерфелла, чтобы лечь рядом со своим братом в темной крипте под замком? Или двери Рва Кайлин захлопнулись до того, как Сестры и Хал успели проехать?

Три тысячи пятьсот всадников ехали по дну долины сквозь чащу Шепчущего леса, но Кейтилин Старк редко когда чувствовала себя такой одинокой. Дорога с каждой лигой уводила ее все дальше от Риверрана, и она гадала, увидит ли родной замок вновь или он потерян для нее навеки, как столь многое другое.

Пять дней спустя разведчики вернулись назад с известием, что половодье смыло деревянный мост у Ярмарочного Поля. Галбарт Гловер и еще двое смельчаков попытались переправиться через Синий Зубец у Бараньего брода, но это стоило жизни двум коням и одному всаднику. Сам Гловер уцепился за камень, и его с трудом вытащили.

– Так высоко река не поднималась с самой весны, – сказал Эдмар. – А если дождь не перестанет, она поднимется еще выше.

– Выше, у Старых Камней, есть еще мост, – вспомнила Кейтилин, часто путешествовавшая по этим землям с отцом. – Более старый, чем тот, и не такой большой, но если он устоял...

– Его тоже снесло, миледи, еще прежде Ярмарочного, – сказал Галбарт Гловер.

– А больше мостов нет? – спросил Робб у матери.

– Нет. А броды стали непроходимыми. – Кейтилин помолчала, припоминая. – Если Синий Зубец недоступен для переправы, надо будет обойти его через Семь Ручьев и Ведьмино Болото.

– Дороги там плохие или их вовсе нет, – предостерег Эдмар. – Ехать через топи придется медленно, но когда-нибудь авось да приедем.

– Мы заставим лорда Уолдера ждать, но это ничего, – сказал Робб. – Лотар послал ему птицу из Риверрана, и он знает, что мы уже в пути.

– Да, но он обидчив и подозрителен по природе, – заметила Кейтилин. – Он может воспринять эту задержку как намеренное оскорбление.

– Ну что ж – извинюсь перед ним и за опоздание. Хорош король, который извиняется на каждом шагу. – Робб скорчил гримасу. – Надеюсь, Болтон успел переправиться через Трезубец до начала дождей. Королевский тракт ведет прямо на север, и идти по нему легко. Они даже пешие должны добраться до Близнецов раньше нас.

– А когда ты соединишься с его войском и отпразднуешь свадьбу моего брата, что будет потом? – спросила Кейтилин.

– Север. – Робб почесал Серого Ветра за ухом.

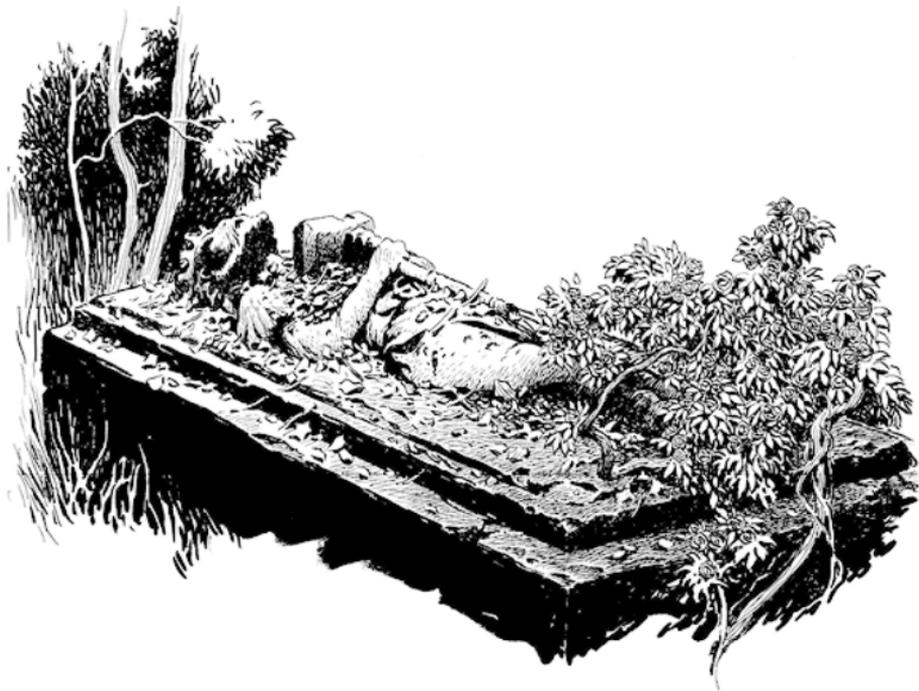
– По гати? Через Ров Кайлин?

– Это один из путей, – с загадочной улыбкой ответил Робб, и она поняла, что больше он ничего не скажет. «Мудрый король держит мысли при себе», – подумала она.

Еще через восемь дней непрерывного дождя они пришли в Старые Камни и разбили лагерь на холме, возвышающемся над Синим Зубцом. Некогда здесь стояла твердыня древних речных королей, но от былых стен и башен теперь остались

лишь поросшие травой фундаменты: местные жители давно растащили камень на свои овины, септы и остроги. Но в ясе-невой роще посреди прежнего замкового двора, в высокой бурой траве сохранился старинный саркофаг.

Его крышка была вытесана в виде фигуры человека, чьи кости лежали внутри, но дожди и ветры хорошо потрудились над ней. Видно было, что этот король носил бороду, но остальные черты его лица стерлись, оставив лишь намеки на рот, нос, глаза и корону на голове. Руки, скрещенные на груди, охватывали рукоять каменного боевого молота. Некогда на молоте были вырезаны руны, повествующие об имени и истории короля, но за истекшие века и они сгладились. Сам камень потрескался и раскрошился, белые пятна лишайника покрывали его, и дикие розы заплели ноги короля, подбираясь к груди.

Там Кейтилин и нашла Робба – он мрачно стоял над могилой в густеющих сумерках вдвоем с Серым Ветром. Дождь наконец перестал, и Робб вышел с непокрытой головой.

– У этого замка есть имя? – спросил он, увидев мать.

– «Старые Камни». Так его называли в народе, когда я была девочкой, но когда он был чертогом королей, то, конечно, назывался по-другому. – Она как-то останавливалась здесь с отцом на пути в Сигард. «Петир тогда был с нами...»

– Есть такая песня, – вспомнил Робб. – Дженни из Старых Камней, с цветами в волосах...

– Все мы в конце концов станем песнями – если посчастливится. – Она в тот день сама играла в Дженни и даже вплела цветы себе в волосы, а Петир был ее Принцем Стрекоз. Ей тогда исполнилось не больше двенадцати, а Петир был еще совсем мальчик.

– Чья это могила? – спросил Робб, разглядывая изваяние.

– Здесь покоится Тристифер Четвертый, Король Рек и Холмов. – Отец рассказывал Кейтилину его историю. – Он правил от Трезубца до Перешейка за тысячи лет до Дженни и ее принца, во времена, когда королевства Первых Людей падали одно за другим под натиском андалов. Его прозвали Молотом Правосудия. Он побывал в ста сражениях и выиграл девяносто девять, как поется в песнях, и построил этот замок – самый сильный в Вестеросе. – Кейтилину положила руку на плечо сына. – Он погиб в своем сотом сражении, когда семеро андалских королей объединились против него. Пятый Тристифер был не чета ему, и королевство вскоре пало, а с ним и замок, и род речных королей прервался. Вместе с Тристифером Пятым угас и дом Маддов, правивший речными землями тысячу лет до нашествия андалов.

– Наследник оказался недостоин его. – Робб провел рукой по обветренному камню. – Я надеялся оставить Жиенну с ребенком... мы старались, но я не уверен...

– Это не всегда получается сразу. – «Хотя с тобой получилось именно так». – И даже на сотый раз. Вы еще очень молоды.

– Я молод, но я король. У короля должен быть наследник. Если я погибну в следующем сражении, королевство не должно погибнуть вместе со мной. По закону мне наследует Санса, и это значит, что Винтерфелл и Север отойдут к ней. – Робб стиснул губы. – К ней и ее лорду-мужу, Тириону Ланнистеру. Я не могу этого допустить и не допущу. Карлик никогда не получит Севера.

– Верно, – согласилась Кейтилин. – Ты должен назначить другого наследника, пока Жиенна не родит тебе сына. – Она задумалась. – У твоего деда Старка не было братьев и сестер, но его отец имел сестру, вышедшую за младшего сына лорда Реймара Ройса. У них было три дочери и все они вышли за лордов Долины: одна за Уэйнвуда, другая за Корбрея, третья, кажется, за Темплтона...

– Матушка, – резко прервал ее Робб. – Ты забываешь, что у отца было четверо сыновей.

Она не забыла, однако не хотела даже думать об этом.

– Сноу – не Старк.

– В Джоне от Старка больше, чем в каких-то лордиках из Долины, которые Винтерфелла в глаза не видывали.

– Джон – брат Ночного Дозора, давший клятву не иметь жены и не владеть землями. Надевшие черное служат пожизненно.

– Как и рыцари Королевской Гвардии – однако это не помешало Ланнистерам сорвать белые плащи с сира Барристана Селми и сира Бороса Блаунта, когда те стали им не нужны.

Если я отправлю в Дозор сто человек в обмен на Джона, там, бьюсь об заклад, найдут способ освободить его от клятвы.

«Он твердо нацелился на это». Кейтилин знала, каким упрямым может быть ее сын.

– Бастард не может наследовать.

– Пока его происхождение не узаконят королевским указом. Примеров тому больше, чем освобождению братьев Дозора от присяги.

– Примеры, – с горечью молвила Кейтилин. – Верно, Эйгон Четвертый узаконил своих бастардов на смертном одре – и сколько же боли, горя, войн и убийств проистекло из этого? Я знаю, ты доверяешь Джону, но сможешь ли ты доверять его сыновьям? А сыновьям сыновей? Претенденты из ветви Черного Пламени не давали Таргариенам покоя целых пять поколений, пока Барристан Смелый не убил последнего из них на Ступенях. Если ты узаконишь Джона, обратно бастардом его уже не сделаешь. Коль скоро он женится и заведет детей, твоим сыновьям от Жиенны всегда будет грозить опасность.

– Джон никогда не причинит зла моему сыну.

– Как Теон Грейджой не причинил зла Брану с Риконом?

Серый Ветер, вскочив на саркофаг короля Тристифера, оскалил зубы, а лицо Робба стало каменным.

– Это столь же жестоко, как и несправедливо. Джон – это не Теон.

– Просто тебе хочется в это верить. А о сестрах своих ты

подумал? Как же быть с *их* правами? Я согласна, что Бесу Север отдавать нельзя, но Арья? По закону она наследует после Сансы. Твоя родная сестра, законная...

– ...и *мертвая*. После казни отца Арья никто не видел и не слышал о ней. Зачем лгать самим себе? Арьи нет, как нет Брана и Рикона, и Сансу они тоже убьют, как только Бес получит от нее ребенка. Джон – единственный брат, который у меня остался. Если я умру, не оставив потомства, я хочу, чтобы он стал Королем Севера вместо меня. И я надеялся, что ты поддержишь мой выбор.

– Нет, Робб, я не могу. В чем угодно, только не в этом. Не проси меня.

– Мне незачем просить. Я король. – Робб повернулся и зашагал прочь, а Серый Ветер побежал за ним.

«Что же я наделала? – устало подумала Кейтилин, оставшись одна у могилы Тристифера. – Сначала я разгневала Эдмара, теперь Робба, а между тем я всего лишь сказала им правду. Неужели мужчины так слабы, что не могут ее выдержать?» Она заплакала бы, но небо сделало это за нее. Пришлось ей вернуться в свой шатер и сидеть там в одиночестве.

В последующие дни Робб поспевал везде: ехал во главе авангарда с Большим Джоном, отправлялся на разведку с Серым Ветром и скакал в хвост колонны к Робину Флинту. Люди с гордостью говорили, что Молодой Волк встает первым и ложится спать последним, а Кейтилин гадала, спит ли он вообще. «Он становится таким же поджарым и голодным, как

его лютоволк».

– Вы так грустны, миледи, – сказала ей Мейдж Мормонт, когда они ехали рядом под дождем. – Что-нибудь не так?

«Пустяки, право. Мой лорд-муж умер, отец тоже, двое моих сыновей убиты, одну дочь выдали за вероломного карлика, чтобы она рожала ему столь же уродливых детей, другая дочь пропала без вести и скорее всего мертва, а мой последний сын и единственный брат со мной рассорились. О чем же мне печалиться?» Но изливать все это на леди Мейдж вряд ли стоило, и Кейтилин сказала:

– Это из-за дождя. Мы много вынесли, а впереди у нас еще больше опасностей и горя. Нам следует встретить грядущее храбро, с трубящими рогами и реющими знаменами, но этот дождь угнетает нас. Знамена виснут на древках, и люди ежатся под плащами, почти не разговаривая друг с другом. Сколько зла в погоде, которая гасит сердца в то время, когда они должны гореть как можно ярче.

– Пусть уж лучше на нас сыплется дождь, чем стрелы, – заметила Дейси Мормонт, и Кейтилин невольно улыбнулась.

– Боюсь, вы храбрее меня. У вас на Медвежьем острове все женщины такие воительницы?

– Медведицы, – подтвердила леди Мейдж. – Нам приходится ими быть. В старину нас часто навещали Железные Люди на своих ладьях и одичалые со Стылого Берега. Мужчины наши уходили в море рыбачить, а женщины должны были уметь защитить себя и детей, чтобы их не увезли в

плен.

– На воротах у нас вырезана женщина в медвежьей шкуре, – добавила Дейси. – Одной рукой она держит дитя, которое сосет ее грудь, а в другой у нее боевой топор. Таковую не назовешь настоящей леди, но я ее всегда любила.

– Мой племянник Джорах как-то привез к нам настоящую леди, – сказала леди Мейдж. – Он завоевал ее на турнире. Она этот барельеф терпеть не могла.

– Как и все остальное, – подтвердила Дейси. – Волосы у этой Линессы были как золотая пряжа, кожа как сливки, а руки мягкие, совсем не для топора.

– И груди не для кормления, – напрямик высказалась ее мать.

Кейтилин знала ту, о ком они говорили. Джорах Мормонт приезжал со своей второй женой на пиры в Винтерфелл, и однажды они прогостили там две недели. Кейтилин помнила леди Линессу, молодую, прекрасную – и несчастную. Однажды после нескольких чаш вина она призналась Кейтилин, что Север – не место для Хайтауэров из Староместа. «Талли из Риверрана когда-то чувствовала то же самое, – ответила Кейтилин ласково, желая утешить ее, – но со временем нашла здесь многое, что смогла полюбить».

Быть может, на поверку в ней оказалось слишком много от Линессы Хайтауэр и слишком мало от Старков? «Если бы я умела владеть топором, то мне, возможно, удалось бы лучше защитить своих близких».

Дни шли за днями, а дождь все не унимался. Они ехали вверх вдоль Синего Зубца, мимо Семи Ручьев, где река разделялась на множество переплетенных ручейков и речушек. Потом началось Ведьмино Болото, где зеленые трясины грозили поглотить неосторожных, и мягкая почва затягивала в себя копыта лошадей с жадностью младенца, сосущего материнскую грудь. Колонна еле ползла. Половину обозных телег пришлось бросить в грязи, навьючив груз на мулов и выпряженных лошадей. «Теперь ничего этого больше нет. Нет Винтерфелла, Неда, Брана и Рикона, Сансы и Арьи. Остался только Робб».

Лорд Джейсон Маллистер нагнал их посреди болота. До сумерек оставалось еще больше часа, когда он подъехал, но Робб тут же приказал остановиться. Сир Рейнальд Вестерлинг пришел за Кейтилин, чтобы проводить ее в королевский шатер. Робб сидел у жаровни с картой на коленях, Серый Ветер спал у его ног. В шатре собрались Большой Джон, Галбарт Гловер, Мейдж Мормонт, Эдмар и незнакомый Кейтилин человек, толстый, плешивый и несмелый. «Явно не лорд, – поняла она с первого же взгляда, – и даже не воин».

Джейсон Маллистер встал и уступил Кейтилин свое место. Каштановые волосы лорда наполовину поседели, но он оставался красивым мужчиной – высокий, худощавый, с чеканным, чисто выбритым лицом и свирепыми голубовато-серыми глазами.

– Всегда счастлив вас видеть, леди Старк. Хочу надеяться,

что привез вам хорошие вести.

– В них мы сейчас нуждаемся больше всего, милорд. – Кейтилин села, слыша, как стучит дождь по холсту у нее над головой.

Робб подождал, когда сир Рейнальд закроет вход.

– Боги услышали наши молитвы, милорды. Лорд Джейсон привез с собой капитана «Мариам», торгового судна из Староместа. Капитан, повторите им то, что рассказали мне.

– Да, ваша милость. – Капитан нервно облизнул свои толстые губы. – Последней моей стоянкой перед Сигардом был Лордпорт на Пайке. Там меня продержали больше полугода по приказу короля Бейлона. Но теперь он... короче говоря, он умер.

– Бейлон Грейджой? – Сердце Кейтилин затрепетало. – Вы говорите, что Бейлон Грейджой мертв?

Капитан кивнул:

– Замок Пайк, как вам известно, стоит частью на большой земле, а частью на скалах и мелких островках, соединенных между собой мостами. В Лордпорте рассказывали, что король Бейлон шел по одному из таких мостов, когда с запада налетела буря, и мост развалился. Короля выбросило на берег два дня спустя, раздутого и с переломанными костями. Говорят, крабы выели ему глаза.

– Надеюсь, это были королевские крабы! Кому как не им вквашать от королевской плоти? – засмеялся Большой Джон.

– Может, и так, – согласился капитан. – Но это еще не все,

не все. Его брат вернулся!

– Виктарион? – удивился Галбарт Гловер.

– Эурон, по прозвищу Вороний Глаз, самый грозный пират из всех, когда-либо бороздивших море. Его не было уже много лет, но не успел лорд Бейлон остыть, как он вошел в гавань на своем «Молчаливом». Черные паруса, красный корпус, а команда вся немая. Я слышал, он побывал в Асшае. Но где бы его ни носило, теперь он дома, и он отправился напрямик в Пайк, и уселся на Морской Трон, и утопил лорда Ботли в бочке морской воды, когда тот этому воспротивился. Тут я поднялся на свою «Мариам» и поднял якорь в надежде уйти под шумок. И я ушел, и вот я здесь.

– Капитан, – сказал Робб, – я благодарю вас, и вы не останетесь без награды. Лорд Джейсон отвезет вас обратно на корабль, когда мы закончим. Прошу вас, подождите снаружи.

– Слушаюсь, ваша милость, слушаюсь.

Как только он вышел, Большой Джон расхохотался, но Робб одним взглядом заставил его замолчать.

– Если то, что рассказывал Теон об Эуроне Грейджое, правда, хотя бы наполовину, в короли он не годится. Законный наследник престола – Теон, если он еще жив, но Железным Флотом командует Виктарион. Я не верю, что он останется во Рву Кайлин, пока Эурон сидит на Морском Троне. Ему поневоле придется вернуться.

– Есть еще и дочь, – напомнил Галбарт Гловер. – Та, что заняла Темнолесье и держит в плену жену и ребенка Робетта.

– Если она останется в Темнолесье, то это все, что она может надеяться удержать. То, что касается братьев, ее касается еще больше. Ей придется отплыть домой, чтобы сместить Эурона и заявить о собственных правах. Есть ли у вас в Сиггарде флот? – спросил Робб лорда Джейсона.

– Флот, ваша милость? Полдюжины ладей и две боевые галеи. Достаточно, чтобы защищать свои берега против разбойников, но очень мало, чтобы вступать в бой с Железным Флотом.

– Я вас об этом и не прошу. Думаю, что островитяне теперь отправятся на Пайк. Теон рассказывал, что у них каждый капитан считается королем у себя на корабле, и все они захотят принять участие в выборе престолонаследника. Мне понадобятся две ваши ладьи, милорд. Они должны будут обойти Орлиный мыс и подняться по Перешейку к Серово-

дью.

Лорд Джейсон заколебался.

– По Мокрому лесу протекает с дюжину ручьев. Все они мелкие, илистые и на карту не нанесены. Я бы даже реками их не назвал. Каналы все время меняют русло, изобилуют мелями, заносами и буреломами. Замок же Сероводье, как известно, не стоит на месте – как мои корабли смогут его отыскать?

– Они пойдут под моим знаменем, и тамошние жители сами их отыщут. Два корабля мне нужны, чтобы удвоить уверенность в том, что мое послание дойдет до Хоуланда Рида. На одном поплывет леди Мейдж, на другом Галбарт. При вас будут письма к тем моим лордам, которые остались на Севере, – сказал Робб названным им посланникам. – Но в них все будет написано наоборот на тот случай, если вас возьмут в плен. Если это произойдет, вы скажете, что плыли обратно на Север – на Медвежий остров или Каменный Берег. – Он постучал пальцем по карте. – Ров Кайлин – ключ ко всему. Лорд Бейлон знал это, потому и послал туда своего брата Викторiona с главными силами Грейджоев.

– Островитяне не такие дураки, чтобы бросать Ров Кайлин даже ради борьбы за престол, – заметила леди Мейдж.

– Верно. Думаю, большую часть своего гарнизона Викторion оставит там. Но каждый человек, которого он возьмет с собой, уменьшит число тех, с кем нам придется драться. Примем в расчет и то, что с ним уйдут многие капитаны. Ему

понадобится их поддержка, если он хочет сесть на Морской Трон.

– Со стороны гати атаковать нельзя, ваша милость, – сказал Галбарт Гловер. – Она слишком узка и не дает возможности перестроиться. Ров еще никому не удавалось взять.

– С юга – да, – ответил Робб. – Но мы атакуем одновременно с севера и запада и захватим островитян с тыла, пока они будут отбивать ложную атаку с гати. При соединении с войсками лорда Болтона и Фреев у меня будет больше двенадцати тысяч человек. Я намерен разбить их на три части и отправить каждую по гати с полдневными перерывами. Если у Грейджоев есть соглядатаи к югу от Перешейка, они донесут, что я иду со всей своей силой на Ров Кайлин.

Русе Болтон возглавит арьергард, я буду командовать средним отрядом, ты, Большой Джон, поведешь авангард. Твоя атака должна быть настолько свирепой, чтобы островитянам недосуг было думать, не подбирается ли к ним кто-нибудь с севера.

– Подбирайтесь быстрее, – хмыкнул Большой Джон, – не то я возьму Ров еще до того, как вы покажетесь, и преподнесу его вам в подарок.

– Охотно приму от тебя этот дар, – ответил Робб.

– Вы говорите, что атакуете островитян с тыла, государь, – нахмурился Эдмар, – но как вы располагаете оказаться у них в тылу?

– На Перешейке существуют дороги, которых нет ни на

одной карте, дядя. Пути, известные только болотным жителям – тропы между трясинами и водные дороги через камыши, которые можно одолеть только на лодках. – Робб повернулся к двум своим посланникам. – Вы скажете лорду Хоуленду Риду, чтобы он послал ко мне своих проводников через два дня после того, как я двинусь по гати. В средний отряд, идущий под моим знаменем. Из Близнецов выйдут три отряда, но до Рва Кайлин дойдут только два. Мой растворится в Перешейке, чтобы снова возникнуть на реке Горячке. Если мы выступим сразу после дядиной свадьбы, то к концу года уже выйдем на позиции. Мы нападём на Ров с трех сторон в первый день нового века, когда у островитян головы будут трещать от меда, выхлестанного ночью.

– Мне этот план по душе, – объявил Большой Джон. – Даже очень.

– Риск есть, – потер подбородок Галбарт Гловер. – Если болотные жители вас подведут...

– Хуже нам все равно не будет. Но они не подведут. Мой отец высоко ценил Хоуленда Рида. – Робб свернул карту и лишь теперь обратился к Кейтилин: – Матушка...

Она напряглась.

– Для меня тоже найдется дело?

– Ваше дело – ждать в безопасном месте. Наш поход через Перешеек опасен, а на Севере нас ждут новые бои. Но лорд Маллистер любезно предложил взять вас к себе в Сигард до окончания войны. Там вам будет хорошо, я уверен.

«Наказание за то, что я выступила против Джона Сноу? Или за то, что я женщина и, хуже того, мать?» Кейтилин не сразу заметила, что все смотрят на нее. Они знали, поняла она. Что ж, удивляться нечему. У нее не прибавилось друзей после освобождения Цареубийцы, а Большой Джон не раз говорил при ней, что женщинам не место на ратном поле.

Должно быть, гнев отразился у нее на лице, потому что Галбарт Гловер поспешил сказать, опередив ее:

– Миледи, его милость принял мудрое решение. Будет лучше, если вы не поедете с нами.

– Ваше присутствие украсит Сигард, леди Кейтилин, – сказал лорд Джейсон.

– Я буду там вашей узницей.

– Почетной гостьей, – поправил лорд Маллистер.

– Я не хочу обижать лорда Джейсона, – сухо сказала Кейтилин сыну, – но если мне нельзя ехать дальше с тобой, я предпочла бы вернуться в Риверран.

– В Риверране я оставил жену. Мать я хочу отправить в другое место. Тот, кто держит все сокровища в одном кошельке, облегчает работу для вора. После свадьбы вы отправитесь в Сигард – такова моя королевская воля. – Робб встал, и ее судьба решилась. – Еще одно, – сказал король, взяв лист пергамента. – Лорд Бейлон оставил после себя беспорядок, и я не хочу повторять его ошибки. Однако сына у меня пока нет, мои братья Бран и Рикон убиты, а моя сестра замужем за Ланнистером. Я долго размышлял о том, кого сделать сво-

им наследником, и теперь приказываю вам как моим верным лордам засвидетельствовать вот этот документ, приложив к нему свои печати.

«Настоящий король», – подумала побежденная Кейтилин. Оставалось лишь надеяться, что западня у Рва Кайлин, задуманная им, работает столь же безотказно, как та, в которую он поймал ее.

Сэмвел

«Белое Древо, – молился Сэм. – Пожалуйста, пусть это будет Белое Древо».

Эту деревню он помнил. Она значилась на картах, которые он рисовал по пути на север. Если это селение – Белое Древо, он будет знать, где они. «Пожалуйста, пусть это будет так». Сэм столь этого желал, что ненадолго забыл об окованных ногах, о боли в икрах и пояснице, о пальцах рук, которых почти уже не чувствовал. Забыл даже о лорде Мормонте, Крастере, упырях и Иных. Пусть это будет Белое Древо, взывал он к любому богу, который мог его услышать.

Деревни одичалых все похожи друг на друга. У этой в середине росло огромное чардреву... но белое дерево еще не означает, что это и есть Белое Древо. Там дерево было как будто выше – а может быть, он просто неправильно запомнил. Лик на этом стволе, длинный и печальный, плакал крас-

ными слезами засохшей смолы. Сэм не мог припомнить, каким был тот, провожавший их на север.

Вокруг дерева теснились хижины с дерновыми крышами, один длинный бревенчатый дом с обросшими мхом стенами, каменный колодец и овечий загон – но ни овец, ни людей не было. Одичалые ушли в Клыки Мороза к Мансу Налетчику, бросив свои дома и забрав все остальное. Хорошо, что хоть дома сохранились. Скоро ночь и хорошо будет для разнообразия поспать под крышей. Он так устал. Ему казалось, что он идет уже полжизни. Сапоги у него разваливаются, волдыри на ногах превратились в твердые мозоли, но под ними уже назрели новые волдыри, а пальцы ног, должно быть, обморожены.

Но выбора нет: либо он будет идти, либо умрет. Лилли еще слаба после родов, и на руках у нее ребенок – она нуждается в лошади больше, чем он. Вторая их лошадь пала через три дня после ухода из Замка Крастера. Чудо, что она и столько-то протянула, бедная, голодная животина. Это Сэм своим весом, наверно, доконал ее. Они могли бы ехать дальше на одном коне, но Сэм боялся, как бы и с этим не случилось того же. «Лучше уж я буду идти пешком».

Он оставил Лилли в длинном доме разводить костер, а сам обследовал хижины. Она умела разжигать огонь лучше, чем Сэм – у него растопка никогда не занималась, а когда он в последний раз пытался высечь искру ножом из кремня, то порезался. Лилли перевязала его, но больная рука стала еще

более неуклюжей, чем раньше. Он знал, что рану надо бы промыть и сменить повязку, но боялся смотреть на нее, и ему не хотелось снимать перчатки на таком холоде.

Он сам не знал, чего ищет в пустых домах, но надеялся, что одичалые оставили что-нибудь съестное. В прошлый раз хижины Белого Древа обыскивал Джон. В углу одной хиба-ры шуршали крысы, в других не было и вовсе ничего, кроме старой соломы, старых запахов и пепла под дымовыми от-верстиями.

Сэм вернулся к чардреву и рассмотрел вырезанный на нем лик. «Не тот лик, – признался он себе. – И само дерево дале-ко не столь высокое». И красные глаза, насколько он помнил, не сочлились кровью. Сэм неуклюже опустился на колени.

– Старые боги, услышьте меня. Семеро были богами мое-го отца, но я произнес свою клятву перед вами, когда вступал в Дозор. Помогите же нам. Я боюсь, что мы заблудились. Мы голодны и страдаем от холода. Я не знаю, в каких богов ве-рю теперь, но если вы есть, помогите нам. У Лилли малень-кий ребенок. – Больше он ничего не смог придумать. Смер-калось, и листья чардрева тихо шуршали, похожие на тыся-чу кроваво-красных рук. Слышат ли его боги Джона? Сэм не знал.

Когда он вернулся в длинный дом, костер уже горел. Лил-ли сидела около него, распахнув шубу, и кормила сына. «Он проголодался не меньше нас», – подумал Сэм. Старухи тай-ком набрали им еды в кладовой Крастера, но теперь она по-

дошла к концу. Охотник из Сэма был никудышный даже на Роговом Холме, где дичь водилась в изобилии и у него были гончие и егеря, а уж в этом пустом бескрайнем лесу ему и вовсе ничего не светило. Его попытки наловить рыбы в затянутых льдом озерах и ручьях тоже не увенчались успехом.

– Долго ли нам еще идти, Сэм? – спросила Лилли. – Далеко ли?

– Не очень. Меньше, чем мы уже прошли. – Сэм скинул котомку, плюхнулся на пол и попытался подвернуть под себя ноги. Спина от ходьбы отчаянно болела, и ему хотелось прислониться к одному из резных деревянных столбов, поддерживающих крышу, но огонь горел в середине дома, под дымовым отверстием, в тепле он нуждался еще больше, чем в удобстве. – Еще несколько дней, и мы на месте.

У Сэма были карты, но раз это не Белое Древо, толку от них чуть. «Мы слишком отклонились на восток, обходя то озеро, – беспокоился он, – а может, на запад, когда возвращались назад». Сэм проникся ненавистью к озерам и рекам. За неимением мостов и паромов озера всякий раз приходилось обходить, а на реках искать брод. Звериные тропы, петляющие в чаще, и встающие на пути взгорья тоже часто заставляли их двигаться не прямо, а в обход. «Будь с нами Баннен или Дайвен, мы уже дошли бы до Черного Замка и грелись у огня в трапезной». Но Баннен умер, а Дайвен ушел с Гренном, Скорбным Эддом и остальными.

«Стена тянется на триста миль, и высота у нее семьсот футов», – напомнил себе Сэм. Если они будут идти на юг, то неминуемо найдут ее, рано или поздно. И он уверен, что они идут именно на юг. Днем он определял дорогу по солнцу, ночью они могли бы следовать за хвостом Ледяного Дракона, но теперь, лишившись второй лошади, они почти отказались от ночных переходов. В лесу темно даже во время полнолуния, и Сэм, оступившись, мог запросто сломать ногу, да и лошадь тоже. «Теперь мы уже наверняка продвинулись далеко на юг».

Другое дело, как далеко они отклонились на восток или запад. До Стены-то они дойдут, через день или через две недели, уж верно, не позже... но вот где? Им нужны ворота Черного Замка, единственный на сто лиг проход за Стену.

– Стена правда такая большая, как Крастер говорил? – спросила Лилли.

– Даже больше. – Сэм старался говорить бодро. – Она такая большая, что замков, которые стоят за ней, не видно. Но

они там, сама скоро увидишь. Стена ледяная, но замки построены из камня и дерева. У них высокие башни, глубокие погреба, а в большом зале днем и ночью горит огонь. Ты не поверишь, Лилли, как там жарко.

– А мне с мальчиком можно будет постоять у огня? Недолго, только чтоб согреться?

– Можешь стоять у него, сколько захочешь. Тебя еще и покормят – дадут горячего вина и миску оленьего жаркого с луком, и Хобб достанет хлеб прямо из печи – такой горячий, что пальцы можно обжечь. – Сэм, сняв перчатку, протянул к огню собственные пальцы и скоро пожалел об этом. На холоде они онемели, но от тепла разболелись так, что хоть криком кричи. – Иногда кто-нибудь из братьев поет, – продолжил он, чтобы отвлечься от боли. – Лучше всех у нас пел Дареон, но его отправили в Восточный Дозор. Есть еще Халдер и Жаба. Настоящее его имя Тоддер, но он похож на жабу, вот его и прозвали так. Он любит петь, но голос у него ужасный.

– А ты сам поешь? – Лилли переложила ребенка от одной груди к другой.

Сэм покраснел.

– Ну... я знаю несколько песен. В детстве я любил петь и танцевать, но моему лорду-отцу не нравилось. Он говорил, что если мне охота попрыгать, то лучше пойти во двор и поупражняться с мечом.

– Может, споешь какую-нибудь южную песню? Для мальчика?

– Если хочешь. – Сэм подумал немного. – Есть одна песня, которую наш септон пел мне и сестрам, когда мы укладывались спать. Она называется «Песнь Семерых». – Сэм прочистил горло и тихо запел:

Отец на небе, грозный бог,
Подводит бытию итог.
Он справедлив, хотя и строг,
И любит малых деток.

А Матьерь людям жизнь дает,
Над бедами их слезы льет,
Всем женщинам она оплот
И любит малых деток.

Ведет нас Воин за собой,
Когда со злом идет на бой.
Своей могучею рукой
Хранит он малых деток.

Премудрой Старицы маяк
Нам озаряет жизни мрак,
Ее златой лампы зрак
Сияет малым деткам.

Кузнец всегда работе рад,
Чтоб в мире был покой и лад,
Кует его искусный млат
Для вас, для малых деток.

Вот Дева в небесах парит,
Любовь нам и мечту дарит,
Ее чертог всегда открыт
Для вас, для малых деток.

Мы славу Семерым поем,
Да сохранят они наш дом.
Усните мирно сладким сном,
Они вас видят, детки.

Сэм вспомнил, как в последний раз пел эту песню вместе со своей матерью. Они баюкали маленького Дикона, и отец, услышав их голоса, ворвался к ним в гнев. «Больше я этого не потерплю, – сказал лорд Рендилл своей жене. – Ты испортила мне одного сына этим септонским нытьем, а теперь и другого хочешь испортить. – А Сэму он велел: – Ступай к своим сестрам, если хочешь петь. К моему сыну я тебя не подпущу».

Ребенок Лилли между тем уснул. Он был такой крошечный и такой тихий, что Сэм боялся за него. У него даже имени не было. Сэм спрашивал об этом Лилли, и она сказала, что давать ребенку имя, пока ему не сравнялось два года, – дурная примета. Слишком много детей умирает, не дожив до этого срока.

Лилли снова запахла шубу на груди.

– Красивая песня, Сэм. И поешь ты хорошо.

– Слышала бы ты Дареона. Его голос сладок как мед.

– Самый сладкий мед мы пили в тот день, когда Крастер взял меня в жены. Тогда стояло лето и не было так холодно. – Она озадаченно глянула на него. – Но ты спел только о шестерых богах, а Крастер всегда говорил, что у нас, южан, их семеро.

– Да, семеро, только о Неведомом песен не поют. – Лик Неведомого – это лик смерти. От одного упоминания о нем Сэм стало не по себе. – Давай-ка поедим немного.

У них осталось только несколько черных колбас, твердых, как дерево. Сэм отпилил с пяток тонких ломтиков для Лилли и столько же для себя. От этой работы у него заболело запястье, но он проголодался и потому терпел. Если жевать эту колбасу долго, она размягчается и делается вкусной. Жены Крастера приправляют ее чесноком.

Поев, Сэм вышел, чтобы справить нужду и взглянуть на лошадь. С севера дул резкий ветер, шелестя листвой. Сэму пришлось проломить тонкий лед на ручье, чтобы лошадь могла напиться. «Лучше завести ее в дом». Он не желал проснуться утром и увидеть, что коняга за ночь околела от холода. «Лилли, конечно, не сдастся и пойдет пешком, даже если это случится». Она очень храбрая, не то что он. Вот только что он будет делать с ней в Черном Замке? Она все твердит, что будет его женой, если он захочет. Но черным братьям не положено иметь жен. Кроме того, он Тарли с Рогова Холма, и ему не пристало жениться на одичалой. «Лад-

но, что-нибудь да придумаю. Лишь бы дойти до Стены живыми – остальное не важно, совсем не важно».

Провести лошадь в дверь дома оказалось не так просто, но Сэм с этим справился. Лилли уже дремала. Он поставил лошадь в углу, стреножил ее, подбавил дров в огонь, снял свой тяжелый плащ и залез под шкуры рядом с Лилли. Плащ был такой большой, что они укрылись им все втроем.

От Лилли пахло молоком, чесноком и старым мехом, но он уже привык к этим запахам и находил их приятными. Ему нравилось спать рядом с ней. Это напоминало ему далекое прошлое, когда он спал в одной большой постели с двумя своими сестрами. Лорд Рендилл положил этому конец, сочтя, что это и сына делает девчонкой. «Оттого, что я спал один в своей холодной каморке, я не стал жестче или храбрее». Что сказал бы отец, если бы увидел его сейчас? «Я убил Иного, милорд, – сказал бы ему Сэм. – Я заколол его обсидиановым кинжалом, и мои братья прозвали меня «Сэм Смертоносный». Но лорд Рендилл даже в воображении Сэма хмурился, не веря ему.

В эту ночь ему снились странные сны. Он снова вернулся в замок на Роговом Холме, но отца там не было, и замок теперь принадлежал Сэму. С ним были Джон Сноу, и лорд Мормонт, Старый Медведь, и Гренн, и Скорбный Эдд, и Пип, и Жаба, и все другие братья Дозора, но все они носили не черное, а яркие цвета. Сэм сидел за высоким столом и задавал им пир, нарезая толстые ломти жаркого отцовским

мечом, Губителем Сердец. Они ели пирожные и пили подслащенное медом вино, пели и танцевали, и всем было тепло. Когда пир окончился, Сэм отправился спать, но не в опочивальню лорда, где раньше спали мать с отцом, а в ту комнату, которую делил с сестрами. Только вместо сестер в огромной мягкой постели его ждала Лилли, одетая в свою косматую шубу, и молоко сочилось из ее груди.

Внезапное пробуждение снова вернуло его в холод и страх.

От костра остались только тлеющие красные угли, и самый воздух казался застывшим. Лошадь в углу ржала и била задними ногами в стену. Лилли сидела у костра, прижимая к себе ребенка. Сэм, еще не совсем проснувшись, тоже сел. От дыхания изо рта шел пар. Вокруг стоял кромешный мрак. Волоски у Сэма на руках поднялись дыбом.

«Ничего, – сказал он себе. – Это от холода».

Из мрака у двери вышла тень – большая.

«Это все еще сон, – в отчаянии подумал Сэм. – Я сплю, и мне снится кошмар. Ведь он умер. Я сам видел, как он умер».

– Он пришел за мальчиком, – с плачем сказала Лилли. – Он его чувствует. От новорожденных очень сильно пахнет жизнью... Он пришел забрать жизнь.

Огромная темная фигура зашла внутрь и заковыляла к ним. В тусклом свете углей тень превратилась в Мальшпа Паула.

– Уходи, – выдавил из себя Сэм. – Ты нам здесь не нужен.

Руки у Паула были угольно-черные, лицо молочно-белое, глаза светились морозной синевой. Иней побелил его бороду, на плече у него сидел ворон и клевал мертвую белую щеку. Сэм обмочился, и по ногам потекло теплое.

– Лилли, успокой лошадь и выйди с ней наружу. Давай.

– А ты... – начала она.

– У меня есть нож. Кинжал из драконова стекла. – Сэм вытащил его дрожащей рукой и встал. Свой прежний нож он отдал Гренну, но перед уходом от Крастера, к счастью, вспомнил о кинжале лорда Мормонта и забрал его. Теперь он крепко зажал его в руке и попятился прочь от костра, от Лилли и ребенка. – Паул! – Сэму хотелось, чтобы его голос звучал храбро, но получился какой-то писк. – Малыш Паул. Ты узнаешь меня? Я Сэм, толстый Сэм, пугливый Сэм. Ты меня спас в лесу. Нес меня на себе, когда я не мог больше идти. Никто бы этого не сделал, кроме тебя. – Сэм пятился с ножом в руке, шмыгая носом. «Ох, какой же я трус». – Не трогай нас, Паул. Пожалуйста. Зачем ты пришел?

Лилли кралась по земляному полу к лошади. Мертвец повернул к ней голову, но Сэм крикнул: «*Нем!*», и он повернулся назад. Ворон у него на плече вырвал кусок мяса из его щеки. Сэм выставил кинжал перед собой, дыша, как кузнечные мехи. Лилли уже добралась до лошади. «Боги, пошлите мне мужества, – молился Сэм. – Пошлите мне немного мужества хоть раз в жизни. Совсем немного, только чтобы она успела уйти».

Малыш Паул шел к нему. Сэм пятился, пока не уперся в бревенчатую стену. Кинжал он сжимал обеими руками, чтобы тот не трясся. Упырь, похоже, не боялся драконова стекла – может быть, он не знал, что это такое. Двигался он медленно, но Малыш Паул и при жизни быстро не поворачивался. Лилли приговаривала что-то, успокаивая лошадь и пытаясь направить ее к двери. Но та, должно быть, учуяла чуждый холодный дух упыря и встала на дыбы, молотя копытами в воздухе. Паул обернулся на шум, утратив всякий интерес к Сэму.

Раздумывать, молиться или бояться не было времени. Сэмвел Тарли ринулся вперед и вонзил кинжал в спину Малышу Паулу. Тот стоял влоборота и не смотрел на него. Ворон завопил и взвился в воздух.

– Ты мертвец! – крикнул Сэм, нанося удар. – Мертвец, мертвец! – Он бил и кричал снова и снова, протыкая дыры в тяжелом черном плаще Паула. Лезвие натыкалось на кольчугу под шерстью, и осколки драконова стекла летели во все стороны.

Сэм взвыл, наполнив черный воздух белым туманом, бросил бесполезную рукоять и шарахнулся прочь, а Малыш Паул повернулся к нему. Сэм хотел достать другой нож, стальной, который носил при себе каждый брат Дозора, но не успел: черные руки мертвеца сомкнулись у него на шее. Пальцы Паула обжигали холодом, впиваясь глубоко в мягкое горло Сэма. «Беги, Лилли, беги!» – хотел крикнуть Сэм, но

изо рта вырвался лишь сдавленный хрип.

Он наконец нашарил кинжал и ударил им мертвеца в живот, но лезвие отскочило от железных звеньев кольчуги и нож вылетел из руки Сэма. Пальцы Паула неумолимо сжимались, выворачивая шею. «Сейчас он откроет мне голову», – понял Сэм. Горло сковал мороз, легкие горели огнем. Сэм колотил мертвеца и пытался оторвать от шеи его руки – без всякой пользы. Он пнул Паула между ног – опять ничего. Весь мир сузился до двух синих звезд, страшной давящей боли и холода, такого жестокого, что слезы стыли на глазах. Оставив попытки вывернуться, Сэм качнулся вперед.

Каким бы большим и могучим ни был Малыш Паул, Сэм все-таки весил больше, а в неуклюжести мертвецов он убедился еще на Кулаке. Потеряв равновесие, Паул качнулся назад, и оба они – и живой и мертвый – рухнули на пол. При падении одна рука упыря разжалась и Сэм успел глотнуть воздуха, прежде чем черные ледяные пальцы сомкнулись снова. Вкус крови наполнил рот. Сэм скосил глаза, ища нож, и увидел тусклый оранжевый свет. «Огонь!» От него остались только угли и пепел, но все же... Сэм не мог дышать, не мог думать... дернувшись вбок, он потащил за собой Паула... его руки шарили по грязному полу, разбрасывая пепел, пока наконец не нащупали что-то горячее... обгоревшую голову, еще тлеющую красным на конце... он схватил ее и вбил Паулу в рот с такой силой, что поломал мертвецу зубы.

Но Паул и тогда не ослабил хватки. Сэм напоследок по-

думал о матери, которая его любила, и об отце, которого он подвел. Стены уже поплыли перед глазами, когда между поломанных зубов Паула показался дымок. Лицо мертвеца вспыхнуло огнем и руки разжались.

Сэм хлебнул воздуха и кое-как откатился прочь. Мертвец горел, иней капал с его бороды, а плоть чернела. Ворон опять закричал, но сам Паул не издал ни звука. Из разинутого рта исходило только пламя. А глаза... «Погасли, синий огонь погас».

Сэм дотащился до двери. Снаружи стоял такой холод, что дышать было больно, но даже эта боль казалась сладкой. Сэм нырнул под притолоку.

– Лилли, я убил его! Лил...

Она стояла спиной к стволу чардрева, прижимая к себе мальчика, со всех сторон окруженная упырями. Их было больше дюжины, больше двадцати... одни одичалые, до сих пор закутанные в шкуры, другие – его бывшие братья. Сэм узнал Ларка Сестринца, Мягколапого, Рилса. Шишка на шее у Четта почернела, прыщи подернулись льдом. Один походил на Хейк, но было сложно сказать наверняка – у него недоставало полголовы. Они уже растерзали бедную лошадь и окровавленными руками потрошили ее. Из ее брюха шел бледный пар.

У Сэма вырвался скулящий звук.

– Так нечестно...

– *Честно*, – возразил ворон, сев ему на плечо. – *Честно*...

но, честно, честно. – Он захлопал крыльями и закричал в один голос с Лилли. Упыри подступали к ней. Красные листья на чардреве зашептались друг с другом на непонятном Сэму языке. Ему показалось, что даже звездный свет заколебался, и деревья вокруг закрипели и застонали. Сэм побелел, как простокваша, и глаза у него стали огромные, как тарелки. «Вороны!» Сотни и тысячи воронов сидели на белых ветвях чардрева, выглядывая в просветы между листьями. Вот они расправили свои черные крылья, и клювы их раскрылись в дружном крике. Гневной, кричащей тучей спустились они на мертвецов. Они облепили Сестринца, как мухи, они выклевывали синие глаза Четта, они вытаскивали мозги из разрубленной головы Хейк. Их было столько, что Сэм не видел за ними луны.

– *Иди,* – сказал ворон у него на плече. – *Иди, иди, иди.*

Сэм побежал, выдыхая облака пара. Мертвецы вокруг отбивались от черных крыльев и острых клювов и падали в странном молчании, без криков и стонов. Сэма вороны не трогали. Он схватил Лилли за руку и потащил прочь.

– *Надо уходить.*

– *Куда?* – Лилли поспешала за ним, прижимая к себе ребенка. – *Они убили нашу лошадь, как же мы теперь...*

– *Брат!* – раздалось в ночи громче вопля тысячи воронов. Под деревьями верхом на лосе сидел человек, с ног до головы одетый в черное и серое. – *Сюда,* – позвал он. Капюшон плаща затенял его лицо.

«Он носит черное». Сэм повернул к нему, увлекая за собой Лилли. Лось был огромен, десяти футов в холке и почти с таким же размахом рогов. Зверь опустился на колени, чтобы они могли сесть.

– Сюда. – Всадник, протянув руку в перчатке, помог Лилли сесть позади него, затем настала очередь Сэма.

– Спасибо, – пропыхтел он и взялся за протянутую руку. Только теперь он понял, что перчаток на всаднике нет. Рука была черной и холодной с твердыми, как камень, пальцами.

Арья

Увидев реку с верхушки холма, Сандор Клиган круто осадил коня и выругался.

С чугунно-черного неба падал дождь, пронзая буро-зеленый поток десятком тысяч мечей. «Да тут не меньше мили в ширину», – подумала Арья. Из бурных вод торчали макушки сотен деревьев, и сучья тянулись к небу, как руки утопающих. К берегу прибило кучи палой листвы, и по течению несло что-то бледное и раздутое, оленя или лошадь. От реки шел глухой рокот – такой звук издает собака, прежде чем зарычать.

Арья повернулась назад, и звенья кольчуги Пса впились ей в спину. Она сидела в кольце его рук; на левую, обожженную, он надевал стальной нараменник, но Арья видела, как он меняет повязки, и мясо под ними все еще оставалось голым и кровоточило. Но если ожоги и мучили Клигана, виду

он не подавал.

– Это Черноводная? – Они так долго ехали в дожде и мраке, через леса и безымянные деревни, что Арья совсем запуталась и перестала понимать, куда они едут.

– Это река, через которую нам надо переправиться – вот все, что тебе надо знать.

Клиган иногда отвечал на ее вопросы, но предупредил, чтобы в разговоры она не вступала. В тот первый день он ее много о чем предупредил. «Если ударишь меня еще раз, я свяжу тебе руки за спиной. Если еще раз попробуешь удрать, свяжу тебе ноги. Если снова начнешь орать или кусаться, заткну тебе рот. Либо сиди на коне со мной вместе, либо я тебя перекину через круп, как свинью, которую резать везут. Выбирай сама».

Арья выбрала езду в седле, но в первый же раз, когда они разбили лагерь и Пес, как ей показалось, уснул, она вооружилась большим острым камнем, чтобы разбить ему башку. «Тихая, как тень», – говорила она себе, подкрадываясь к нему, но вышло недостаточно тихо. Пес то ли вовсе не спал, то ли проснулся – как бы там ни было, он открыл глаза, скривил рот и отнял у нее камень, как у малого ребенка. Она только и сумела, что лягнуть его. «На первый раз прощается, – сказал он, закинув камень в кусты. – Но если выкинешь такое еще раз, пеняй на себя». – «Почему бы тебе просто не убить меня, как Мику?» – крикнула Арья, которая не столько испугалась, сколько разозлилась. Вместо ответа он сгреб

ее за рубашку и поднял над своим обожженным лицом. «Если еще раз назовешь это имя, я всыплю тебе так, что самой умереть захочется». После этого он каждый раз заворачивал ее на ночь в лошадиную попону и туго перевязывал веревками, точно младенца пеленал.

«Это наверняка Черноводная», – решила Арья, глядя, как дождь хлещет по реке. Клиган – пес Джоффри, вот он и везет ее обратно в Красный Замок, к Джоффри и королеве. Выглянуло бы солнце, тогда бы стало ясно, в какую сторону они едут, а с этим мхом на деревьях она совсем запуталась. «Черноводная у Королевской Гавани не была такой широкой, но то было до дождей».

– Все броды, выходит, затопило, – сказал Клиган, – а перебираться вплавь мне что-то не хочется.

«Раз переправиться нельзя, – подумала Арья, – лорд Берик нас точно догонит». Клиган гнал своего большого черного жеребца почем зря и трижды поворачивал назад, чтобы сбить погоню со следа, а однажды даже проехал полмили по руслу разлившегося ручья, но Арья, каждый раз оглядываясь назад, все равно ожидала увидеть разбойников. Она старалась помочь им, выцарапывая свое имя на деревьях, когда ходила в кусты по нужде, но на четвертый раз Клиган ее застучал и положил этому конец. «Ничего, – говорила себе

Арья, – Торос увидит меня в пламени и найдет». Только хорошо бы ему поторопиться, потому что когда она окажется за рекой...

– Где-то тут поблизости должен быть город Харроуэя, – сказал Пес. – Где лорд Рут держит двуглавого речного коня старого короля Андагара. Авось там и переправимся.

Арья никогда не слышала о старом короле Андагаре и не видывала двуглавых коней, которые к тому же могут бегать по воде, но от вопросов благоразумно воздержалась. Клиган поехал вниз по течению. Теперь дождь по крайней мере бил им в спину. Арье надоело, что он постоянно хлещет в глаза и стекает по щекам, как будто она плачет. «Волки не плачут», – заново напомнила она себе.

День не должен был перевалить далеко за полдень, но темень стояла, как в сумерки. Арья уже счет потеряла этим бессолнечным дням. Она промокла до костей, стерла себе ляжки, и все тело у нее ныло. К тому же она простыла, и порой ее бил озноб, но когда она сказала об этом Псу, он только рявкнул: «Вытри нос и закрой рот». Он то и дело засыпал в седле, предоставляя своему коню самому идти проселочной дорогой или звериной тропой. Это был массивный рысак, почти такой же большой и тяжелый, как боевой конь, но намного резвее. Пес звал его Неведомым. Однажды, когда Пес мочился у дерева, Арья попыталась увести коня и ускакать, но Неведомый чуть голову ей не откусил. С хозяином он вел себя смирно, как старый мерин, но всем осталь-

ным сразу давал понять, что нрав у него не менее черен, чем масть. Арья впервые видела такую брыкливую и кусачую лошадь.

После нескольких часов пути и переправы через пару илистых ручьев Клиган объявил:

– Вот он, город лорда Харроуэя. – Но разглядев его, добавил: – *Седьмое некло!* – Город был затоплен и заброшен. Река вышла из берегов, и над водой торчали только верх глинобитной гостиницы, семигранный купол септы, две трети круглой каменной башни, соломенные крыши и целый лес труб.

Однако над башней поднимался дым, а под ее окном стояла на цепи большая плоскодонная лодка с дюжиной уключин. На носу и корме ее украшали разные конские головы. «Вот, значит, какой он, двуглавый конь», – поняла она. Посередине лодки стоял деревянный домик с дерновой крышей. Когда Пес сложил руки ковшом и покричал, оттуда вылезли двое человек, а в башенном окне появился третий, с заряженным арбалетом.

– Чего тебе? – прокричал он через бурлящий бурый поток.

– Перевезите нас, – ответил ему Пес.

Люди в лодке посовещались, и один, седой и сгорбленный, с могучими руками, крикнул:

– Даром не повезем.

– Я заплачу.

«Чем это, любопытно знать?» Разбойники забрали у Пса

его золото, но серебро и медь, может, и оставили. Вряд ли за перевоз возьмут больше пары медяков.

Паромщики снова посоветовались, потом седой крикнул что-то, и из будки вылезли еще шестеро, натягивая на голову капюшоны. Из башни на палубу спрыгнули еще несколько человек. Половина из них имела большое сходство со сгорбленным стариком. Отстегнув цепи, одни паромщики вооружились длинными шестами, другие запихивали в уключины тяжелые широкие весла. Паром развернулся и медленно двинулся к берегу, работая веслами с обеих сторон. Клиган съехал с холма ему навстречу.

Паромщики, причалив кормой вперед, открыли широкую дверь под лошадиной головой и спустили тяжелые дубовые сходни. Неведомый у воды заартачился, но Клиган сжал его бока каблуками и направил по сходням.

– Ну как погодка, сир, – достаточно мокрая? – с улыбкой осведомился старый паромщик.

– Мне нужен перевоз, а без твоих шуточек я уж как-нибудь обойдусь. – Клиган слез с коня и снял Арю. Один из паромщиков хотел взять Неведомого под уздцы. – Не советую, – предупредил Клиган, а конь в подтверждение брык-

нул ногой. Лодочник, отскочив, поскользнулся, плюхнулся задом на палубу и выругался.

Старик перестал улыбаться и сказал:

– Мы можем переправить вас за один золотой. Еще один золотой за коня. Третий за мальчика.

– Три дракона? – хохотнул Клиган. – Я все твое корыто могу купить за три дракона.

– В прошлом году, может, и купили бы. Но в разлив мне нужны лишние люди на шестах и веслах, чтобы нас не снесло на сто миль к морю. Выбирайте сами: либо платите три дракона, либо учите своего зверя скакать по воде.

– Люблю честных грабителей. Будь по-твоему. Три дракона, когда благополучно переправите нас на тот берег.

– Деньги вперед, иначе не поедем. – Старик протянул Клигану свою мозолистую ладонь.

Пес выдвинул меч из ножен.

– Выбирай сам: золото на северном берегу или сталь на южном.

Паромщик посмотрел на лицо Клигана, и оно ему явно не понравилось. За спиной у старика стояла дюжина крепких мужчин с веслами и шестами, но они что-то не спешили ему на подмогу. Вместе они, наверно, одолели бы Клигана, но перед этим он мог бы убить человек трех-четырёх.

– Почему мне знать, есть у вас золото или нет? – помедлив, спросил старик.

Нет у него ничего, чуть не крикнула Арья, но вместо этого

прикусила губу.

– Слово рыцаря, – торжественно произнес Клиган.

«Да никакой он не рыцарь», – хотела сказать Арья, но опять промолчала.

– Ладно, – сплюнул лодочник. – Так и быть, перевезем вас, пока не стемнело. Привяжите коня, нечего ему по палубе метаться. Коли хотите с сыном погреться, в будке есть жаровня.

– Я ему не сын! – свирепо выпалила Арья. Это еще хуже, чем когда тебя принимают за мальчика. Она так разозлилась, что чуть не сказала, кто она на самом деле, но Клиган схватил ее за шиворот и приподнял.

– Сколько раз я тебе наказывал держать твой поганый язык за зубами? – Он тряхнул Арию так, что зубы задрезбужали, и отпустил. – Ступай сушишь, как человек говорит.

Арья пошла. От раскаленных углей в будке стояла удушливая жара. Приятно было постоять у жаровни, погреть руки и немного обсушиться, но как только палуба под ногами заколебалась, Арья снова выскользнула наружу.

Двуглавый конь медленно шел по мелководу, пробираясь между крышами и трубами. Двенадцать человек сидели на веслах, еще четверо отталкивались длинными шестами от скал, деревьев и затонувших домов. Старик стоял на руле. Дождь стучал по гладким доскам палубы, отскакивая от резных лошадиных голов. Арья снова начала мокнуть, но ей хотелось смотреть. Человек с арбалетом так и стоял в окне

башни. Когда паром проплывал под ним, он проводил Арья глазами. Она гадала, не тот ли это лорд Рут, которого упоминал Пес. «На лорда он не слишком похож». Но и она сама не очень-то похожа на леди.

Когда они выбрались из города на стрежень реки, течение стало намного сильнее. Сквозь серую пелену дождя Арья разглядела на том берегу высокий каменный столб, который наверняка указывал пристань. Глядя на него, она поняла, что их уносит все ниже по течению. Гребцы налегли на весла, перебарывая разъяренную реку. Листья и ветки неслись по течению так быстро, словно ими выстрелили из скорпиона. Люди с шестами отпихивали от лодки все, что к ней прибывало. Ветер тоже усилился и при попытках взглянуть вверх по реке сек лицо дождем. Неведомый визжал и лягался на зыбкой палубе.

«Если прыгнуть за борт, меня сразу унесет – Пес и спохватиться не успеет». Арья оглянулась через плечо – Клиган пытался успокоить испуганного коня. Лучшего случая сбежать может уже не быть, но так и утонуть можно. Джон говорил, что она плавает как рыба, но даже рыбе в этой реке пришлось бы несладко. Утонуть, пожалуй, лучше, чем возвращаться в Королевскую Гавань... Вспомнив о Джоффри, Арья потихоньку подалась на нос. Вода в реке, бурая от ила и взбаламученная дождем, напоминала скорее суп. А уж холодно там, должно быть... «Ничего, я и так насквозь промокла», – решила Арья и взялась рукой за борт.

Но прежде чем она успела прыгнуть, раздался внезапный крик. Обернувшись, она увидела, как паромщики ринулись вперед с шестами. Арья не сразу поняла, что происходит, но затем заметила огромное, вырванное с корнем дерево, несущееся прямо на них. Его корни и сучья торчали из воды, как щупальца большого кракена. Гребцы бешено работали веслами, стараясь избежать столкновения, которое могло опрокинуть лодку или пробить в ней брешь. Кормчий переложил руль, и конская голова стала разворачиваться вниз по течению, но слишком медленно. Дерево вовсю несло на них, как черно-бурый таран.

Оно было не больше чем в десяти футах от них, когда люди на носу наконец уперлись в него шестами. Один шест сломался, и раздался такой треск, как будто сам паром развалился на части. Но другой человек сумел оттолкнуть дерево – как раз на столько, чтобы убрать его с дороги. Дерево промчалось в нескольких дюймах от них, оцарапав ветками, как когтями, конскую голову. Казалось уже, что опасность миновала, но тут один из верхних сучьев слегка зацепил борт. Паром содрогнулся, и Арья больно шлепнулась на одно колено. Человеку со сломанным шестом не так повезло, и он с криком перевалился за борт. Бурная вода сомкнулась над ним, и он исчез, не успевшая Арья подняться на ноги. Другой лодочник схватил свернутую веревку, но бросать ее было уже некому.

«Может, он выплывет где-нибудь ниже по течению», – го-

ворила себе Арья, но уверенности эта мысль не вселяла. У нее пропало всякое желание прыгать за борт. Когда Клиган закричал, чтобы она шла обратно в будку, не то он ей покажет, она повиновалась. Паром поворачивал поперек течения, борясь с рекой, не желавшей ничего иного, как унести их к морю.

Наконец они причалили, на добрых две мили ниже пристани. Лодка врезалась в берег так, что еще один шест сломался и Арья чуть не упала снова. Клиган вскинул ее на коня, словно куклу какую-нибудь. Паромщики смотрели на них измученными глазами, но старик не замедлил снова протянуть руку и потребовал:

– Шесть драконов. Три за перевоз и три за человека, которого я потерял.

Клиган порылся в кошельке и сунул ему скомканный клочок пергамента.

– На, вот тебе десять.

– Десять? – растерялся паромщик. – Это что же такое?

– Расписка мертвеца, которая стоит около девяти тысяч драконов. – Пес со злобной улыбкой сел в седло позади Арьи. – Десять из них твои, а за остальными я когда-нибудь вернусь – смотри не истрать их.

Старик, прищурясь, разглядывал пергамент.

– Писанина какая-то. На что она мне? Вы обещали золото и дали рыцарское слово.

– Тебе, старик, пора уже знать, чего стоит рыцарское сло-

во. – Пес пришпорил Неведомого и поскакал прочь. Паромщики разразились проклятиями и кинули вслед пару камней. Клиган не обращал внимания ни на слова, ни на камни, и вскоре они затерялись во мраке деревьев, оставив позади стихающий рев реки.

– До утра они назад не пойдут, – сказал Клиган, – и на чернильные каракули больше не купятся. Если твои друзья гонятся за нами, придется им переправляться вплавь.

Арья молча съезжилась. «*Валар моргулис*, – говорила она про себя. – Сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея. Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик, сир Грегор и Щекотун. И Пес, Пес, Пес».

Когда дождь наконец перестал и тучи разошлись, она дрожала и хлюпала носом так, что Клиган решил остановиться на ночлег и даже костер попытался разжечь, но дерево отсырело и не желало загораться. Пес озлился и расшвырял дрова ногами.

– А, провались ты в преисподнюю. Ненавижу огонь.

Сидя на мокрых камнях под дубом и слушая, как с листьев капает вода, они поужинали сухарями, заплесневелым сыром и копченой колбасой. Клиган, резавший колбасу кинжалом, перехватил устремленный на нож взгляд Арьи и предупредил:

– Даже и не думай об этом.

– А я и не думаю, – соврала она.

Он только фыркнул и вручил ей толстый ломоть колбасы.

Арья принялась жевать, не сводя с Клигана глаз.

– Сестру твою я ни разу не ударил, – сказал он, – но тебя побью, если ты меня вынудишь. Хватит придумывать, как меня убить, толку все равно не будет.

Арье не нашлось, что на это ответить. Она продолжала жевать колбасу и смотреть на него пристальным холодным взглядом. «Твердая, как камень», – подумала она.

– Ты хотя бы в лицо мне не боишься смотреть, волчонок, – отдаю тебе должное. Ну, и как оно тебе нравится?

– Совсем не нравится. Оно безобразное и все в ожогах.

Клиган протянул ей кусок сыра на острие ножа.

– Глупая. Ну, положим, убежишь ты, а дальше что? Попадешься кому-нибудь еще хуже меня.

– Не попадусь, – возразила она. – Хуже никого нет.

– Ты еще не знаешь моего братца. Грегор как-то убил человека за то, что он храпел – своего собственного латника. – Когда Клиган усмехался, обожженная сторона его лица натягивалась, и рот кривился совсем уж противно. Губ у него с той стороны не было, а от уха остался только обрубок.

– Твоего брата я знаю. – Пожалуй, Гора и правда хуже, если подумать. – Его и Дансена, и Полливера, и Раффа-Красавчика, и Щекотуна.

– Где это ненаглядная дочка Неда Старка умудрилась завести такие знакомства? – удивился Пес. – Грегор своих крыс ко двору никогда не таскал.

– Я их встретила в деревне. – Арья доела сыр и взяла су-

харь. – В деревне у озера, где они взяли в плен меня, Дженд-ри и Пирожка. Ломми Зеленые Руки тоже взяли, но Рафф-Красавчик убил его, потому что он не мог идти.

– Взяли в плен? Люди моего брата? – Клиган засмеялся, будто зарычал. – Грегор так и не понял, что у него в руках, верно? Ну, ясное дело – иначе он приволок бы тебя в Королевскую Гавань и кинул на колени Серсее. Чудеса! Непременно расскажу ему об этом, прежде чем вырезать его сердце.

Он уже не в первый раз говорил, что убьет Гору.

– Ведь он же твой брат, – усомнилась Арья.

– А тебе разве никого из своих братьев не хотелось убить? – Он опять засмеялся. – Или сестру? – На лице Арьи, должно быть, отразилось что-то, потому что он придвинулся ближе. – Значит, Сансу, да? Волчья сучка хочет убить хорошенькую птичку.

– Нет, – огрызнулась Арья. – Я хочу убить *тебя*.

– За то, что я разрубил твоего дружка пополам? Я и кроме него много народу поубивал, можешь мне поверить. По-твоему, я чудовище? Может, оно и так, только твою сестру я спас. Когда толпа стащила ее с коня, я порубал их и привез ее назад в замок – иначе с ней было бы то же самое, что с Лоллис Стокворт. Кроме того, она мне спела. Ты ведь не знала этого, да? Твоя сестра спела мне красивую песенку.

– Врешь ты все, – выпалила Арья.

– Ты и половины правды не знаешь. *Черноводная*, надо же!

С чего это взбрело тебе в голову? Куда мы, по-твоему, едем?

В его голосе звучало презрение, и Арья заколебалась.

– Обратно в Королевскую Гавань. Ты везешь меня к Джоффри и королеве. – Она поняла уже, что это неправда, иначе он не задавал бы ей такие вопросы, но надо же было что-то сказать.

– Какая же ты дура. – Его голос был грубым и жестким, словно скрежет железа. – Имел я Джоффри, королеву и эту горгулью, ее брата. Я покончил с этим городом, с Королевской Гвардией и с Ланнистерами. Разве псу место рядом со львами? – Он напился воды и протянул мех Арье. – Эта река – Трезубец, а не Черноводная. *Трезубец!* Представь себе карту, если сумеешь. Завтра мы выберемся на Королевский тракт и поскачем прямо в Близнецы. Это я верну тебя твоей матери, а не благородный лорд-молния со своим огненным мошеником-жрецом. Я, чудовище. – Увидев ее лицо, он ухмыльнулся. – Думаешь, только твои друзья-разбойнички чувуют, где можно пожить? Дондаррион отнял у меня золото, а я забрал тебя. Ты, мне сдается, стоишь вдвое дороже того, что у меня было. А может, и больше, если б я продал тебя Ланнистерам, как ты боялась, но этого я не сделаю. Даже Псу надоедает получать пинки. Если боги дали вашему Молодому Волку хотя бы столько мозгов, сколько дают жабе, он сделает меня лордом и пригласит к себе на службу. Я ему нужен, хотя он пока еще сам это не знает. Может, я даже Грегора для него убью – ему это понравится.

– Он ни за что тебя не возьмет, – отрезала Арья. – Только не тебя.

– Тогда я возьму столько золота, сколько смогу унести, засмеюсь ему в глаза и уеду. Если он не возьмет меня на службу, ему лучше всего меня убить, но он не убьет. Для этого он слишком сын своего отца, насколько я слышал. Ну что ж – я выигрываю в любом случае, и ты тоже, волчонок. Так что перестань на меня огрызаться, мне это надоело. Помалкивай и делай, что я велю – тогда мы, глядишь, еще успеем на треклятую свадьбу твоего дядюшки.

Джон

Кобыла еле дышала, но Джон не мог дать ей роздыха. Он должен был успеть к Стене раньше магнара. Он спал бы в седле, будь у него седло – без него Джону и бодрствующему трудно было усидеть на лошади. Рана в ноге мучила его все сильнее, но он не мог позволить себе отдохнуть подольше, чтобы дать ей затянуться. Напротив, каждый раз взбираясь на кобылу, он бередил ее все сильнее.

Увидев со взгорья бурые колеи Королевского тракта, змеящегося на север через холмы и равнины, Джон потрепал кобылу по шее.

– Теперь нам остается только ехать по этой дороге, девочка, а там скоро и Стена. – Нога у него точно одеревенела, и в голове от жара так мутилось, что он дважды чуть было не поехал не в ту сторону.

«Да, скоро Стена». Он представлял себе своих друзей,

пьющих подогретое вино в трапезной. Хобб хлопочет у своих котлов, Нойе в кузнице, мейстер Эймон сидит в своих покоях под вороньей вышкой. «А Старый Медведь? Сэм, Гренн, Скорбный Эдд, Дайвен с деревянными зубами?» Джон мог только молиться, чтобы кому-то из них удалось уйти с Кулака.

Игритт тоже постоянно занимала его мысли. Он помнил запах ее волос, тепло ее тела... и ее лицо в тот миг, когда она перерезала горло старику. «Нельзя было ее любить», – шептал ему один голос. «Зря ты ее покинул», – настаивал другой. Может быть, и отец вот так же разрывался надвое, когда оставил мать Джона, чтобы вернуться к леди Кейтилин. «Он дал клятву верности леди Старк, а я – Ночному Дозору».

В лихорадочном жару он чуть не проехал мимо Кротового городка, не соображая, где находится. Городок почти весь располагался под землей, и наверху при свете убывающей луны виднелась только кучка жалких хижин. Бордель представлял собой сарайчик не больше нужника, и его красный фонарь, поскрипывавший на ветру, походил на глаз, налитый кровью. Джон сполз с лошади около примыкающей к заведению конюшни и криком разбудил двух конюхов.

– Мне нужна свежая лошадь с седлом и уздечкой, – заявил он тоном, не допускающим возражений. Ему привели лошадь, принесли мех с вином и полковриги черного хлеба. – Будите всех, – распорядился Джон. – К югу от Стены одичалые. Берите свои пожитки и идите в Черный Замок. –

Он взобрался на вороного мерина, скрипя зубами от боли, и во весь опор поскакал на север.

Когда звезды на востоке стали меркнуть, перед ним выросла Стена. Озаренная луной, она мерцала над деревьями и утренним туманом. Он гнал коня по скользкой проселочной дороге, пока не увидел каменные башни и бревенчатые стены Черного Замка, похожие на кучку поломанных игрушек под ледяной глыбой Стены. Заря уже раскрашивала лед пурпурными и розовыми тонами.

Он не услышал окрика часовых, проезжая мимо служб, и никто не вышел ему навстречу. Черный Замок казался таким же заброшенным, как Серый Дозор. Между плитами на дворе торчала сухая бурая трава. Старый снег лежал на крыше Кремневой Казармы и под северной стеной башни Хардина, где Джон ночевал до того, как стать стюардом Старого Медведя. На башне лорда-командующего после того давнего пожара остались следы копти. Мормонт потом перебрался в Королевскую, но свет не горел и там. Снизу Джон не видел, есть ли часовые на Стене, но на огромной деревянной лестнице с южной ее стороны, похожей на огромный зигзаг молнии, не было никого.

Из трубы оружейной, однако, поднимался дымок, почти невидимый на сером северном небе. Джон спешил и заковылял туда. Тепло пахнуло на него из открытой двери, как дыхание лета. Однорукий Донал Нойе, качавший мехи у огня, обернулся на шум.

– Джон Сноу?

– Он самый. – Джон, несмотря на лихорадку, изнеможение, рану, магнара, старика, Игритт и Манса, расплылся в улыбке. Хорошо вернуться домой, хорошо увидеть Нойе, пузатого, с зашпиленным рукавом, заросшего черной щетиной.

Кузнец бросил мехи.

– Что у тебя с лицом?

Про лицо Джон успел позабыть.

– Один оборотень хотел выцарапать мне глаза.

– Я уж не чаял тебя увидеть – ни целого, ни в шрамах, – нахмурился Нойе. – Мы слышали, что ты переметнулся к Мансу Налетчику.

Джон ухватился за дверь, чтобы не упасть.

– Кто вам это сказал?

– Джармен Баквелл. Он вернулся две недели назад. Его разведчики уверяют, что своими глазами видели, как ты ехал вместе с одичалыми в овчинном плаще. – Нойе смерил Джона взглядом. – Последнее, я вижу, правда.

– Все остальное тоже правда – в некотором роде, – признался Джон.

– Что ж мне теперь, взять меч и выпустить тебе кишки?

– Нет. Я выполнял приказ. Последний приказ Куорена Полурукого. Нойе, где гарнизон?

– Обороняет Стену от твоих друзей-одичалых.

– Да, но где именно?

– Везде. Харму Собачью Голову видели у Лесного Дозо-

ра, Гремучую Рубашку у Бочонка, Плакальщика у Ледового Порога. Они повсюду, вдоль всей Стены... они карабкаются по льду у Врат Королевы, ломают ворота в Сером Дозоре, собираются напротив Восточного Дозора, но, увидев черный плащ, сразу разбегаются, а назавтра появляются где-то в другом месте.

Джон с трудом удержался от стога.

– Это хитрость. Манс хочет разделить нас, не понимаете, что ли? – «И Боуэн Марш идет у него на поводу». – Ворота находятся здесь, здесь они и атакуют.

Нойе двинулся к нему.

– У тебя кровь течет из ноги.

Джон тупо посмотрел вниз. Да, верно – рана снова открылась.

– Это от стрелы...

– Одичалые. – Это не было вопросом. Нойе обхватил Джона своей единственной, но мускулистой рукой. – Ты бледен как мел и весь горишь. Я отведу тебя к Эйемону.

– Некогда. Одичалые перебрались через Стену. Они идут сюда от Короны Королевы, чтобы открыть ворота.

– Сколько их? – Нойе вывел Джона за дверь.

– Сто двадцать, и хорошо вооружены для одичалых. Доспехи бронзовые, но встречается и сталь. Сколько человек у нас здесь?

– Сорок с лишним. Калеки, больные да зеленые юнцы, еще необученные.

– Если Марш ушел, кого он назначил кастеляном?

– Сира Уинтона, да хранят его боги, – засмеялся кузнец. – Больше у нас рыцарей не осталось. Только он, похоже, об этом забыл, а напоминать ему никто не желает. Так что ко-мандир, какой ни на есть, тут вроде бы я. Самый дюжий из всех калек.

Хоть одна хорошая новость. Однорукий оружейник крепок духом и телом и закален в военном ремесле. А вот сир Уинтон Стаут... в свое время он был хорошим воином, никто не спорит, но он провел в разведчиках восемьдесят лет, одряхлел и выжил из ума. Однажды он уснул за ужином и чуть не утонул в миске горохового супа.

– А где твой волк? – спросил Нойе, ведя Джона через двор.

– Мне пришлось бросить его, чтобы перелезть через Стену. Я надеялся, что он прибежит сюда.

– Нет, парень. Мне жаль, но мы его не видали. – Они дотащились до длинного деревянного дома с вороньей вышкой, где жил мейстер. Оружейник ударил ногой в дверь и позвал: «Клидас!»

Вскоре им открыл сутулый человек в черном. Его розовые глазки широко раскрылись при виде Джона.

– Уложи парня, а я приведу мейстера.

В очаге горел огонь, и в комнате было почти жарко. От тепла Джона потянуло ко сну. Как только Нойе уложил его, он зажмурился, чтобы мир вокруг перестал плыть. Вороны

каркали и переговаривались наверху.

– *Сноу*, – говорил один, – *снег, снег, Сноу*. – Это Сэм их научил, вспомнил Джон. Пришел ли он домой, Сэмвел Тарли, или только его птицы вернулись назад?

Вскоре появился мейстер Эймон. Он шел медленно, мелкими осторожными шажками, держась пятнистой старческой рукой за плечо Клидаса. На его тощей шее висела тяжелая цепь. Золото и серебро блестели среди чугуна, свинца, олова и других неблагородных металлов.

– Джон Сноу, – сказал мейстер, – ты расскажешь мне обо всем, что видел, когда окрепнешь. Донал, поставь на огонь котелок с вином и положи в очаг мои инструменты, чтобы раскалились как следует. Клидас, мне понадобится твой острый нож. – Мейстеру перевалило за сто лет, он обветшал телом, лишился волос и совершенно ослеп, но ум его оставался острым, как в былые годы.

– Сюда идут одичалые, – сказал Джон. Клидас тем временем разрезал его черную штанину, заскорузлую от старой крови и мокрую от свежей. – С юга. Мы перелезли через Стену.

Клидас размотал кровавую повязку Джона, а мейстер понюхал ее.

– Мы?

– Я был с ними. Куорен Полурукий приказал мне перейти к ним. – Мейстер принялся ощупывать рану пальцем, и Джон сморщился. – Магнар теннов... *о-ох*, больно. – Он стиснул

зубы. – Где Старый Медведь?

– Как ни печально мне говорить это, Джон, лорд Мормонт убит в Замке Крастера... своими же братьями.

– Как – своими? – Слова Эймона причинили Джону в сто раз более сильную боль, чем его пальцы. Джон вспомнил Старого Медведя, каким видел его в последний раз – он стоял перед своей палаткой, а ворон сидел у него на руке и просил зерна. «Значит, Мормонта больше нет!» Джон боялся этого с тех самых пор, как увидел следы побоища на Кулаке, но это не смягчило удар. – Кто это сделал? Кто поднял на него руку?

– Гарт из Староместа, Олло Культяпый, Нож... трусы, воры и убийцы все до одного. Этого следовало ожидать. Дозор теперь не тот, каким был раньше. Слишком мало в нем честных людей, чтобы держать в узде негодяев. – Донал Нойе поворачивал в огне ножи мейстера. – Дюжина верных долгу братьев вернулась сюда. Скорбный Эдд, Великан, твой друг Зубр. Они и рассказали нам, что случилось.

«Всего дюжина?» С Мормонтом из Черного Замка ушли двести человек, двести лучших людей Дозора.

– Значит, лорд-командующий теперь Марш? – Старый Гранат славный старик и хороший первый стюард, но для сражения с войском одичалых никак не годится.

– Временно, пока мы не выберем нового, – сказал мейстер Эймон. – Принеси фляжку, Клидас.

«Выборы». Куорен Полурукий и сир Джареми Риккер

убиты, Бен Старк так и не нашелся – кто же остается? Разумеется, ни Боуэн Марш, ни Уинтон Стаут на эту роль не годятся. Торен Смолвуд или сир Оттин Уитерс, если они остались живы после Кулака? «Нет, скорее всего это будет Коттер Пайк или сир Денис Маллистер. Который из них?» Командиры Сумеречной Башни и Восточного Дозора люди хорошие, но очень разные. Сир Денис уже не молод, он вежлив, осторожен и рыцарь до мозга костей. Пайк моложе, он бастард, речь у него грубая, а храбрость превышает пределы разумного. Хуже всего то, что эти двое друг друга недолюбливают – недаром Старый Медведь держал их на противоположных концах Стены. Джон знал, как глубоко в Маллистерах укоренилась вражда к жителям Железных островов.

Острая боль напомнила ему о собственных горестях. Мейстер сжал его руку.

– Клидас сейчас принесет маковое молоко.

Джон попытался привстать.

– Мне не надо...

– Надо, – твердо сказал Эймон. – Будет больно.

Донал Нойе подошел и снова уложил Джона на спину.

– Лежи смирно, не то привяжу. – Кузнец даже одной рукой управлялся с Джоном, как с ребенком. Вернулся Клидас с зеленой флягой и каменной чашей. Мейстер Эймон наполнил чашу до краев.

– Выпей это.

Джон прикусил губу, когда вскочил, и вкус крови во рту

смешался с густым питьем. Он еле удержался, чтобы не извергнуть все обратно.

Клидас принес тазик с теплой водой, и мейстер смыл с раны кровь и гной. Он делал это осторожно, но Джон даже при самых легких прикосновениях с трудом сдерживал крик.

– Люди магнара знают, что такое дисциплина, и доспехи на них бронзовые, – сказал он. Разговор отвлекал его от боли.

– Магнар – это лорд Скагоса, – заметил Нойе. – В Восточном Дозоре, когда я пришел на Стену, были люди со Скагоса. Я помню, они говорили о нем.

– Джон использует это слово в более древнем его смысле, – объяснил мейстер Эймон, – не как родовое имя, но как титул. Оно происходит из древнего языка.

– И означает оно «лорд», – подтвердил Джон. – Стир – магнар места под названием Тенния, на дальнем севере Клыков Мороза. У него сотня своих людей и двадцать лазутчиков, знающих Дар почти так же хорошо, как и мы. Но Манс так и не нашел рог – это уже хорошо. Рог Зимы, в поисках которого он перерыл всю землю в верховьях Молочной.

Мейстер Эймон помедлил с влажной тряпицей в руке.

– Рог Зимы – старое предание. Король за Стеной в самом деле верит, что он существует?

– Они все в это верят. Игритт сказала, что они разрыли сотню могил королей и героев в долине Молочной, но так и не...

– Кто это – *Игритт*? – перебил его Донал Нойе.

– Женщина вольного народа. – Как объяснить им, кто такая Игритт? «Она теплая, смышленная и забавная, она умеет целовать мужчин и резать им глотки». – Она идет со Стиром, но она... совсем еще юная, почти девочка... – «Она убила старика за то, что он развел костер». Язык у Джона заплетался – маковое молоко туманило разум. – Я нарушил с ней свою клятву. Я не хотел этого, но... – «Зря я сделал это. Зря полюбил, зря покинул». – Я оказался недостаточно сильным. Куорен наказывал мне делить с ними все и примечать, и не колебаться... – Голова его поникла, словно набитая мокрой шерстью.

Мейстер Эйемон снова понюхал его рану, бросил окровавленную тряпку в таз и сказал:

– Поддай мне горячий нож, Донал, и держи Джона.

«Не стану кричать», – сказал себе Джон, увидев раскаленный докрасна нож. Но это обещание он тоже нарушил. Донал Нойе держал его, а Клидас направлял руку мейстера. Джон не шевелился, только молотил кулаком по столу. Боль захлестывала его, и он чувствовал себя маленьким, слабым и беспомощным, как ребенок, плачущий в темноте. «Игритт, –

подумал он, когда запах паленого мяса ударил в нос и собственный крик наполнил уши. – Игритт, я не мог иначе». Ему казалось, что боль отступает, но раскаленное железо снова коснулось его, и он потерял сознание.

Когда его веки распахнулись, он плыл куда-то, укутанный в теплую шерсть. Это не стоило ему никаких усилий. Не Игритт ли пришла поухаживать за ним? Беспамятство сменилось обыкновенным крепким сном.

Пробуждение оказалось не столь приятным. В комнате было темно, и боль снова копошилась под одеялом, пронзая ногу раскаленным ножом при каждом движении. Джон убедился в этом, когда вздумал посмотреть, оставил ли мейстер ему ногу. Он подавил крик и опять стиснул кулак.

– Джон! – Из мрака выплыла свечка, а за ней – хорошо знакомая ему большеухая физиономия. – Не шевелись, тебе нельзя.

– Пип? – Джон протянул приятелю руку. – Я думал, ты ушел.

– Со Старым Гранатом? Нет, он считает, что я еще мал и зелен. Гренн тоже тут.

– Ага, тут. – Гренн возник с другой стороны кровати. – Только уснул маленько.

У Джона пересохло в горле.

– Пить, – прохрипел он. Гренн принес воды и дал ему напиться. – Я видел Кулак, – сказал, утолив жажду, Джон. – Кровь и лошадиные трупы... Нойе говорит, что вас верну-

лась дюжина – кто?

– Дайвен, Великан, Скорбный Эдд, Милашка Доннел Хилл, Ульмер, Лью-Левша, Гарт Серое Перо, еще четверо или пятеро. Ну и я.

– А Сэм?

Гренн потупился.

– Он убил Иного, Джон. Я сам видел. Заколол его кинжалом из драконова стекла, который ты ему дал, и мы прозвали его Сэм Смертоносный. Его это здорово бесило.

«Сэм Смертоносный». Кого Джон никак не мог представить себе воином, так это Сэма Тарли.

– Что с ним случилось?

– Нам пришлось его оставить, – признался Гренн. – Я его тряс и орал на него, даже оплеуху ему залепил. Великан хотел поднять его насильно, но уж больно он тяжел. Помнишь, как в ученье с ним бывало? Свернется на земле, лежит и скулит. А у Крастера он и не скулил даже. Нож и Олло долбят стены, съестное ищут, два Гарта дерутся, другие насилуют Крастеровых жен. Скорбный Эдд боялся, что Нож и его шайка перебьют всех верных людей, чтобы некому было рассказать, что там стряслось, – их ведь было вдвое больше, чем нас. Вот мы и оставили Сэма со Старым Медведем. Его с места нельзя было сдвинуть, Джон.

«Ты был его братом, – чуть не сказал Джон. – Как же ты бросил его среди одичалых и убийц?»

– Может, он и жив еще, – сказал Пип. – Вот явится завтра

и удивит нас.

– Угу. С головой Манса Налетчика, – с деланной веселостью подхватил Гренн. – Сэм Смертоносный!

Джон снова попытался сесть и снова понял, что сделал это напрасно. Он вскрикнул и выругался.

– Пойди-ка разбуди мейстера Эймона, Гренн, – сказал Пип. – Скажи, что Джону нужно дать еще макового молока.

«Да», – подумал Джон, но сказал:

– Нет. Магнар...

– Мы знаем, – заверил его Пип. – Часовым на Стене велено поглядывать на юг, и Нойе отрядил нескольких человек на Подветренный кряж следить за Королевским трактом. А мейстер послал птиц в Восточный Дозор и Сумеречную Башню.

В это время и сам мейстер подошел к постели, опираясь на плечо Гренна.

– Побереги себя, Джон. Это хорошо, что ты очнулся, но тебе нужно отлежаться. Мы залили твою рану кипящим вином и поставили примочку из крапивы, горчичного семени и хлебной плесени, но если ты не будешь лежать смирно...

– Я не могу. – Джон, перебарывая боль, наконец сел. – Скоро здесь будет Манс... тысячи людей, великаны, мамонты... вы известили об этом Винтерфелл? И короля? – Джон на миг зажмурился. Пот лил с него градом.

Гренн бросил странный взгляд на Пипа.

– Он ничего не знает.

– Джон, – сказал мейстер Эймон, – пока тебя не было, много чего произошло – плохого больше, чем хорошего. Бейлон Грейджой снова объявил себя королем и послал свои ладьи на Север. Короли у нас размножаются, как сорняки, и мы послали свой призыв каждому из них, но ответа ни от кого не получили. У них есть дела поважнее, а о нас, далеких, все позабыли. А Винтерфелл... Мужайся, Джон. Винтерфелла больше нет.

– Как так – нет? – Джон уставился в молочно-белые глаза Эймона. – В Винтерфелле остались мои братья, Бран и Рикон...

Мейстер коснулся его лба.

– Мне очень жаль, Джон. Твои братья убиты по приказу Теона Грейджоя, занявшего Винтерфелл от имени своего отца. Когда же знаменосцы Старков собрались отбить у него замок, он предал его огню.

– Твои братья отомщены, – сказал Гренн. – Сын Болтона перебил всех островитян, а с Теона, как говорят, содрал кожу дюйм за дюймом.

– Я сожалею, Джон. – Пип стиснул плечо друга. – Мы все сожалеем.

Теона Грейджоя Джон никогда не любил, но он был воспитанником их отца. Боль снова пронзила ногу, и Джон повалился на спину.

– Здесь какая-то ошибка. Я видел лютоволка у Короны Королевы, *серого лютоволка... и он узнал меня.* – Если Бран

правда умер, могла ли часть его души перейти в волка, как Орелл перешел на своего орла?

– Выпей это. – Гренн поднес чашу к его губам, и Джон выпил. В голове у него кишели волки с орлами, и он слышал всех своих братьев. Лица стоящих над ним людей начали расплываться. «Не может быть, чтобы они умерли. Теон никогда бы на это не пошел. И Винтерфелл... серый гранит, дуб и железо, вороны, вьющиеся над башнями, пар от горячих прудов в богороще, каменные короли на своих тронах... разве мог Винтерфелл погибнуть?»

Маковое зелье убаюкало его, и он опять оказался дома – он плескался в горячем пруду под огромным чардревом, с которого смотрел на него отцовский лик. С ним была Игритт. Она со смехом сбросила свои шкуры, раздевшись донага, и хотела поцеловать его, но Джон не смел заниматься этим на глазах у отца. В нем течет кровь Винтерфелла, и он брат Ночного Дозора. «Я не буду отцом бастарда, – сказал он ей. – Не буду». «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», – прошептала Игритт, растворяясь в горячей воде. Плоть сползала с нее, обнажив скелет и череп, а вода в бурлящем пруду стала густой и красной.

Кейтилин

Они услышали Зеленый Зубец до того, как увидели – неумолчный рокот, похожий на ворчание огромного зверя. Бурный речной поток разлился вдвое шире по сравнению с прошлым годом, когда Робб разделил здесь свое войско и пообещал жениться на девице из дома Фреев в обмен на переправу. «Лорд Уолдер и его мост были очень нужны ему тогда, и стали еще нужнее теперь». Кейтилин с недобрым предчувствием смотрела на катящиеся мимо мутно-зеленые воды. «Такую реку не перейти вброд, не переплыть, а половодье спадет разве что через месяц».

Приближаясь к Близнецам, Робб надел корону и распорядился, чтобы Кейтилин и Эдмар ехали рядом с ним. Сир Рейнальд Вестерлинг вез его знамя, лютоволка Старков на снежно-белом поле.

Надвратные башни возникли из дождя, как призраки,

мглистые серые привидения, постепенно обретающие твердые контуры. Твердыня Фреев – это не один замок, но два. Второй, зеркальное отражение первого, стоит на том берегу, и связывает их большой арочный мост. В середине его стоит Водная башня, и река проносится прямо под ней. Рвы, прорытые на обоих берегах, делают каждый замок островом. Из-за дождей эти рвы растеклись в мелкие озера.

Через бурный поток Кейтилин различала несколько тысяч человек, стоящих лагерем у восточного замка; их знамена висели на копьях шатров, как мокрые кошки, и дождь не давал распознать цвета и эмблемы. Почти все они казались ей серыми, но под таким небом весь мир кажется серым.

– Будь осторожен, Робб, – предупредила она. – У лорда Уолдера тонкая кожа и острый язык, и некоторые его сыновья, несомненно, пошли в отца. Не позволяй им вывести тебя из равновесия.

– Я знаю Фреев, матушка, знаю, как дурно поступил с ними и как в них нуждаюсь. Я буду сладок, как септон.

Кейтилин беспокойно шевельнулась в седле.

– Если нам предложат закусить, когда мы приедем, ни в коем случае не отказывайся. Отведай и испей все, что тебе поднесут. Если не предложат, попроси сам хлеба с сыром и чашу вина.

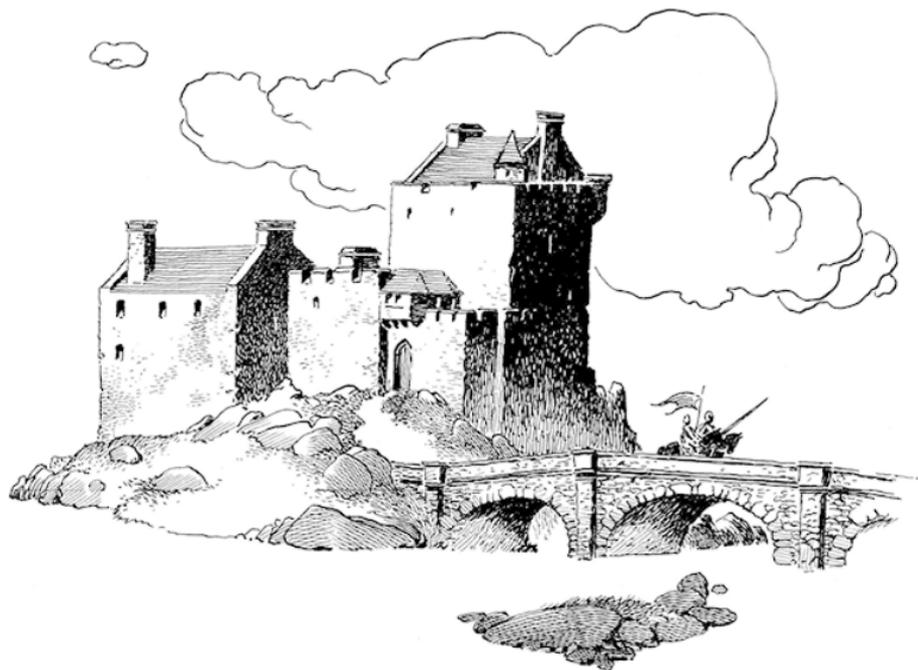
– Я больше промок, чем проголодался.

– Робб, *послушай меня!* Отведав его хлеба и соли, ты получишь права гостя, и законы гостеприимства защитят тебя

под его кровом.

Робба это скорее позабавило, чем испугало.

– Меня защищает целое войско, матушка. Мне нет нужды прибегать к хлебу и соли. Но если лорд Уолдер подаст мне тушеную ворону под соусом из червей, я съем и попрошу добавки.

Из западных ворот выехали четверо Фреев в тяжелых плащах из плотной серой шерсти. Кейтилин узнала сира Римана, сына покойного сира Стеврона, первенца лорда Уолдера. По смерти отца наследником Блинецов стал Риман. Под

капюшоном маячило его широкое, мясистое и глупое лицо. Трое других были, видимо, его собственные сыновья, правнуки лорда Уолдера.

Эдмар подтвердил ее догадку.

– Тот бледный и тощий, с лицом, будто его мучает запор, – это Эдвин, старший. Жилистый, с бородой – это Уолдер Черный. С ним лучше не связываться. Паренек с безобразным лицом на гнедом – это Петир, которого братья прозвали Прыщом. Он всего на пару лет старше Робба, но лорд Уолдер в десять лет женил его на женщине, которая была вдвое старше. Боги! Надеюсь, Рослин пошла не в него.

Гости остановились, ожидая, когда хозяева подъедут к ним. Знамя Робба, как и все прочие, обвисло на древке, и стук дождя сливался с гулом разлившегося Зеленого Зубца. Серый Ветер подался вперед, вытянув хвост и пристально глядя на Фреев узкими темно-золотыми глазами. Когда они приблизились на полдюжину ярдов, волк зарычал низко и глухо, почти как река. Робб забеспокоился.

– Ко мне, Серый Ветер. *Ко мне!*

Но волк, рыча, метнулся вперед.

Лошадь сира Римана шарахнулась прочь и заржала от страха, а конь Петира Прыща взвился на дыбы и сбросил с себя седока. Уолдер Черный удержал своего и опустил руку на рукоять меча.

– *Нет!* – крикнул Робб. – Серый Ветер, сюда. *Сюда!* – Кей-тилин, разбрызгивая грязь из-под копыт, вклинилась между

волком и лошадьми хозяев замка. Волк отскочил в сторону и только теперь внял приказу Робба.

– Вот как, значит, Старки приносят свои сожаления? – выкрикнул Уолдер Черный с обнаженной сталью в руке. – Хорошо же вы начинаете, направив на нас своего волка. Вы за этим приехали?

Сир Риман спешился и помог Петиру встать. Юноша весь вывалился в грязи, но не пострадал.

– Я приехал принести извинения за зло, которое причинил вашему дому, и отпраздновать свадьбу моего дяди. – Робб соскочил с седла. – Возьми моего коня, Петир. Твой, должно быть, уже к конюшне подбегает.

– Я могу сесть с кем-нибудь из братьев, – взглянув на отца, ответил Петир.

Фреи не выказывали королю никаких знаков почтения.

– Вы запоздали, – заметил сир Риман.

– Нас задержали дожди, – сказал Робб. – Я посылал вам птицу.

– Я не вижу женщины.

Под «женщиной», как все поняли, сир Риман разумел Жиенну Вестерлинг. Кейтилин улыбнулась в знак извинения.

– Королева Жиенна устала путешествовать, сир. Она, без сомнения, будет рада посетить вас в более спокойные времена.

– Мой дед будет недоволен. – Уолдер Черный спрятал меч, но тон его не стал дружелюбнее. – Я много рассказывал ему

об этой даме, и он желал увидеть ее собственными глазами.

– Мы приготовили для вас покои в Водной башне, ваша милость, – откашлявшись, сказал Эдвин, – а также для лорда Талли и леди Старк. Ваших лордов-знаменосцев мы тоже приглашаем под свой кров и на свадебный пир.

– А мои люди? – спросил Робб.

– Мой лорд-прадед сожалеет, что не в силах разместить и прокормить такое войско. Нам стоит трудов обеспечивать пропитанием собственных солдат. Однако ваши люди не будут забыты. Если они перейдут через мост и разобьют лагерь рядом с нашим, им выкатят достаточно бочек с вином и элем, чтобы все они могли выпить за лорда Эдмара и его невесту. Мы поставили на том берегу три больших шатра, где можно пировать, укрывшись от дождя.

– Ваш лорд-отец очень добр, и мои люди заранее благодарны ему. Они проделали долгий и мокрый путь.

Эдмар двинул коня вперед.

– Когда я смогу увидеть свою нареченную?

– Она ждет вас в замке, – заверил его Эдвин. – Прошу извинить, если она покажется вам немного робкой. Бедняжка ждала этого дня с таким нетерпением. Однако не довольно ли нам мокнуть?

– В самом деле. – Сир Риман снова сел на коня, посадив Петира Прыща за собой. – Благоволите следовать за мной, мой дед ждет вас, – сказал он и двинулся обратно к Близнецам.

– Задержавшийся лорд Фрей мог бы и сам нас встретить, – посетовал Эдмар, следуя рядом с сестрой. – Я его сюзерен и будущий зять, а Робб его король.

– Когда тебе стукнет девяносто один, братец, тебе тоже не захочется разъезжать под дождем. – Но только ли в этом дело? Лорд Уолдер обыкновенно передвигается в крытых носилках, и дождь ему не помеха. «Оскорбление?» Если так, то оно лишь первое из тех, которые последуют далее.

У ворот возникли новые затруднения. Серый Ветер остановился на середине подъемного моста, отряхнулся и завыл. Робб засвистел, подзывая его.

– Серый Ветер, что с тобой? Ко мне.

Но лютоволк только оскалил зубы. «Это место ему явно не нравится», – подумала Кейтилин. Роббу пришлось сойти, присесть на корточки и поговорить с волком – только тогда он согласился пройти под решеткой ворот. К тому времени их догнали Лотар Хромой и Уолдер Риверс.

– Его пугает шум воды, – сказал Риверс. – Звери знают, как опасна река в половодье.

– Сухая конура и баранья ножка поправят ему настроение, – весело подхватил Лотар. – Я позову нашего мастера над псарней.

– Он лютоволк, а не собака, – возразил Робб, – и опасен для тех, кому не доверяет. Прошу вас, сир Рейнальд, оставайтесь с ним. Я не могу ввести его в чертоги лорда Уолдера.

«Ловко, – подумала Кейтилин. – Теперь и этот Вестерлинг не покажется лорду Уолдеру на глаза».

Подагра и старческая хрупкость костей брали свое. Старый Уолдер Фрей восседал на мягкой подушке с горностаевой мантией на коленях. Спинка его высокого места, выточенного из черного дуба, представляла две парные башни, соединенные выгнутым мостом. Массивное кресло делало старика похожим на сморщенного младенца. В лорде Уолдере было что-то от грифа и еще больше от хорька. Лысая голова в старческих пятнах торчала из тощих плеч на длинной розовой шее. Под срезанным подбородком болталась отвисшая кожа, мутные глаза слезились, беззубый рот постоянно шевелился, чмокая губами, как младенец у груди.

Восьмая леди Фрей стояла рядом с ним, а у ног лорда Уолдера сидело несколько более молодое подобие его самого – тощий и скрюченный человечек лет пятидесяти. Его богатому наряду из голубой шерсти и серого атласа странно противоречили корона и воротник, увешанный крошечными медными колокольчиками. Сходство между ним и его лордом ошеломляло, только глаза у них были разные: у лорда Фрея маленькие, тусклые и подозрительные, у другого большие, добрые и пустые. Кейтилин вспомнила, что среди потомства лорда Уолдера есть один дурачок, но прежде лорд никогда не показывал его на людях. «Любопытно – он всегда носит дурацкую корону или это сделано, чтобы посмеяться над Роб-

бом?» Кейтилин не хотелось отвечать себе на этот вопрос.

Чертог заполняли сыновья, дочери, внуки, зятья, невестки и слуги Фрея, но говорил только старик.

– Простите великодушно, что я не преклоняю колен. Ноги у меня уже не те, что прежде, хотя то, что болтается между ними, еще служит, хе-хе. – Расплывшись в беззубой улыбке, он воззрился на корону Робба. – Люди могут сказать, что бронзовый венец выдает бедность короля, ваша милость.

– Бронза и железо сильнее золота и серебра, – ответил Робб. – Все старые Короли Зимы носили такую корону.

– Только от драконов их это не спасло, хе-хе. – Дурачку, как видно, нравилось слышать это «хе-хе», и он мотал головой, позванивая своими колокольчиками. – Простите, владыка, что мой Эйгон производит столько шума. Ума у него не больше, чем у болотного жителя, и он никогда прежде не видал королей. Это сын Стеврона, и мы зовем его «Динь-Дон».

– Сир Стеврон упоминал о нем, милорд. – Робб улыбнулся дурачку. – Здравствуй, Эйгон. Твой отец был храбрым воином.

Динь-Дон зазвенел и улыбнулся, пустив слюну изо рта.

– Поберегите ваши королевские речи – это все равно что беседовать с ночным горшком. – Лорд Уолдер стал оглядывать королевскую свиту. – Я вижу, леди Кейтилин вернулась к нам. А молодой сир Эдмар, герой Каменной Мельницы, теперь лорд Талли – надо запомнить. Вы уже пятый лорд Тал-

ли на моей памяти. Четырех я пережил, хе-хе. Ваша невеста где-то здесь – думаю, вам хочется взглянуть на нее?

– Да, милорд, и весьма.

– Хорошо, вы ее увидите, только одетую. Она девушка скромная, невинная – обнаженной она предстанет перед вами лишь на брачном ложе. Впрочем, ждать недолго, хе-хе. – Лорд Уолдер вытянул шею. – Бенфри, приведи сюда сестру, да поживее. Лорд Талли ехал к нам от самого Риверрана. – Молодой рыцарь с четырьмя квадратами на камзоле поклонился и вышел. – А где же *ваша* супруга, ваша милость? – спросил старик у Робба. – Прекрасная королева Жиенна Вестерлинг из Скалы? Хе-хе.

– Я оставил ее в Риверране, милорд. Она слишком утомлена предыдущим путешествием, как мы уже сказали сиру Риману.

– Печально, очень печально. Я хотел посмотреть на нее собственными слабыми глазами. Мы все этого ждали – не так ли, миледи?

Бледная тоненькая леди Фрей вздрогнула, услышав обращенный к ней вопрос.

– Д-да, милорд. Мы все хотели засвидетельствовать свое почтение королеве Жиенне. Она, должно быть, очень хороша собой.

– Она прекрасна, миледи. – Ледяное спокойствие в голосе Робба напомнило Кейтилин о его отце.

Старик остался глух к его тону.

– Красивее моих, хе-хе? Только такая могла заставить его королевское высочество забыть о своем торжественном обещании.

Робб принял упрек с достоинством.

– Я знаю, что словами дела не исправишь, и все же приехал принести свои извинения за зло, которое причинил вашему дому, и умолять вас о прощении, милорд.

– Извинения, хе-хе. Да, я помню, что вы обещали принести их. Я стар, но таких вещей не забываю в отличие от некоторых королей. Молодые забывают обо всем при виде хорошенького личика и пары крепких грудок, не так ли? Я тоже был таким, а кое-кто говорит, что я таким и остался, хе-хе. Только они не правы – не правы так же, как и вы. Вы приехали извиняться, однако обидели вы не меня, а моих девочек. Может быть, вашей милости следовало бы просить прощения у них. Вот они, смотрите. – Фрей сделал знак пальцем, и стайка девиц, покинув свои места у стен, выстроилась перед помостом. Динь-Дон встал, и весело позвякивая бубенчиками, пошел к ним, но леди Фрей ухватила его за рукав и усадила на место.

– Моя дочь Арвин, – начал лорд Уолдер, указывая на четырнадцатилетнюю девушку. – Ширея, самая младшая из моих законных дочерей. Ами и Марианна, мои внучки. Ами я выдал за сира Пейта из Семи Ручьев, но Гора убил этого болвана, и я взял ее назад. Это Серсея, но мы зовем ее Пчелкой: ее мать была Бисбери с ульями в гербе. Вот еще внучки

– эту зовут Уолда, а этих... их тоже как-то зовут...

– Я Мерри, лорд-дедушка, – объявила одна.

– Мерзавка – вот ты кто. Рядом с Мерзавкой моя дочь Тита, еще одна Уолда, Аликс, Марисса... ты ведь Марисса? Ну да. Она у нас не всегда такая лысая – это мейстер побрил ей голову и клянется, что волосы отрастут. Эти двойняшки – Серра и Сарра. – Старик сощурился на девочку помладше. – Хе, а ты кто, тоже Уолда?

– Да, я Уолда, дочь сира Эйемона Риверса, лорд-прадедущка, – присев, ответила девочка. Она была не старше четырех лет.

– Давно ли ты говорить научилась? Впрочем, путного все равно ничего не скажешь – твой отец ни разу еще не сказал. Притом он сын бастарда. Ступай прочь, мне сейчас нужны только Фреи. Королю Севера побочные отпрыски ни к чему. – Лорд Уолдер повернулся к Роббу, под перезвон шутовских колокольчиков. – Ну, вот и все мои девицы – одна, правда, вдова, но некоторым нравятся и объезженные. Вы могли бы получить любую из них.

– Я не сумел бы выбрать, милорд, – любезно ответил Робб. – Они прелестны все до одной.

– А еще говорят, что я плохо вижу, – фыркнул лорд Уолдер. – Одни еще туда-сюда, но другие... ладно, что теперь толковать. Как видно, они были недостаточно хороши для Короля Севера, хе-хе. Ну, что же вы им скажете?

– Прекрасные дамы... – Робб отчаянно смущался, но он

готовился к этому мгновению заранее и встретил его, не дрогнув. – Каждый мужчина должен держать свое слово, а король прежде всего. Я дал слово жениться на одной из вас и нарушил свое обещание. Вы в этом не повинны. Я сделал это не для того, чтобы оскорбить вас, но потому, что полюбил другую. Я знаю, что словами ничего не исправишь, однако прошу у вас прощения, чтобы Фрей с Переправы и Старки из Винтерфелла могли стать друзьями.

Младшие девочки беспокойно топтались на месте, старшие ждали, что скажет лорд Уолдер. Динь-Дон раскачивался, звеня колокольчиками.

– Хорошо, – молвил лорд Переправы со своего дубового трона. – Отлично сказано, ваша милость: «Словами ничего не исправишь». Надеюсь, вы не откажетесь потанцевать с моими дочерьми на свадебном пиру. Это порадует стариковское сердце, хе-хе. – Он закивал своей сморщенной розовой головой почти так же, как его полоумный внук, вот только колокольчиков на нем не было. – А вот и она, лорд Эдмар. Моя дочь Рослин, самый драгоценный цветочек во всем цветнике, хе-хе.

Сир Бенфри ввел девушку в зал. Судя по их сходству, они были родными братом и сестрой, а судя по возрасту – детьми шестой леди Фрей, урожденной Росби.

Рослин была мала для своих лет, с кожей столь белой, как будто она только что вышла из молочной ванны, и с хорошеньким личиком – маленький подбородок, точеный носик,

большие карие глаза. Густые каштановые волосы ниспадали волнами до талии, такой тонкой, что Эдмар мог бы охватить ее ладонями. Под кружевным лифом ее бледно-голубого платья виднелись маленькие, но красивые груди.

– Ваша милость. – Девушка опустила на колени. – Лорд Эдмар, я надеюсь, что не разочарую вас.

«Куда там», – подумала Кейтилин. Брат прямо-таки просиял при виде невесты.

– Вы очаровали меня, миледи, – ответил он, – и это чувство никогда не пройдет.

Рослин стеснялась улыбаться из-за просвета между передними зубами, но даже этот маленький изъян казался у нее очаровательным. «Мила, но мала, – подумала Кейтилин, – к тому же наполовину Росби». Их род никогда не отличался крепкими отпрысками. По сложению она предпочла бы какую-нибудь другую дочь или внучку старого Фрея. Среди них есть девушки с чертами Крейкхоллов – третья леди Фрей происходила из этого дома. «Широкие бедра, чтобы рожать детей, большие груди, чтобы их выкармливать, сильные руки, чтобы не уронить. Крейкхоллы славятся широкой костью и силой».

– Милорд слишком добр, – сказала леди Рослин Эдмару.

– Миледи слишком прекрасна. – Эдмар подал ей руку и помог встать. – Но почему вы плачете?

– От счастья, – ответила она. – Это слезы радости, милорд.

– Ну, довольно, – прервал их лорд Уолдер. – Успеете наплакаться и нашептаться после свадьбы, хе-хе. Бенфри, проводи сестру обратно в покои, ей нужно подготовиться к церемонии. И к тому, что за ней последует, хе, самому сладкому. Для всех, для всех. – Старик пожевал беззубым ртом. – У нас будет музыка, чудесная музыка, и вино – целые красные реки, которые помогут смыть кое-какие обиды. Однако вы устали и порядком промокли – вон как с вас капает на пол. В комнатах вас ждет огонь, и подогретое вино, и ванны, если пожелаете. Лотар, покажи нашим гостям покои.

– Я должен перевести моих людей через реку, милорд, – сказал Робб.

– Авось и без вас не заблудятся, – проворчал лорд Уол-

дер. – Они уже переходили этот мост, не так ли? Когда вы пришли сюда с Севера. Вы хотели перейти – я вас пропустил, и никто даже не сказал «может быть», хе. Впрочем, как вам будет угодно. Переводите каждого за ручку, если охота, – мне-то что?

– *Милорд*, – вспомнила Кейтилин, – нельзя ли нам перекусить что-нибудь? Мы проехали много лиг под дождем.

Старик пожевал ртом.

– Перекусить, хе-хе? Ковригу хлеба, кусок сыра и, может быть, колбасы?

– Добавьте немного вина, чтобы запить это, – сказал Робб, – и соль.

– Хлеб и соль. Хе-хе. Конечно, конечно. – Фрей хлопнул в ладоши, и слуги внесли кувшин с вином и подносы с хлебом, сыром и маслом. Лорд Уолдер тоже взял чашу красного и высоко поднял ее морщинистой рукой. – Гости мои, почетные гости – добро пожаловать под мой кров и к моему столу.

– Благодарим за гостеприимство, милорд, – ответил Робб. То же самое повторили Эдмар, Большой Джон, сир Марк Пайпер и все остальные. Они выпили вина и поели хлеба с маслом. Кейтилин, пригубив свою чашу и надкусив хлебный ломоть, почувствовала себя намного лучше. «Теперь нам нечего опасаться», – решила она.

Зная мелочность старика, она ожидала, что он отведет им самые мрачные и холодные помещения, но Фреи не поскупились. Особенно роскошно был обставлен брачный покой,

где стояла большая кровать с пуховой периной и резными столбиками в виде замковых башен. Здесь повесили драпировки в цветах Талли, красные и голубые, – очень милый знак внимания. Дощатый пол покрывали надушенные ковры, высокое окно со ставнями выходило на юг. Комната Кейтилин, хотя и поменьше этой, была удобна и красива, в очаге горел огонь. Хромой Лотар заверил их, что Роббу отведено несколько покоев, как и подобает королю.

– Если вам понадобится еще что-нибудь, стоит только сказать одному из стражников. – Лотар откланялся и, тяжело хромая, пошел вниз по витой лестнице.

– Надо бы поставить собственную стражу, – сказала Кейтилин брату. Ей станет легче, если за дверью будут стоять люди Старков и Талли. Аудиенция с лордом Уолдером прошла не столь болезненно, как она опасалась, но Кейтилин все-таки радовалась, что это уже позади. «Еще несколько дней, и Робб отправится на войну, а я – в почетный сигардский плен». Она знала, что лорд Джейсон будет относиться к ней со всевозможной учтивостью, и тем не менее предстоящее угнетало ее.

Снизу слышалось, как конница идет по мосту, от одного замка к другому. От грохота тяжело нагруженных телег сотрясались стены. Кейтилин подошла к окну и стала смотреть, как войско Робба выходит из восточного замка.

– Дождь, кажется, слабеет.

– Именно теперь, когда мы под крышей. – Эдмар стоял

перед огнем, где тепло овевало его с ног до головы. – Как тебе Рослин?

«Слишком мала и хрупка. Роды будут для нее тяжелым испытанием». Но брату девушка явно понравилась, и Кейтлин сказала только:

– Очень мила.

– Я ей, кажется, пришелся по душе. Но почему она плакала?

– Девушке перед свадьбой позволительно уронить несколько слезинок. – Лиза все глаза выплакала в утро их общей свадьбы, но смогла удержать слезы и выглядеть счастливой, когда Джон Аррен накидывал ей на плечи свой кремово-голубой плащ.

– Она красивее, чем я смел надеяться. – Эдмар жестом остановил сестру, предупреждая ее слова. – Знаю, знаю: есть вещи поважнее. Избавь меня от проповеди, септа. И все же... ты видела этих других, которых Фрей выставил напоказ. Одна все дергается – трясучка у нее, что ли? А у двойняшек на лице больше ям и бугров, чем у Петира Прыща. Увидев их, я решил, что Рослин окажется лысой, кривой, с разумом Динь-Дона и нравом Уолдера Черного. Но она, кажется, не только красива, но и ласкова. – Лицо Эдмара приняло озадаченный вид. – Почему же тогда старый хорек не дал мне выбирать? Я думал, он хочет подсунуть мне что погаже.

– Твоя любовь к хорошеньким личикам всем известна, –

напомнила ему Кейтилин. – Может быть, лорд Уолдер взаправду хочет, чтобы ты был счастлив со своей молодой женой. – «Или же не хочет, чтобы ты, испугавшись прыщей, разрушил все его замыслы». – А может быть, Рослин – его любимица. – Лорд Риверрана – куда более выгодная партия, чем те, на которые может надеяться большинство его дочерей.

– Это так, – без особой уверенности согласился Эдмар. – Но что, если она бесплодна?

– Лорд Уолдер хочет, чтобы Риверран достался его внуку. С какой стати ему навязывать тебе бесплодную жену?

– Чтобы сбыть с рук дочь, которую больше никто не возьмет.

– Это принесло бы ему мало пользы. Уолдер Фрей – человек сварливый, но не глупый.

– И все-таки... это возможно?

– Да, – неохотно согласилась Кейтилин. – Некоторые болезни, перенесенные в детстве, могут сделать девушку неспособной к зачатию. Но у нас нет причин думать, что леди Рослин переболела чем-то подобным. – Она оглядела комнату. – Фреи, по правде сказать, приняли нас куда более любезно, чем я ожидала.

– Пара колючих слов и немного злорадства – для Фрея это действительно любезность, – засмеялся Эдмар. – Я думал, старый хорек помочится в наше вино и заставит нас похвалить его изысканный вкус.

Эта шутка вызвала у Кейтилин странное беспокойство.

– Извини, я пойду сниму с себя мокрую одежду.

– А я, пожалуй, вздремну часок, – зевнув, сказал Эдмар.

Кейтилин вернулась к себе. Сундук с одеждой, который она привезла из Риверрана, уже внесли и поставили в ногах кровати. Развесив мокрые вещи у огня, она надела теплое шерстяное платье, красное с голубым, цветов Талли, вымыла и расчесала волосы, высушила их и отправилась искать Фреев.

Черный дубовый трон лорда Уолдера опустел, но несколько его сыновей пили вино у очага. Лотар Хромой, увидев ее, поспешно встал.

– Я думал, что вы отдыхаете, леди Кейтилин. Могу я чем-то служить вам?

– Это всё ваши братья? – спросила она.

– Братья, сводные братья, зятя и племянники. Раймунд – единоутробный мой брат. Лорд Люциас Випрен – муж моей сводной сестры Литен, а сир Дамон – их сын. С моим сводным братом сиром Хостином вы, кажется, знакомы. А это сир Лесли Хэй и его сыновья, сир Харис и сир Доннел.

– Здравствуйте, сиры. Сир Первин тоже здесь? Он проводил меня в Штормовой Предел и обратно, когда я ездила на переговоры с лордом Ренли. Я буду рада снова увидеться с ним.

– Первина, к сожалению, нет дома, – ответил Лотар. – Он, без сомнения, будет огорчен, что не смог встретиться с вами,

но я передам ему, что вы его не забыли.

– Но он, конечно же, придет на свадьбу леди Рослин?

– Он надеялся успеть, но дожди... вы сами видели, что творится с реками, миледи.

– Да, в самом деле. Не проводите ли вы меня к вашему мастеру?

– Миледи нездоровится? – спросил сир Хостин, мощно сложенный мужчина с квадратной челюстью.

– Женские жалобы – ничего серьезного, сир.

Лотар, любезный как всегда, провел ее через зал, по лестнице и по крытому мосту, где начиналась другая лестница.

– Вы найдете мастера Бренетта в башне наверху, миледи.

Кейтилин подозревала, что мастер тоже окажется сыном Уолдера Фрея, но он на Фреев не походил. Большой, толстый, лысый, с двойным подбородком и не слишком опрятный, судя по вороньему помету на рукавах, он отнесся к ней вполне дружелюбно. Когда она поделилась с ним сомнениями Эдмара касательно здоровья Рослин, он усмехнулся.

– Ваш лорд-брат может не опасаться, леди Кейтилин. Она маленькая, это так, и бедра у нее узкие, но ее мать, леди Бетани, была такой же, и это не мешало ей рожать по ребенку каждый год.

– Сколько из них дожило до нынешнего времени? – напрямую спросила Кейтилин.

– Пятеро. – Мастер принялся загибать толстые, как сосиски, пальцы. – Сир Первин. Сир Бенфри. Мастер Вилла-

мен, который принес обет в прошлом году и теперь служит у лорда Хантера в Долине. Оливар, бывший оруженосцем у вашего сына, и леди Рослин, самая младшая. Четверо мальчиков на одну девочку. Лорд Эдмар получит столько сыновей, что их девать будет некуда.

– Думаю, его это только порадует. – Итак, девушка не только хороша собой, но и плодовита. «Это успокоит Эдмара». Лорд Уолдер, по всей видимости, не дал ее брату никаких причин жаловаться.

Выйдя от мастера, Кейтилин отправилась не к себе, а к Роббу. Там она нашла Робина Флинта, сира Вендела Мандерли и Большого Джона с сыном, которого до сих пор называли Маленьким Джоном, хотя он угрожал перерасти отца. Все они порядком промокли. Еще один человек, на котором и вовсе сухой нитки не было, стоял у огня в бледно-розовом, отороченном белым мехом плаще.

– Лорд Болтон, – сказала она.

– Леди Кейтилин, – тихо промолвил он, – видеть вас всегда отрадно, даже в столь горестные времена.

– Вы очень добры. – В комнате царило гнетущее настроение – даже Большой Джон казался мрачным и подавленным. – Что случилось? – спросила Кейтилин, оглядев их мрачные лица.

– Ланнистеры на Трезубце, – с горечью ответил сир Вендел. – Мой брат снова в плену.

– А лорд Болтон привез нам свежие новости о Винтерфел-

ле, – добавил Робб. – Мы потеряли не только сира Родрика – Клей Сервин и Леобальд Толхарт тоже убиты.

– Клей Сервин был совсем еще мальчик, – грустно заметила Кейтилин. – Так это правда? Все убиты, и Винтерфелла больше нет?

Болтон взглянул на нее своими бледными глазами.

– Железные Люди сожгли замок и зимний городок, но часть ваших людей мой сын Рамси увел в Дредфорт.

– Ваш бастард обвиняется в тяжких преступлениях, – резко напомнила ему Кейтилин. – В убийстве, насилии и еще худших вещах.

– Да, – сказал Русе Болтон. – Кровь в нем дурная, этого нельзя отрицать. Но он хороший боец, столь же хитрый, как и бесстрашный. Когда островитяне убили сира Родрика, а вскоре и Леобальда Толхарта, битву пришлось возглавить Рамси, и он это сделал. Он клянется, что не вложит меча в ножны, пока на Севере остается хоть один Грейджой. Быть может, ратные подвиги искупят хотя бы отчасти те преступления, на которые толкнула его бастардова кровь. – Болтон пожал плечами. – А быть может, и нет. Пусть его милость судит сам, когда война закончится. К тому времени я надеюсь получить законного сына от леди Уолды.

«Что за холодная душа», – в который раз подумала Кейтилин.

– Не поминал ли Рамси о Теоне Грейджое? – спросил Робб. – Убит он или сумел уйти?

Русе Болтон извлек из кошелька у себя на поясе потрепанный кусочек кожи.

– Мой сын прислал мне это вместе с письмом.

Толстый сир Вендел отвернулся, Робин Флинт и Маленький Джон обменялись взглядом, Большой Джон засопел, как бык.

– Это... человеческая кожа? – спросил Робб.

– Кожа с левого мизинца Теона Грейджоя. Мой сын жесток, я это признаю. И все-таки... что такое клочок кожи по сравнению с жизнью двух маленьких принцев? Вы их мать, миледи, – могу ли я вручить вам эту... памятку о возмездии?

Частью души Кейтилин страстно хотелось прижать этот мрачный дар к своему сердцу, но она заставила себя сдержаться.

– Уберите это. Пожалуйста.

– Мои братья не воскреснут, если с Теона сдерут кожу, – сказал Робб. – Мне нужна его голова, а не его шкура.

– Он единственный живой сын Бейлона Грейджоя, – напомнил им Болтон, как будто они сами не знали, – и теперь он законный король Железных островов. Пленный король – очень ценный заложник.

– Заложник? – насторожилась Кейтилин. Заложников обыкновенно берут для обмена. – Надеюсь, лорд Болтон, вы не предлагаете нам дать свободу человеку, убившему моих сыновей?

– Кто бы ни сел на Морской Трон, он захочет смерти Тео-

на, – заметил Болтон. – Теон, даже закованный в цепи, имеет больше прав, чем любой из его дядей. Я предлагаю потребовать у островитян уступок в обмен на его казнь.

Робб принял этот совет с неохотой, но в конце концов кивнул.

– Хорошо. Сохраним ему жизнь – пока. Пусть остается в Дредфорте, пока мы не отвоюем Север.

– Сир Вендел говорит, что Ланнистеры опять на Трезубце? – обращаясь к Болтону, сказала Кейтилин.

– Это так, миледи, и я виню в этом себя. Я слишком задержался в Харренхолле. Эйенис Фрей выехал за несколько дней до меня и переправился через Рубиновый брод, хотя и не без труда. Когда я сам отправился в путь, река стала непреодолимой. Пришлось перевозить людей на лодках, которых было очень мало. Две трети моего войска уже переправились на северный берег, когда Ланнистеры напали на тех, кто еще ожидал переправы. В основном это были люди Норри, Локк и Барли, арьергард же составлял сир Вилис Мандерли с рыцарями из Белой Гавани. Я был уже на том берегу и оказался бессилен помочь им. Сир Вилис отбивался, как мог, но Грегор Клиган послал в атаку тяжелую конницу и загнал их в реку. Утонувшими мы потеряли столько же, сколько убитыми, еще больше спаслось бегством, а всех остальных взяли в плен.

«Когда речь заходит о Грегоре Клигане, жди дурных новостей, – подумала Кейтилин. – Не пришлось бы Роббу сно-

ва повернуть на юг, чтобы с ним расправиться, или Гора сам идет сюда?»»

– Значит, Клиган перешел через реку?

– Нет, – тихо, но твердо ответил Болтон. – Я оставил у брода шестьсот человек. Копейщиков с гор и с Белого Ножа, сотню лучников Хорнвуда, вольных всадников и межвых рыцарей, а для поддержки – людей Стаута и Сервина. Командуют ими Роннел Стаут и сир Кайл Кандон. Сир Кайл, как вам, без сомнения, известно, был правой рукой покойного лорда Сервина. Львы умеют плавать не лучше волков, и пока вода не спадет, сир Грегор не перейдет реку.

– Когда мы двинемся по гати, меньше всего нам будет нужен Гора в тылу, – сказал Робб. – Вы поступили правильно, милорд.

– Ваша милость слишком добры ко мне. Я понес тяжелые потери на Зеленом Зубце, а Гловер и Толхарт у Синего Дола пострадали еще сильнее.

– Синий Дол, – произнес Робб, словно выругался. – Робетт Гловер еще ответит мне за это, уверяю вас.

– Безумие, конечно, – согласился лорд Болтон, – но Гловер совсем потерял голову, когда узнал о падении Темнолесья. Горе и страх толкают человека на крайности.

Синий Дол – дело прошлое. Кейтилин гораздо больше беспокоили грядущие битвы.

– Сколько человек вы привели моему сыну? – бесцеремонно спросила она Болтона.

Пристально глядя на нее своими странными бесцветными глазами, он ответил:

– Около пятисот конников и три тысячи пехоты, миледи. В основном из Дредфорта и немного из Кархолда. Теперь, когда верность Карстарков стала сомнительной, я счел за лучшее удержать их людей при себе. Я сожалею, что не привел больше.

– Думаю, что и этих будет довольно, – сказал Робб. – Вы будете командовать моим арьергардом, лорд Болтон. Я намерен выступить на Перешеек, как только мы отпразднуем дядину свадьбу. Пора нам вернуться домой.

Арья

Повозка медленно ползла по грязной дороге в часе езды от Зеленого Зубца, когда их встретил разъезд.

– Опустить голову пониже и молчи, – наказал ей Пес, увидев скачущих к ним всадников – рыцаря и двух оруженосцев, в легких доспехах и на быстрых верховых конях. Клиган подхлестнул двух старых одров, знававших лучшие дни. Колымага скрипела и раскачивалась на двух огромных деревянных колесах, еще глубже пропахивая наполненные грязью колеи. Неведомый шел сзади, привязанный к задку повозки.

На коне не было ни доспехов, ни попоны, ни сбруи, а сам Пес облачился в зеленый домотканый кафтан и серую хламиду с капюшоном, полностью скрывающим лицо. Пока Клиган не поднимал глаз, он походил на небогатого крестьянина – небогатого, но здоровенного. Под его кафтаном скры-

вались вареная кожа и промасленная кольчуга. Что до Арьи, она сходила то ли за крестьянского сына, то ли за свинопаса. Позади них стояли четыре бочонка с солониной и один с засоленными свиными ножками.

Всадники, разделившись, окружили их с двух сторон. Клиган придержал лошадей, терпеливо ожидая, когда его пропустят. Рыцарь имел при себе копье и меч, его оруженосцы – длинные луки. На камзолах у всех троих виднелись одинаковые эмблемы: черные вилы с золотой полосой в правой части, на ржаво-красном поле. Арья давно задумала открыться первому же разъезду, который им встретится, но ей представлялось, что это будут люди в серых плащах, с лютоволком на груди. Она могла бы даже рискнуть при виде великана Амберов или кулака Гловеров, но кому служит этот рыцарь с вилами, она не знала. Из того, что она видела в Винтерфелле, вилы напоминали только трезубец в руке водяного, изображенного на гербе лорда Мандерли.

– Что у тебя за дело в Близнецах? – спросил рыцарь.

– Солонина для свадебного пира, с позволения вашей милости, – пробубнил Пес, потупив глаза и пряча лицо.

– Будь моя воля, я бы никому не позволял есть солонину. – Рыцарь лишь скользнул глазами по Клигану, а на Арию вовсе не обратил внимания, зато Неведомый задержал его взгляд надолго. Конечно, ведь сразу видно, что этот жеребец – не плуговая лошадь. Один из оруженосцев чуть не свалился в грязь, когда вороной попытался укусить его коня. – Откуда

у тебя этот зверь? – осведомился рыцарь с вилами.

– Свадебный подарок от миледи, сир. Она шлет его молодому лорду Талли, – смиренно отвечал Клиган.

– Что за леди? Кому ты служишь?

– Старой леди Уэнт, сир.

– Уж не думает ли она, что ей вернут Харренхолл в обмен на коня? – спросил рыцарь. – Боги видят, нет большей дуры, чем старая дура. Ладно, проезжай.

– Да, милорд. – Пес снова взмахнул кнутом и старые клячи потащили колымагу дальше. Колеса во время остановки увязли в грязи и не сразу освободились. Всадники тем временем ускакали. Клиган оглянулся на них и хмыкнул:

– Сир Доннел Хэй. В свое время я отобрал у него столько коней, что и счет потерял. И успехов тоже. А однажды чуть не убил его в общей схватке.

– Как же он тогда тебя не узнал?

– Потому что таких дурней, как рыцари, еще поискать – они считают ниже своего достоинства разглядывать какого-то вшивого мужика. – Он подогнал коней кнутом. – Если держать глаза вниз, говорить уважительно и почаще повторять «сир», они тебя вовсе не заметят. Они обращают больше внимания на лошадей, чем на простолюдинов. Вот Неведомого он, пожалуй, узнал бы, если бы когда-нибудь видел меня на нем.

«Твое лицо он тоже узнал бы». Арья в этом не сомневалась. Тому, кто хоть раз видел ожоги Сандора Клигана, за-

быть их не так-то легко. Их можно скрыть под шлемом, но у Клигана и шлем в виде собачьей головы.

Вот почему им понадобилась эта повозка и бочки с соляной. «Я не желаю, чтобы меня притащили к твоему брату в цепях, – сказал Клиган, – и не хочу прорубать себе путь через его людей, чтобы попасть к нему. Придется нам стать лицедеями».

Крестьянин, случайно встреченный на Королевском тракте, обеспечил их повозкой, лошадьми, одеждой и бочонками, хотя и не по доброй воле. Пес забрал у него все это под угрозой меча, а когда крестьянин обругал его грабителем, сказал: «Я не грабитель, а фуражир. Скажи спасибо, что подштанники тебе оставил. А вот сапоги снимай, не то я ноги тебе отрублю. Выбирай сам». Крестьянин ростом и силой не уступал Клигану, но все же решил снять сапоги и сохранить ноги.

Настал вечер, а они все так же тащились к Зеленому Зубцу и двум замкам лорда Фрея. «Я почти на месте», – думала Арья. Ей следовало бы испытывать радостное волнение, а между тем все ее нутро точно узлом завязали. Возможно, всему виной была ее лихорадка, а может и нет. Прошлой ночью она видела плохой сон, *ужасный сон*. Она не могла вспомнить, что же ей снилось, но тяжелое чувство не покидало ее весь день. Оно не желало проходить и становилось только сильнее. «Страх ранит глубже, чем меч». Сейчас ей надо быть сильной, как наказывал ей отец. Сейчас ее отде-

ляют от матери лишь ворота замка, река и войско... Но это войско Робба, поэтому ей ничего не грозит. Или грозит?

В этом войске, помимо других, находится и Русе Болтон. Лорд-пиявка, как зовут его разбойники. От этого Арье делалось не по себе. Убегая из Харренхолла, она спасалась не только от Кровавых Скоморохов, но и от него, и перерезала горло одному из его солдат. Знает ли он, что это сделала она, или винит Джендри с Пирожком? Расскажет ли он об этом матери? Что он сделает, если увидит ее? «Может, он меня и не узнает». Теперь она больше похожа на мокрую крысу, чем на его бывшую чашницу, притом на крысу-мальчика. Пес всего два дня назад обрезал ей волосы. Цирюльник из него еще хуже, чем из Йорена, и голова с одной стороны получилась наполовину лысая. «Спорить могу, что и Робб меня не узнает, и матушка». Она ведь была совсем малень-

кая в тот день, когда лорд Эддард Старк уехал с ней из Винтерфелла.

Они слышали музыку до того, как увидели замок. Бой барабанов, рев рогов и пронзительный вой волынок пробивались сквозь шум реки и стук лупившего по головам дождя.

– На свадьбу мы опоздали, – сказал Пес, – но пир, похоже, еще идет. Скоро я от тебя избавлюсь.

«Это я от тебя избавлюсь», – подумала Арья.

Дорога, ведущая в основном на северо-запад, теперь повернула строго на запад, между яблочным садом и полем прибитой дождем пшеницы. Миновав последние яблони, они поднялись на пригорок, и перед ними открылись оба замка, река и два военных лагеря. Сотни лошадей стояли в загонах, и тысячи людей толпились вокруг трех огромных шатров, обращенных к воротам замка. Робб разбил свой лагерь на более высоком и сухом месте, но разлившийся Зеленый Зубец подбирался уже и туда, угрожая крайним палаткам.

Здесь музыка из замков звучала громче. Над лагерем разносились барабанная дробь и гудение рожков. В ближайшем замке играли одно, в противоположном другое, и шум более напоминал битву, чем пир.

– Слушать противно, – заявила Арья.

– Ручаюсь, все глухие старухи в Ланниспорте заткнули себе уши. – Пес издал звук, могущий сойти за смех. – Мне говорили, что Уолдер Фрей слаб глазами, но у него, видать, и

со слухом неполадки.

Жаль, что теперь ночь, а не день. Днем, если бы выглянуло солнце и подул ветер, Арья смогла бы разглядеть знамена, поискать лютоволка Старков, или боевой топор Сервинов, или кулак Гловеров. А ночью все краски становятся серыми. Дождь сменился мелкой изморосью, переходящей в туман, но промокшие знамена по-прежнему висели как тряпки.

Лагерь плотно огораживала изгородь из телег, и здесь Клигана с Арьей остановил караул. Фонарь, который нес сержант, позволил Арье разглядеть, что плащ на этом человеке бледно-розовый, с красными точками, а у солдат на груди виднелся герб лорда-пиявки, ободранный человек Дредфорта. Клиган рассказал им ту же историю, что и рыцарю с вилами, но сержант Болтона оказался не столь сговорчивым, как сир Доннел Хэй.

– Солонина – не то мясо, что подают на господском свадебном пиру, – презрительно заявил он.

– Так у меня еще и свиные ножки есть, сир.

– Все равно. Пир уже идет к концу. И я северянин, а не какой-то южный рыцарь-молокосос.

– Мне велено обратиться к управляющему или к повару...

– Замок закрыт, и господ беспокоить нельзя. – Сержант немного поразмыслил. – Можешь выгрузить свой товар у шатров, вон там, – показал он окольчуженной рукой. – Эль разжигает у людей голод, а старому Фрею свиные ножки ни к чему – они ему не по зубам. Спроси Седжкинса, он тебе ска-

жет, что делать. – Сержант отдал приказ, и его люди откатили в сторону одну из телег, чтобы дать Клигану проехать.

Пес, шелкнув кнутом, направил лошадей к шатрам. Никто не обращал на них внимания. Они ехали мимо нарядных павильонов, чьи мокрые шелковые стенки светились, как волшебные фонари, от горящих внутри ламп и жаровен – розовые, золотистые, зеленые, полосатые, узорные и клетчатые, с птицами, зверями, шевронами, звездами, колесами и разными видами оружия. Арья заметила желтую палатку с шестью желудями, внизу три, над ними два, сверху еще один. «Лорд Смолвуд», – подумала она, вспомнив далекий замок, желуди и его хозяйку, назвавшую ее красивой девочкой.

На каждый шелковый павильон, однако, приходилось две дюжины простых холщовых палаток, где огонь не горел. Иные из них могли вместить два десятка пехотинцев, но пиршественные шатры все равно были больше. Попойка, как видно, шла уже несколько часов. Громкие здравицы и стук винных чаш смешивались с обычными лагерными звуками: ржанием лошадей, лаем собак, грохотом катящихся во тьме повозок, смехом, руганью, лязгом стали и треском дерева. Музыка здесь, под замком, стала еще громче, но под всем этим слышался грозный шум Зеленого Зубца, ревушего, как лев в своем логове.

Арья крутилась во все стороны, надеясь увидеть эмблему с лютоволком или палатку в серых и белых тонах Винтерфелла. На глаза ей попадались одни незнакомцы. Какой-то чело-

век справлял нужду в тростнике, но это был не Элбелли. Из палатки со смехом выскочила полуодетая девушка, но палатка была бледно-голубая, а не серая, как сначала показалось Арье, и у мужчины, который выбежал следом за девицей, на дублете была рысь, а не волк. Четверо лучников под деревом натягивали навощенные тетивы своих длинных луков, но это были не люди ее отца. Дорогу им перешел мейстер, но он был слишком молод и строен для мейстера Лювина. В двух башнях Блинецов светились окна. Сквозь дымку дождя замки казались жуткими и таинственными, словно вышедшими из сказок старой Нэн, но это был не Винтерфелл.

У шатров толпа была гуще всего. Широкие полотнища были подвязаны кверху, и люди входили и выходили с рогами и кружками в руках, а иные и с женщинами. Клиган проехал мимо входа в первый шатер, и Арья увидела внутри сотни человек – одни сидели на скамьях, другие толкались у бочек с медом, вином и элем. В шатре яблоку негде было упасть, но это, похоже, никому не портило настроения. Замерзшая и промокшая Арья позавидовала им – там по крайней мере тепло и сухо, даже песни поют. Мелкий дождь у входа клубился от выходящего изнутри тепла.

– За лорда Эдмара и леди Рослин! – крикнул кто-то. Все выпили, и другой голос прокричал: – За Молодого Волка и королеву Жиенну.

«Какая еще королева Жиенна?» Единственной известной Арье королевой была Серсея.

У шатров вырыли костровые ямы, поставив над ними навесы из досок и шкур для защиты от дождя. Но с реки задувал ветер, и влага все равно попадала в огонь, который шипел и дымился. Повара жарили мясо на вертелах, и от запаха у Арьи потекли слюнки.

– Может, остановимся? – спросила она Клигана. – Там внутри сидят северяне. – Она распознала их по бородам, по лицам, по плащам из медвежьих и тюленьих шкур, по здравицам и песням. Это люди Карстарков, Амберов и воины из горных кланов. – Спорю, здесь и винтерфеллцы есть. – Люди ее отца, люди Робба, лютоволки Старков.

– Твой брат в замке, и мать тоже. Ты хочешь к ним попасть или нет?

– Хочу. А как же Седжкинс? – Сержант велел им спросить Седжкинса.

– Горячую кочергу ему в задницу, твоему Седжкинсу. – Клиган огрел кнутом одну из лошадей. – Мне нужен твой проклятый братец, а не он.

Кейтилин

Барабаны гремели, и ее голова гремела вместе с ними. На хорах в дальнем конце зала завывали волынки, верещали флейты, пиликали скрипки и дудели рога, но барабанный гром перебивал все остальное. Музыка отражалась эхом от стропил, а внизу ели, пили и перекрикивались гости. «Уолдер Фрей, должно быть, глух как пень, если терпит такую музыку». Кейтилин пригубила вино, глядя на Динь-Дона, скачущего под звуки «Алисанны». По крайней мере, ей казалось, что это «Алисанна» – у таких музыкантов это в равной степени могло быть «Медведем и прекрасной девой».

Снаружи все еще шел дождь, но в Близнецах стояла духота. В очаге ревел огонь, на стенах дымно пылали многочисленные факелы, но основной жар шел от человеческих тел: гости теснились на скамьях так плотно, что всякий, кто хотел поднять свою чашу, толкал в ребра своего соседа.

Даже у них на помосте сидели теснее, чем Кейтилин было бы желательно. Ее поместили между сиром Риманом Фреем и Русе Болтоном, и это сказывалось на ее обонянии. Сир Риманпил так, словно завтра в Вестеросе вина больше не останется, и обильно потел. Перед этим он, видимо, выкупался в лимонной воде, но никакой лимон не мог перешибить такое количество кислого пота. От Русе Болтона шел более сладкий, но не менее неприятный запах. Вместо обычного алкоголя онпил смешанное с медом и специями вино и ел очень мало.

Кейтилин не могла его винить за отсутствие аппетита. Для начала им подали жидкий луковый суп, за ним последовал салат из зеленых бобов, лука и свеклы. Затем принесли щучку в миндальном молоке, пареную репу, успевшую остыть по дороге, студень из телячьих мозгов и жилистую говядину. Такое угощение вряд ли приличествовало подавать королю, а от телячьих мозгов Кейтилин просто затошнило. Но Робб ел все это без жалоб, а ее брат был слишком занят своей молодой женой, чтобы обращать внимание на еду.

Кто бы мог подумать, что Эдмар сетовал на свою судьбу всю дорогу от Риверрана до Близнецов? Муж и жена ели с одной тарелки, пили из одного кубка, а между глотками обменивались невинными поцелуями. Эдмар отказывался от большинства блюд, и неудивительно. Кейтилин не смогла бы вспомнить, что подавали на ее собственном свадебном пиру. «Съела ли я тогда хоть кусочек? Или все время смотрела на

Неда, гадая, каков он, мой муж?»

У бедняжки Рослин улыбку словно приклеили к лицу. «Ну что ж, девочку выдали замуж, но брачная ночь еще впереди. Конечно же, ей сейчас страшно, как и мне в свое время». Робб сидел между Аликс и Уолдой Светлой, самыми спелыми из девиц Фрей. «Я надеюсь, вы не откажетесь потанцевать с моими дочерьми на свадебном пиру, – сказал ему недавно Уолдер Фрей. – Это порадует стариково сердце». Должно быть, его сердце порадовалось вдоволь – Робб исполнил свой долг, как подобает королю. Он потанцевал с обеими соседками по столу, с новобрачной и восьмой леди Фрей, с вдовушкой Ами и женой Русе Болтона Уолдой Толстой, с прыщавыми двойняшками Серрой и Саррой и даже с Ширеей, меньшей дочкой лорда Уолдера, лет шести от роду. Кейтилин гадала, доволен ли лорд Переправы или он в обиде за всех прочих дочек и внучек, еще не танцевавших с королем?

– Ваши сестры прелестно танцуют, – сказала Кейтилин сир-у Риману, стараясь быть любезной.

– Это не сестры, а тетки и кузины. – Сир Риман глотнул еще вина, и струйка побежала по щеке ему в бороду.

«Изволь тут поддерживать беседу с таким угрюмцем, который к тому же крепко набрался». Если на угощение лорд Уолдер поспешил, то напитков он не жалел. Эль, вино и мед текли, как река за стенами замка. Большой Джон уже был в стельку пьян, сын лорда Уолдера Меррет шел с ним

уровень, но сир Уэйлен Фрей уже отказался от борьбы с ними обоими. Кейтилин предпочла бы видеть лорда Амбера трезвым, но попросить Большого Джона не пить – все равно что запретить ему дышать.

Маленький Джон и Робин Флинт сидели рядом с Роббом, по обе стороны от Аликс и Уолды. Они оба, а также Патрек Маллистер и Дейси Мормонт, будучи этим вечером телохранителями короля, не пили вовсе. Свадебный пир – не поле боя, но от пьяных всего можно ожидать, и короля нельзя оставлять без охраны... Кейтилин радовалась этому, а еще больше тому, что пояса с мечами висят на колышках вдоль стен. «Чтобы резать студень, мечи не нужны».

– Все думали, что милорд выберет Уолду Светлую, – рассказывала сире Венделу, перекрикивая музыку, леди Уолда Болтон – кругленькая, розовая, с водянистыми голубыми глазами, жидкими желтыми волосами, огромной грудью и дрожащим писклявым голосом, весьма странным для таких объемов. Трудно представить ее в Дредфорте в этих розовых кружевах и беличьей накидке. – Но мой лорд-дедушка обещал дать в приданое столько же серебра, сколько весит невеста, и милорд Болтон выбрал *меня*. – Она засмеялась, тряся своими подбородками. – Я вешу на шесть стоунов больше Уолды Светлой, и впервые в жизни я порадовалась этому. Теперь я леди Болтон, а моя кузина осталась в девках, при том, что ей скоро уже девятнадцать, бедняжке.

Лорд Болтон не обращал внимания на ее болтовню. Ино-

гда он отведывал кусочек того, ложку другого, отламывал хлеб от ковриги своими короткими сильными пальцами, но еда не отвлекала его от происходящего. В начале пира он предложил тост за внуков лорда Уолдера, не преминув напомнить, что Уолдер и Уолдер сейчас находятся под присмотром его бастарда. По взгляду, который бросил на него старик, и по движению его беззубого рта Кейтилин поняла, что невысказанная угроза дошла до лорда Фрея.

«Видал ли свет более тоскливую свадьбу?» – спросила она себя, но тут же вспомнила бедную Сансу, выданную за Беса. Да смилуется Матьер над ее нежной душой. От жары, дыма и шума Кейтилин чувствовала дурноту. Музыкантов на хорах много, и играют они громко, но талантами явно не блещут. Кейтилин выпила еще немного вина и позволила пажу наполнить ее чашу. «Еще несколько часов и худшее будет позади». Завтра к этому часу Робб уже выступит в поход – теперь на Ров Кайлин, чтобы сразиться с островитянами. Кейтилин, как ни странно, испытывала едва ли не облегчение от этой мысли. «Он победит в этом бою. Он побеждает во всех своих сражениях, а железные люди сейчас остались без короля. К тому же, Нед хорошо его обучил». Барабаны гремели, Динь-Дон снова проскакал мимо нее, но за музыкой она не расслышала его колокольчиков.

Шум внезапно перекрыло громкое рычание – это две собаки сцепились из-за кости. Они покатались по полу, вызвав всплеск общего веселья. Кто-то облил их элем из кувшина, и

они расцепились. Одна заковывляла к помосту, и лорд Уолдер разинул от хохота свой беззубый рот, когда мокрая собака встряхнулась, обрызгав элем трех его внуков.

Собачья драка напомнила Кейтилин о Сером Ветре, но его нигде не было видно. Лорд Уолдер не допустил волка в чертог.

– Я слышал, ваш зверь любит человечинку, хе, – сказал он. – Рвет глотки почем зря. Такому чудовищу не место на свадьбе моей Рослин, среди женщин и моих милых ребятешек.

– Серый Ветер для них не опасен, милорд, – возразил Робб. – Особенно когда я рядом.

– Когда он накинулся на моих внуков, которых я выслал вам навстречу, вы тоже были рядом, не так ли? Не думайте, что я ничего об этом не знаю, хе.

– Никто не пострадал.

– Король говорит, никто не пострадал? Никто? Петир свалился с лошади – я так одну из жен потерял. – Старик пожевал ртом. – Или не жену, а какую-то потаскушку? Да, мать бастарда Уолдера, вспомнил теперь. Она упала с лошади и разбила себе голову. Что бы вы сделали, ваша милость, если бы и Петир сломал себе шею, хе? Принесли бы мне извинения за потерянного внука? Ну уж нет. Вы, может, и король, не спорю, Король Севера, хе, но у себя в доме правила устанавливаю я. Либо волк, либо свадьба, государь, – выбирайте, что хотите.

Кейтилин видела, что сын ее в бешенстве, но Робб сдержал себя и подчинился воле хозяина дома. Не зря же он сказал ей у ворот замка: «Если лорд Уолдер подаст мне тушеную ворону под соусом из червей, я съем и попрошу добавки». Это самое он и сделал.

Еще один из потомков лорда Уолдера свалился под стол, побежденный Большим Джоном, – на этот раз Петир Прыщ. «Амбер вмещает в себя втрое больше – на что этот юноша рассчитывал?» Большой Джон встал, вытер рот и запел: *«Жил-был медведь, косолапый и бурый! Страшный, большой и с косматою шкурой!»* Голос у него был совсем не плох, хотя и осип от выпитого. Музыканты, к несчастью, в это время играли «Весенние цветы», чей мотив подходил к словам «Медведя», как улитки к овсянке. Даже бедный Динь-Дон зажал себе уши.

Русе Болтон пробормотал что-то неразборчивое и отправился на поиски отхожего места. В тесном зале царили непрекращающийся гул гостей и толкотня слуг, сновавших взад-вперед. Кейтилин знала, что в замке на том берегу идет другой пир, для рыцарей и лордов более мелкого пошиба. Лорд Уолдер сплавил туда все свое незаконное потомство, за что это торжество получило у северян название «бастардов пир». Кое-кто из гостей, без сомнения, потихоньку бежит посмотреть, как пируют бастарды – а ну как у них веселее? Некоторые, может быть, даже в лагерь заглядывают. Фрей свезли туда в изобилии вино, эль и мед, чтобы простые

солдаты тоже могли выпить за союз Риверрана и Близнецов.

Робб пересел на освободившееся место Болтона.

– Еще несколько часов, и эта комедия кончится, матушка, – тихо произнес он. Большой Джон тем временем пел про деву с медовыми волосами. – Уолдер Черный нынче кроток, как ягненок, а дядя Эдмар, кажется, доволен своей женой. – Он перегнулся через нее. – Сир Рима́н!

– Да... Ваша милость? – захолопал глазами Рима́н Фрей.

– Я хотел просить Оли́вара быть моим оруженосцем, когда мы выступим на север, но не нашел его здесь. Может быть, он на другом пиру?

– Оли́вар? – Сир Рима́н покачал головой. – Нет. Оли́вара нет. Он того... уехал из замка. По делам.

– Понимаю, – сказал Робб, хотя его тон предполагал обратное. Сир Рима́н так больше ничего не добавил, и Робб спросил Кейти́лин: – Не хочешь ли потанцевать, матушка?

– Благодарю, но нет. – Голова у нее разболелась так, что танцевать ей хотелось меньше всего. – Кто-нибудь из дочерей лорда Уолдера, без сомнения, с удовольствием составит тебе пару.

– О, без сомнения. – Его улыбка выражала покорность судьбе.

Музыканты теперь заиграли «Железные копыя», а Большой Джон затянул «Гуляку-парня». «Хоть бы кто-нибудь свел их вместе – это помогло бы достигнуть гармонии». Кейти́лин снова обратилась к сир Рима́ну:

– Я слышала, что один из ваших кузенов – певец.

– Алесандер, сын Саймонда. Аликс – его сестра. – Он указал чашей на упомянутую им девушку, которая танцевала с Роббином Флинтом.

– Разве он не споет для нас сегодня?

– Не споет. Он уехал, – нахмурившись, ответил сир Ригман. Он вытер пот со лба и нетвердо поднялся на ноги. – Прошу прощения, миледи, – молвил он и, шатаясь, вышел из зала.

Эдмар целовал Рослин, сжимая ей руку. В глубине зала сир Марк Пайпер и сир Денвел Фрей состязались, кто кого перепьет, Хромой Лотар рассказывал что-то забавное сир Хостину, кто-то из молодых Фреев жонглировал тремя кинжалами, потешая хихикающих девиц, Динь-Дон сидел на полу и облизывал вино с пальцев. Слуги внесли огромные серебряные блюда с ломтями сочной розовой баранины, самым аппетитным из всего, что подавалось до сих пор. Робб вел в танце Дейси Мормонт.

Когда старшая дочь леди Мейдж меняла кольчугу на платье, она становилась настоящей красавицей – высокая, гибкая, с застенчивой улыбкой, освещающей ее продолговатое лицо. Отрадно было видеть, что она столь же грациозна в танце, как и на ристалище. Добралась ли уже леди Мейдж до Перешейка? Остальных дочерей она взяла с собой, но Дейси как одна из соратников Робба решила остаться с ним. «Он, как и Нед, одарен способностью внушать людям пре-

данность». Оливар Фрей тоже ее разделял. Робб, кажется, говорил, что Оливар не хотел его покидать даже после того, как он женился на Жиенне.

Лорд Переправы, восседающий между своими черными дубовыми башнями, хлопнул в ладоши. Звук хлопка был так слаб, что даже сидящие на помосте его не услышали, но сир Эйенис и сир Хостин увидели сам жест и принялись стучать чашами по столу. К ним присоединился Хромой Лотар, потом Марк Пайпер, сир Денвел и сир Раймунд. Вскоре уже половина гостей барабанила по столам, и это наконец заметили даже музыканты на хорах. Пиликанье, грохот и вой смолкли, и настала тишина.

– Ваша милость, – крикнул лорд Уолдер Роббу, – септон прочел свои молитвы, были сказаны разные слова, и лорд Эдмар закутал мою малютку в рыбий плащ, но они пока еще не стали мужем и женой! Для меча надобны ножны, хе, а для свадьбы – брачное ложе. Что скажет мой государь? Не пора ли уложить молодых в постель?

Больше двадцати сыновей и внуков Уолдера Фрея снова застучали чашами, крича в такт:

– В постель! В постель! Пора в постель! – Рослин стала белой как мел. «Что ее так пугает – близкое расставание с девичеством или само провожание?» У нее столько родни, что этот обычай ей наверняка знаком, но когда в постель провожают тебя, это совсем другое дело. В брачную ночь самой Кейтилин Джори Кассель второпях разорвал на ней платье,

а пьяный Десмонд Грелл извинялся за каждую непристойную шутку, чтобы тут же выпалить новую. Лорд Дастин, увидев ее обнаженную грудь, сказал Неду, что скучает по материнскому молоку. «Бедняга», – подумала она. Он отправился с Недом на юг и больше не вернулся. Кейтилин гадала, сколько мужчин, сидящих здесь сейчас, умрут еще до конца года? «Боюсь, что слишком много».

Робб поднял руку.

– Если вы думаете, что время пришло, лорд Уолдер, давайте уложим их немедленно.

Гости встретили его слова одобрительным ревом. Музыканты на хорах, снова взявшись за скрипки, рога и волынки, грянули: «Королева сняла башмачок, король же снял корону». Динь-Дон запрыгал, звеня собственной короной.

– Я слышала, что у мужиков Талли между ног форель, – вскричала Аликс Фрей.

– Небось, ей нужен червячок, чтобы подняться?

– А я слышал, что у фреевских баб не одни ворота, а двое! – ответил ей на это Марк Пайпер.

– Да, только и те и другие накрепко заперты, и таким мелким тараном, как у вас, их не взять! – не осталась в долгу Аликс. Их перебранку встретили хохотом, и Патрек Маллистер, взобравшись на стол, предложил выпить за одноглазую рыбу Эдмара.

– И доложу я вам, что рыба эта – здоровенная щука! – объявил он.

– Какая там щука, плотва, – крикнула толстая Уолда Болтон рядом с Кейтилин, и все снова стали скандировать хором:

– *В постель! В постель!*

Гости хлынули к помосту – самые пьяные, как всегда, впереди. Мужчины и мальчики подняли на руки Рослин, дамы и девицы принялись раздевать Эдмара. Он смеялся и отпускал соленые шуточки, но из-за громкой музыки Кейтилин ничего не могла разобрать. А вот Большого Джона она услышала.

– Подайте-ка мне молодую! – взревел он, растолкал других мужчин и взвалил Рослин на плечо. – Экая фитюлька – совсем мяса нет!

Кейтилин стало жаль девушку. Невесты зачастую пытаются отвечать на шутки или хотя бы делают вид, что им это нравится, Рослин же застыла от ужаса, вцепившись в Большого Джона – как видно, она боялась, что он ее уронит. «Она еще и плачет, – заметила Кейтилин, глядя, как Марк Пайпер снимает с невесты башмачок. – Надеюсь, Эдмар будет ласков с нею». С хоров лилась все та же веселая и озорная музыка: королева уже снимала нижнее платье, а король – рубаху.

Кейтилин следовало бы присоединиться к стайке женщин, окруживших ее брата, но она знала, что только испортит им удовольствие. Ее настроение никак нельзя было назвать игривым. Эдмар, безусловно, извинит ее – гораздо приятнее, когда тебя раздевают веселые и озорные фреевские женщины без участия мрачной сестры.

Молодых вынесли вон, оставляя за собой разные предметы одежды, и Кейтилин увидела, что Робб тоже остался в зале. Уолдер Фрей достаточно придирчив, чтобы усмотреть в этом оскорбление для своей дочери. «Роббу бы следовало проводить Рослин вместе с другими, но пристало ли мне говорить ему об этом?» Впрочем, многие другие тоже остались. Петир Прыщ и сир Уэйлен спали, уронив головы на стол, Меррет Фрей в который раз наполнял свою чашу, Динь-Дон бродил вокруг, собирая объедки с тарелок, сир Вендел Мандерли обгладывал баранью ногу. Лорд Уолдер, разумеется, продолжал восседать на своем троне – он не смог бы с него слезть без посторонней помощи. «Но Робба он надеется увидеть среди провожающих». Она чувствовала, что старик вот-вот спросит, почему его милость не хочет увидеть его дочь обнаженной? Барабаны все гремели и гремели.

Дейси Мормонт, единственная женщина, оставшаяся в зале помимо Кейтилин, тронула за руку Эдвина Фрея и что-то сказала ему на ухо. Эдвин грубо оттолкнул ее и громко ответил:

– Нет уж – довольно я наплясался на сегодня.

Дейси, побледнев, отвернулась, и Кейтилин медленно поднялась с места. «Что это значит? – Сомнения овладели ее сердцем, которое за миг до этого не чувствовало ничего, кроме усталости. – Пустяки, – говорила она себе, – ты ищешь грамкинов в поленнице дров, ты просто глупая старуха, большая горем и страхом». Но лицо ее, должно быть,

приняло такое выражение, что даже сир Вендел Мандерли заметил.

– Что-нибудь не так? – спросил он, оторвавшись от бараньей ноги.

Она, не отвечая, направилась к Эдвину Фрею. Музыканты, раздев наконец короля и королеву, сделали короткую передышку и начали совсем другую песню. Слов не было, но Кейтилин и без них узнала «Рейнов из Кастамере». Эдвин встал и поспешно пошел к двери. Кейтилин прибавила шагу, подгоняемая музыкой. Шесть быстрых шагов – и она догнала его. «Да кто ты такой, вопрошал гордый лорд, чтоб я шел к тебе на поклон?» Она схватила Эдвина за рукав и вся похолодела, нащупав под шелком железные звенья кольчуги.

Кейтилин ударила его по лицу так, что разбила губу. «Оливар, Первин, Алесандер – никого из них нет. И Рослин плачет...»

Эдвин оттолкнул ее. Музыка заглушала все остальное, и казалось, будто плачут самые стены. Робб, гневно глядя на Эдвина, двинулся ему наперерез... и под самым его плечом вдруг выросла пущенная из арбалета стрела. Если он и вскрикнул тогда, Кейтилин не услышала этого за скрипками, рогами и волынками. Вторая стрела пронзила ногу, и Робб упал. У половины музыкантов на галерее появились в руках арбалеты вместо флейт и барабанов. Кейтилин бросилась к сыну, но что-то ударило ее в поясницу, и каменный пол устремился ей навстречу.

– *Робб!* – закричала она, падая. Маленький Джон Амбер сорвал столешницу с козел и прикрыл ею короля. В дерево вонзились еще стрелы – одна, две, три. Фрей, орудуя кинжалами, окружили Робина Флинта. Вендел Мандерли встал, и стрела, попав в его раскрытый рот, вышла из затылка. Он рухнул лицом вниз, сбив с козлов столешницу, и все что на ней стояло – кубки, подносы, кувшины, миски, репа, свекла, вино – все разлетелось и повалилось на пол.

Спину Кейтилин жгло огнем. «Я должна до него добратъся». Маленький Джон огрел сира Раймунда Фрея бараньей ногой по лицу, но когда он бросился к своему поясу, висящему на стене, стрела повалила его на колени. «Ты зовешься львом и с большой горы смотришь грозно на всех остальных». Сир Хостин Фрей зарезал Лукаса Блэквуда. Одному из Вэнсов, который схватился с сиром Харисом Хэем, Уолдер Черный рассек поджилки. «Но если когти твои остры, то мои не тупее твоих». Доннел Локе, Оуэн Норри и еще полдюжины человек пали, сраженные стрелами. Молодой сир Бенфри схватил за руку Дейси Мормонт, она разбила о его голову кувшин с вином и кинулась к двери. Дверь распахнулась ей навстречу, и в чертог ворвался сир Риман, одетый в сталь с головы до ног. За ним следовала дюжина фреевских латников, вооруженных длинными топорами.

– *Смилуйтесь!* – крикнула Кейтилин, но барабаны, рога и лязг стали заглушили ее мольбу. Топор сира Римана погрузился в живот Дейси. В другую дверь тоже валили люди,

в кольчугах, лохматых плащах и со сталью в руках. «Северяне!» На какое-то мгновение ей казалось, что они пришли на помощь, но тут один из них срубил голову Маленькому Джону двумя мощными ударами топора, и ее надежда угасла, как свеча на ветру.

Лорд Переправы со своего резного трона наслаждался зрелищем бойни.

На полу в нескольких футах от Кейтилин валялся кинжал. Возможно, он отлетел сюда, когда Маленький Джон оторвал столешницу, а может выпал из чьей-то ослабевшей руки. Кейтилин поползла к нему. Все ее тело налилось свинцом, и во рту чувствовался вкус крови. «Я убью Уолдера Фрея, – твердила она себе. Динь-Дон, забившийся под стол, был ближе к кинжалу, но только съежился, когда Кейтилин схватила клинок. – Я убью старого негодяя. Хотя бы это я должна сделать».

Столешница, которой Маленький Джон прикрыл Робба, сдвинулась, и ее сын привстал на колени. Одна стрела торчала у него из руки, вторая из ноги, третья из груди. Лорд Уолдер сделал знак, и музыка смолкла – вся, кроме одного барабана. Кейтилин услышала отдаленный шум битвы и чуть поближе – отчаянный волчий вой. «Серый Ветер», – с запозданием вспомнила она.

– Хе-хе, – произнес лорд Уолдер. – Король Севера восстал. Мы, кажется, убили кого-то из ваших людей, ваша милость, но я приношу вам свои *извинения*. Теперь они наверняка оживут снова.

Кейтилин вцепилась в длинные седые волосы Динь-Дона и выволокла его из-под стола.

– Лорд Уолдер! – вскричала она. – *ЛОРД УОЛДЕР!* –

«*Бум-бум-бум*», – медленно и монотонно бил барабан. – Довольно, – сказала Кейтилин. – *Довольно*, говорю я. Вы отплатили изменой за измену, на том и покончим. – Она приставила кинжал к горлу Динь-Дона, и ей вспомнилась комната больного Брана и сталь у собственного горла. «*Бум-бум-бум бум-бум*», – бил барабан. – Прошу вас. Он мой сын. Мой первенец и последний, кто у меня остался. Пощадите его. Пощадите, и я клянусь, что мы забудем... все, что вы совершили. Клянусь старыми богами и новыми: мы не будем мстить.

Лорд Уолдер недоверчиво прищурился.

– Только дурак способен поверить такой нелепице. Вы принимаете меня за дурака, миледи?

– Я принимаю вас за отца. Оставьте в заложниках меня и Эдмара тоже, если его еще не убили, но отпустите Робба.

– Нет, – чуть слышно произнес Робб. – Матушка, нет...

– Да. Робб, вставай. Вставай и уходи отсюда, *прошу тебя*.

Спасайся... если не ради меня, то ради Жиенны.

– Жиенна? – Робб ухватился за край стола и встал. – Матушка... Серый Ветер...

– Ступай к нему. Сейчас же. *Уходи отсюда, Робб*.

– С чего вы взяли, что я позволю ему уйти? – фыркнул лорд Уолдер.

Она еще плотнее прижала кинжал к горлу Динь-Дона. Дурачок закатил глаза в немой мольбе, и отвратительный смрад ударил ей в нос, но она обратила на это не больше внимания, чем на непрерывный бой барабана: *бум-бум-бум-бум-*

бум-бум. Сир Риман и Уолдер Черный зашли ей за спину, но Кейтилин было уже все равно. Пусть делают с ней что хотят: бросают в темницу, насилуют, убивают. Она уже прожила свою жизнь, и Нед ждет ее. Только бы Робб был жив.

– Клянусь честью Талли и честью Старк, я оставлю жизнь вашему Эйгону, если вы оставите жизнь моему Роббу. Сын за сына. – Ее рука дрожала так, что корона дурачка звенела.

«*Бум*, – бил барабан, – *бум-бум-бум-бум*». Старик пожевал губами. Нож, скользкий от пота, дрожал в руке Кейтилин.

– Сын за сына, хе-хе... Но он мой внук, и от него никогда не было особого проку.

Человек в темных доспехах и бледно-розовом, забрызганном кровью плаще подошел к Роббу.

– Наилучшие пожелания от Джейме Ланнистера. – С этими словами он пронзил мечом сердце короля и повернул клинок.

Робб нарушил свое слово, но Кейтилин сдержала свое. Крепко держа Эйгона за волосы, она полоснула его по горлу так, что нож скрежетнул о кость. Горячая кровь оросила ее пальцы. Колокольчики звенели «*динь-дон-динь-дон*», и барабан бил «*бум-бум-бум-бум*».

Кто-то отнял у нее нож, и слезы, едкие как уксус, потекли у нее по щекам. Десять злобных воронов терзали ее лицо когтями и клювами, оставляя глубокие кровавые раны. Она чувствовала кровь у себя на губах.

«Как больно. Наши дети, Нед, все наши милые детки.

Рикон, Бран, Арья, Санса, Робб... пожалуйста, Нед, сделай что-нибудь, останови эту боль...» Белые слезы вперемешку с красными катились по ее изодранному лицу, которое когда-то любил Нед. Кейтилин Старк подняла руки, глядя, как кровь струится по пальцам в рукава ее платья. Красные черви ползли по ее телу. «Щекотно». Ее смех, вызванный щекоткой, перешел в крик.

– Она лишилась рассудка, – сказал кто-то, а другой приказал: – Прикончи ее, – и чья-то рука схватила ее за волосы, как она Динь-Дона. «Нет, нет, – подумала она, – не обрезайте мне волосы. Нед так любит их». Сталь впиалась ей в горло красным холодным поцелуем.

Арья

Шатры, где шел пир, остались позади. Лошади шлепали по мокрой глине и прибитой траве, уходя от света во тьму. Впереди высились ворота замка. На стенах двигались факелы, трепеща на ветру. Их свет тускло отражался от мокрых шлемов и кольчуг. Еще больше факелов мелькало на мосту, соединяющем две башни Близнецов – целая колонна огней струилась от западного берега к восточному.

– А замок-то открыт, – вдруг заметила Арья. Сержант сказал им неправду. Решетка ворот ползла вверх у нее на глазах, и через бурлящий ров уже перекинули мост. Вот только пропустит ли их стража лорда Фрея? Арья прикусила губу, слишком взволнованная, чтобы улыбаться.

Пес натянул вожжи так сильно, что она чуть не свалилась с повозки.

– Семь поганых вонючих преисподних, – выругался он.

Их левое колесо ушло глубоко в грязь, и повозка слегка накренилась. – *Слезай!* – рявкнул Клиган, хватив ее ладонью по плечу и сбив наземь. Она упала легко, как учил ее Сирио, и тут же вскочила с перемазанным грязью лицом.

– *Ты что делаешь?!* – завопила она. Пес тоже спрыгнул, сорвал сиденье и полез за мечом, который спрятал под ним. Только тогда она услышала топот конницы. Река стали и огня лилась из ворот замка, и гром копыт по подъемному мосту почти заглушал доносящийся из замков барабанный бой. Люди и кони были одеты в доспехи, и каждый десятый держал в руке факел, а остальные – топоры, длинные топоры с заостренными верхушками и тяжелыми, разрубающими кости и доспехи лезвиями.

Где-то в отдалении завыл волк – не слишком громко по сравнению с шумом лагеря, музыкой и низким зловещим гулом реки, но Арья все равно услышала. Может быть, не ушами даже, а чем-то другим. Этот звук пронзал ее, как нож, отточенный яростью и горем. Все больше и больше всадников выезжало из замка, по четыре в ряд. Им не было конца – рыцарям, оруженосцам и вольным наездникам, факелам и топорам.

Сзади тоже раздался какой-то шум. Арья оглянулась и увидела, что вместо трех огромных пиршественных шатров осталось только два – тот, что в середине, рухнул. Она не сразу поняла, что происходит, но тут упавший шатер загорелся, а два других тоже обрушились, накрыв тяжелой про-

масленной парусиной бывших внутри людей. Поток огненных стрел расчертил ночное небо. Второй шатер воспламенился, а за ним и третий. Крики стали такими громкими, что слова можно было различить, невзирая даже на музыку. Перед огнем мелькали темные фигуры, и сталь на них переливалась оранжевыми бликами.

«Там идет бой, – смекнула Арья. – А эти всадники...»

Время уже не позволяло следить за шатрами. Из-за разлива реки темная вода на конце подъемного моста доходила лошадям до брюха, но всадники преодолевали ее вброд, подгоняемые музыкой. В обоих замках наконец заиграли одну и ту же песню. «Я ее знаю». Том-Семерка пел ее в ту дождливую ночь, когда разбойники укрылись в пивоварне вместе с братьями септрия. *«Да кто ты такой, вопрошал гордый лорд, чтоб я шел к тебе на поклон?»*

Всадники ехали теперь через ил и тростники, и некоторые из них заметили застрявшую повозку. Трое человек отделились от колонны и поскакали, расплескивая воду, к ней. *«Ты всего лишь кот, только шерстью желт да гривой густой наделен».*

Клиган одним взмахом меча рассек привязь Неведомого и вскочил ему на спину. Конь, зная, чего от него ждут, запрядал ушами и помчался навстречу всадникам. *«Ты зовешься львом и с большой горы смотришь грозно на всех остальных. Но если когти твои остры, то мои не тупее твоих».* Арья тысячу раз молилась о том, чтобы Пес умер, но теперь... она

держала в руке скользкий от грязи камень, который даже не помнила, как подняла, и не знала, в кого им запустить.

Она вздрогнула от громкого скрежета – это Клиган отбил в сторону первый топор. Второй всадник, тем временем, объехал его сзади и размахнулся, целя ему в поясницу, но Неведомый круто повернулся, и топор только скользнул по Псу, разодрав его мешковатый крестьянский кафтан и обнажив скрытую под ним кольчугу. «Он один против трех – его наверняка убьют». Арья сжимала в кулаке свой камень и вспоминала Мику, подручного мясника, с которым так недолго дружила.

Потом она увидела, что третий всадник скачет к ней, и спряталась за повозкой. «Страх ранит глубже, чем меч». Гремели барабаны, завывали рога и волынки, ржали кони, сталь скрежетала о сталь, но все эти звуки как будто отдалились, и остался только всадник с топором в руке. Она видела у него на камзоле две башни – значит это Фрей. Арья ничего не понимала. Ее дядя женится на дочери лорда Фрея, Фрейи – друзья ее брата.

– *Не надо!* – закричала она, когда всадник объехал вокруг повозки, но он не остановился.

Арья метнула в него камень, как когда-то яблоко в Джендри. Джендри она засветила прямо между глаз, но теперь промахнулась, и камень отскочил от виска всадника, лишь на миг прервав его атаку. Арья, скользя по грязи, снова укрылась за повозкой. Рыцарь последовал за ней. Из глазной про-

рези его шлема на нее смотрела чернота. Камень даже вмятины на шлеме не оставил. Они обошли вокруг повозки три раза, и рыцарь выругался.

– *Все равно не убежишь, ты...*

Топор обрушился ему на голову сзади, расколов шлем и череп, и рыцарь выпал из седла лицом вниз. Позади открылся Пес верхом на Неведомом. «Откуда ты взял топор?» – чуть не спросила Арья, но потом сама увидела. Один из Фре-ев лежал, придавленный умирающей лошадью, – он утонул в луже не больше фута глубиной. Другой распростерся на спине. Латного ворота на нем не было, и из шеи торчал обломок меча.

– Поддай мой шлем, – рявкнул Клиган.

Шлем лежал в задке повозки, за бочонком со свиными ножками, прикрытый мешком сушеных яблок. Арья кинула его Псу. Тот поймал его одной рукой, нахлобучил на голову, и на месте его лица выросла стальная, рычащая на огни собачья морда.

– Мой брат...

– Мертв, – крикнул Клиган. – Думаешь, его людей перебьют, а самого в живых оставят? – Он повернул голову к лагерю. – *Смотри. Смотри*, будь ты проклята!

Лагерь превратился в поле битвы. «Нет, в скотобойню». Пламя от горящих шатров взвивалось в небо. Горело также несколько солдатских палаток и с полсотни шелковых павильонов. Мечи звенели повсюду. «Но те дни позади, и о нем

лишь дожди меж руин его замка скорбят». Двое рыцарей разом догнали бегущего человека. Бочонок, пролетев по воздуху, попал в один из горящих шатров, и пламя взвилось вдвое выше. «Катапульта», – поняла Арья. Замок стреляет по лагерью бочками со смолой или маслом.

– Садись. – Клиган протянул ей руку. – Надо убираться отсюда, да поживее. – Неведомый мотал головой и раздувал ноздри, чуя кровь. Музыка смолкла, и лишь один барабан бил медленно и монотонно, словно сердце какого-то чудовища стучало за рекой. Черное небо проливалось слезы, река ревела, люди падали с бранью на устах. На зубах у Арьи скрипела грязь, лицо стало мокрым. «Это от дождя, только от дождя».

– *Но мы же здесь*, – крикнула она тонким и испуганным, как у малого ребенка, голосом. – Робб там, в замке, и матушка тоже. И ворота открыты. – Фреи больше не выезжали из замка, а она проделала такой долгий путь. – Нам надо пойти туда, к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.